

РѢЧИ и БІОГРАФІИ

С. И. Бардиной,
П. А. Алексѣева,
Г. Ф. Здановича,
С. И. Агапова,
И. Н. Мышкина.

Предисловіе и біографіи В. В. Каллаша.

Из к. С. В. В. В. В.

РЪЧИ

№ 284.

и

БІОГРАФІИ

С. И. Бардиной,

П. А. Алексѣева, С. И. Агапова,

Г. Ф. Здановича, И. Н. Мышкина.

Предисловіе и біографіи

В. В. Каллаша.

МОСКВА.—1907.

Издание В. М. Саблина.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ началѣ 70-хъ годовъ русскую радикальную молодежь охватило эпидемическое «хожденіе въ народъ».

Причины этого своеобразнаго явленія лежатъ какъ въ условіяхъ русской жизни, такъ и во вліяніяхъ, шедшихъ изъ-за границы.

Оно прежде всего примыкаетъ къ тому сложному и острому броженію мысли, которое было создано такъ называемой «эпохой великихъ реформъ».

Впечатлѣнія Крымской войны и послѣдующія рѣзкія колебанія правительственной политики разбудили русское общественное сознаніе, вызвали единодушный протестъ и общее разочарованіе. «Утопическій социализмъ», наслѣдіе 40-хъ годовъ, и борьба за элементарныя права человѣческой личности начинаютъ все болѣе и болѣе осложняться политическими мотивами; съ вершинъ европейской науки, позитивной философіи и социалистическихъ грезъ «нигилисты» постепенно спускаются къ грязи и ужасамъ родной дѣйствительности. Борьба за освобожденіе мысли и личности вскрывала противорѣчія и сопротивленіе политическаго строя и мало-по-малу стала направлять свои удары противъ него; назрѣвало сознаніе необходимости коренной политической реформы. Поднявшіеся снизу «разночинцы» принесли съ собою живое сочувствіе положенію обездоленнаго народа. Этотъ поворотъ ярко отмѣтила наша беллетристика: на смѣну

дикаго и нелѣпаго мужика Н. Успенскаго и Слѣпцова (въ свою очередь смѣнившего «подсахаренныхъ пейзажанъ» Григоровича и «натуральной школы») идутъ настоящіе крестьяне съ ихъ настоящимъ крестьянскимъ горемъ Рѣшетникова и Г. Успенскаго.

Параллельно съ этимъ шло нащупываніе революціонныхъ силъ. Политическіе процессы 60-хъ годовъ показываютъ, что революціонизированіе общества шло быстрыми шагами. Оно прежде всего захватило разночинческую интеллигенцію и учащуюся молодежь, затѣмъ перешло къ первымъ попыткамъ проникнуть въ народъ и войска; идея систематической пропаганды и даже террора (вплоть до царубійства) была выдвинута Каракозовцами и Нечаевцами.

Но тутъ вмѣшалось вліяніе Запада и русской эмиграціи (въ особенности Бакунина), и движеніе рѣзко отклонилось отъ политическаго русла, сдѣлалось социалистическимъ *par excellence*. Успѣхи «Интернаціонала» и европейскаго социализма вообще, могучее «бунтарство» Бакунина, потрясающія впечатлѣнія Парижской Коммуны отталкивали отъ «буржуазной политики» и всецѣло направляли на социально-революционную пропаганду, въ результатѣ которой въ ближайшемъ будущемъ должна была разразиться социальная революція...

Началось (съ 1873 г.) массовое «хождение въ народъ», ради котораго бросали семью и ученіе, матеріальную обеспеченность и видное общественное положеніе.

Ясности программы, единства и цѣльности дѣйствій тогда не было. Спорадически возникаютъ кружки, иногда отличавшіеся значительными принципиальными разногласіями; они то вступаютъ другъ съ другомъ во вре-

менные и частныя соглашенія, то дѣйствуютъ совершенно обособленно.

Только прокуратура и жандармерія могли увидѣть въ этомъ движеніи громаднй заговоръ, раскинувшееся чуть ли не по всей Россіи организованное тайное общество. На самомъ дѣлѣ сходство настроеній и общность вліяній вызывали вездѣ одинаковые, но не зависящіе другъ отъ друга результаты. Это было для правительства опаснѣе заговора и большого тайнаго общества—какъ симптомъ созрѣвшаго общественнаго настроенія...

«Летучая пропаганда» и позднѣйшія «деревенскія и фабричныя поселенія» были мало плодотворны при громадной затратѣ силъ и слишкомъ большихъ жертвахъ. Это скоро привело къ разочарованію, а ожесточенныя, неосмысленныя репрессіи правительства толкнули революціонную молодежь на террористическій путь и снова ввели движеніе въ политическое русло. У молодежи одной иллюзіей было меньше... Эта наивная мечта оставила послѣ себя грустное и трогательное воспоминаніе, которое можно найти почти у всѣхъ представителей этого поколѣнія—у Степняка, Кропоткина, Дебогорія-Мокріевича, Поливанова. По словамъ послѣдняго, «это были счастливыя минуты, способныя вызвать увлеченіе и подъемъ духа, энергіи, вѣры въ свое дѣло даже у болѣе знакомаго съ жизнью, пожилого и трезваго челоуѣка, онъ же (герой автобіографическаго разсказа «Кончился») былъ чуть не мальчикъ, наивный и увлекающійся, глубоко вѣрившій въ силу книги, силу слова и мало считавшійся съ реальными условіями жизни. Все казалось тогда такъ ясно, такъ просто, вѣра въ непреодолимую силу истины была тогда такъ велика, что казалось—и казалось не ему одному, жел-

торотому юнцу—будто стоит лишь сказать людямъ это слово истины, и они повѣрятъ ему такъ же страстно, такъ же глубоко, какъ вѣрить самъ пропагандистъ, и будутъ такъ же энергично распространять его. 2—3 года пропаганды—и тогда останется только развернуть красное знамя. Да, именно только развернуть! Одного его вида достаточно будетъ, чтобы старый порядокъ вещей, съ его насиліемъ и ложью, рухнулъ, разсѣялся, какъ утренній туманъ при первыхъ лучахъ восходящаго солнца, при первомъ дуновеніи вѣтерка» ¹⁾).

Процессы 50 и 193 ²⁾ и подготовившія ихъ разслѣдованія впервые обратили вниманіе широкихъ слоевъ русскаго общества на революціонную молодежь, дѣятельность которой по необходимости была конспиративной. Ея самоотверженіе, благородный энтузіазмъ, ея мученичество вызвали общее сочувствіе, на которое всего меньше рассчитывало правительство. Полонскій пишетъ свое задушевное стихотвореніе: «Что мнѣ она!» Умирающій Некрасовъ посвящаетъ подсудимымъ процесса 50 такія прочувственные слова ³⁾:

Смолкли честные, доблестно павшіе;
Смолкли ихъ голоса одинокіе,
За несчастный народъ вопіявшіе...
Но разнузданы страсти жестокія!..
Вихоръ злобы и бѣшенства носится
Надъ тобою, страна безотвѣтная!
Все живое, все честное косится...
Слышно только, о ночь безразсвѣтная,
Среди мрака, тобою разлитого,

¹⁾ П. С. Поливановъ, Алексѣевскій равелинь. „Кончился“. М. 1906, стр. 155.

²⁾ См. изд. В. М. Саблина (М. 1906) и Стопневичъ. Процессъ 193, С.-Петербург. 1906.

³⁾ „Земля и Воля“ № 4.

Какъ враги, торжествуя, скликаются...
Такъ на трупъ великана убитаго
Кровожадные птицы слетаются,
Ядовитые гады сползаются!..

Тургеневъ задумываетъ свою Маріанну и Соломина (1876), свой апофеозъ русской революціонерки въ «Порогѣ» ¹⁾. Онъ живо интересуется Мышкинымъ. Кропоткинъ рассказываетъ ²⁾: «знали ли вы Мышкина?» спросилъ онъ меня разъ въ 1878 г. Когда судили наши кружки, сильная личность Мышкина, какъ извѣстно, рѣзко выступила впередъ.—«Я хотѣлъ бы знать все, касающееся его», продолжалъ Тургеневъ: «*вотъ чело­вѣкъ*, ни малѣйшаго слѣда гамлетовщины». И, говоря это, Тургеневъ, очевидно, обдумывалъ новый типъ, выставленный русскимъ движеніемъ и не существовавшій еще въ періодъ, изображенномъ въ «Нови». Типъ этотъ появился года два спустя».

Въ предисловіи къ «процессу 50» намъ уже приходилось говорить о томъ, какое впечатлѣніе произвели на общество личности и рѣчи главныхъ подсудимыхъ. Знаменитая рѣчь Мышкина говоритъ сама за себя.

Въ виду крупнаго значенія, которое имѣли всѣ эти пионеры русскаго освобожденія въ исторіи движенія, мы сообщаемъ дальше всѣ біографическія свѣдѣнія о нихъ, которыя намъ удалось собрать. Къ сожалѣнію, нѣкоторыя изъ нихъ очень скудны. Тѣхъ данныхъ, которыя находятся въ обвинительныхъ актахъ, мы не повторяемъ.

¹⁾ Это стихотвореніе обыкновенно относятъ къ Перовской, но намъ приходилось слышать изъ компетентныхъ источниковъ, что оно было написано около 1878 г.

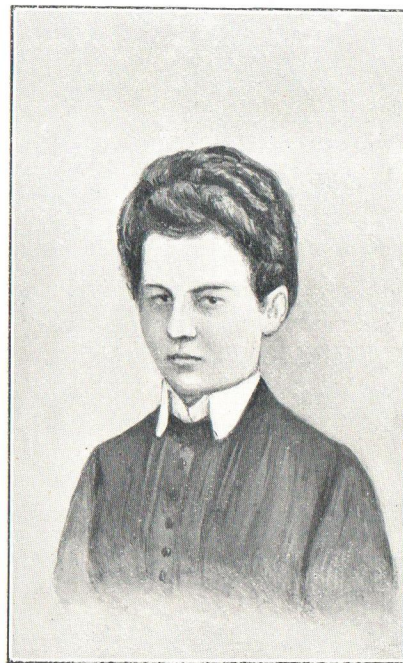
²⁾ „Записки революціонера“. С.-Петербург., 1906, стр. 353.

Биографическіе очерки.

С. И. Бардина.

Софья Иларіоновна Бардина ¹⁾, изъ дворянъ, родилась въ 1853 г. въ Моршанскѣ (Тамбовской губерніи). Отецъ, частный приставъ, былъ деспотъ въ семьѣ, но честный человѣкъ. Больше всего Бардина любила мать, и одной только ей написала письмо передъ самоубійствомъ. Окончила она Тамбовскій институтъ съ шифромъ и въ 1871 г. пріѣхала въ Москву для продолженія образованія. Здѣсь она попала въ кружки социалистической молодежи и сразу же была охвачена ея настроеніемъ. Вмѣстѣ съ сестрами Любатовичъ она отправляется въ Цюрихъ, гдѣ и пробыла до юля 1873 г. Около нея сгруппировался женскій кружокъ (Л. Фигнеръ, Б. Каминская и др.), который фигурировалъ потомъ вмѣстѣ съ нею въ «процессѣ 50-ти». Когда русское правительство воспретило пребываніе нашей молодежи въ Швейцаріи, она перекочевала въ Парижъ, откуда возвратилась въ 1874 г. на родину для пропаганды. Въ Москвѣ женская «бремешлюссельская коммуна» («кружокъ дикія») соединилась съ кружкомъ кавказцевъ (Здановичъ, Циціановъ, Джабадари и др.) и начала дѣятельную социалистическую пропаганду. Наибольшимъ успѣхомъ пользовалась Бардина. Арестована она была 4 апрѣля 1875 г. Приговоромъ Особого Присутствія Правительствующаго Сената («процессъ 50») была лишена всѣхъ правъ состоянія и присуждена къ каторжнымъ работамъ на

¹⁾ См. Ульяновскій, Женщины въ процессѣ 50-ти, СПб., 1906. Стр. 27—43. (Очеркъ С. М. Кравчинскаго).

Софья Иларіоновна Бардина.

заводахъ на девять лѣтъ. 25 декабря 1880 г. бѣжала за границу изъ Ишима (куда была сослана), благодаря организациі помощи политическимъ ссыльнымъ, устроенной Дебогоріемъ - Мокріевичемъ, около полутора года проживъ на «нелегальномъ положеніи» въ Казани и Москвѣ. Въ 1883 г. (13 апрѣля, умерла 26) застрѣлилась въ Женевѣ.

По словамъ О. С. Любатовичъ («Былое», 1906, іюнь, стр. 140 — 142), Бардина передъ своимъ бѣгствомъ за границу вышла въ Ишимѣ замужъ за Шахова, мѣстнаго учителя, который «никогда въ революціонномъ движеніи участія не принималъ». Это былъ «человѣкъ совсѣмъ не ихъ круга», и «говорить съ нимъ просто было не о чемъ». Послѣ бѣгства изъ Сибири Бардина нѣкоторое время жила въ Казани и Москвѣ. Въ Казани «безсмысленная и неумѣлая конспиративность мѣстныхъ народовольцевъ и чернопередѣльцевъ возмущала и волновала ее и держала въ тискахъ, въ чемъ, отчасти, можетъ быть, былъ виноватъ и ея мужъ». Все это помѣшало Бардиной, какъ самой О. С. Любатовичъ и Чикоидзе, принять живое участіе въ новомъ движеніи. «Между тѣмъ мы, т.-е. Бардина, Чикоидзе и я, могли бы общими усиліями значительно освѣжить революціонное дѣло; осужденные по процессу 50-ти, мы были раньше членами очень тѣсной, а потому дружной и сильной организациі, крѣпкой своимъ идейнымъ и нравственнымъ единеніемъ; наша организациа еще въ 1875 г. положила первые зачатки революціоннаго объединенія городскихъ рабочихъ въ Москвѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ; она въ зародышѣ предначертала въ своей программѣ ходъ революціоннаго движенія отъ мирной пропаганды до дезорганизациі правительства

терроромъ, до вооруженнаго сопротивленія властямъ (выстрѣлъ и сопротивленіе князя Циціанова, поддержанное Вѣрой Любатовичъ). Эта организація, какъ мнѣ говорилъ Ал. Михайловъ и многіе другіе, послужила дальнѣйшимъ организаціямъ («Землѣ и Волѣ») примѣромъ тѣснаго сплоченія революціонныхъ силъ; наша организація въ короткое время охватила революціонной пропагандой большинство крупныхъ фабрикъ Москвы, а также и нѣкоторые провинціальныя города, какъ Одессу, Кіевъ, Тулу, Иваново-Вознесенскъ и другіе; эта организація не дала изъ своей среды ни одного предателя: она была обязана этимъ принципу полной свободы и равенства членовъ ея, который легъ въ ея основу. Каждый членъ—интеллигентъ или рабочій, мужчина или женщина,—не по выбору, а по очереди, въ силу каждому присущей обязанности и права, исполнялъ определенное время административныя обязанности; члены администраціи были посредниками, и только; власти у нихъ не было никакой, и у насъ такъ высоко, на примѣръ, цѣнилась непосредственная работа въ народѣ, такъ высоко стоялъ принципъ обязательности простого рабочаго труда для каждаго члена, что въ администрацію всѣ шли неохотно, и какъ ни коротко было время нашей пропаганды (меньше года), она оставила очень замѣтные слѣды въ народѣ, и наше наслѣдіе было использовано пришедшими послѣ насъ; такъ, первымъ рабочимъ, выкинувшимъ впервые красный флагъ «Земли и Воли» во время демонстраціи 6-го декабря на Казанской площади въ 1876 году въ Петербургѣ, былъ Яковъ Потаповъ (воспитанный членомъ нашей организаціи И. Ж—мъ), раньше привлекавшійся къ дознанію въ Кіевѣ по нашему процессу (50-ти); имя члена нашей

организаціи рабочаго Петра Алексѣева, сказавшаго свою знаменательную рѣчь въ Сенатѣ, извѣстно всѣмъ даже теперь. А тогда, въ 1881 году, насъ еще лично помнила рабочая Москва; это мнѣ говорили рабочіе, когда въ 1881 году я провела нѣсколько дней въ московской тюрьмѣ; насъ помнила тогда интеллигентная Россія, и все это использовать намъ самимъ не пришлось; судьба разбросала насъ, и мы гибли въ одиночку, скованные нашею разобщенностью».

О смерти Бардиной О. С. Любатовичъ рассказываетъ такъ: «Бардина, отправившись временно за границу, застала тамъ только чернопредѣльцевъ, забывшихъ старое духовное родство съ нами. Революціонное движеніе въ то время уже дифференцировалось на два теченія, и мы, объединявшіе въ нашей программѣ свободную организацію народа, мирную проповѣдь и вооруженный протестъ, мы оказались какъ-то не вполне подѣ-стать ни тѣмъ, ни другимъ. У Бардиной не оказалось за границей ни одного близкаго человѣка, но это было бы ничего—у нея не оказалось и физическихъ силъ. Одинокая, всѣми забытая, провела она нѣсколько мѣсяцевъ въ женевскомъ госпиталѣ и, убѣдившись въ Женевѣ (въ 1883 году), какъ Хоржевская въ Томскѣ (въ 1886 году), какъ Бетя Каминская въ Петербургѣ (въ 1877 году), какъ Батюшкова (въ 1892 г.) ¹⁾, что потерянныхъ силъ не вернуть, она покончила съ собой, какъ кончали жизнь древніе стойки, предпочитая свободу въ смерти рабству въ жизни... По словамъ Кравчинскаго (I. с., стр. 42), «когда она пріѣхала, наконецъ, за границу, это была уже тѣнь живого человѣка. Анемія достигла

¹⁾ Онѣ всѣ судились одновременно съ Любатовичъ по „процессу 50“.

такой степени, что она не могла уже ничего почти читать, потому что засыпала отъ усталости на пер-
выхъ страницахъ; работа вываливалась у нея изъ
рукъ, и она только истощала себя усиліями заставить
себя что-нибудь дѣлать. Ничѣмъ невозможно было
разогнать ея мрачнаго, безнадежнаго отчаянія. Она
махнула на себя рукой, она окончательно рѣшила,
что она человѣкъ, погибшій для дѣла, и горькимъ
смѣхомъ отвѣчала на увѣренія въ противномъ. А что
же было у нея внѣ дѣятельности, которой отдала она
всю свою душу?.. Иногда она старалась бодриться,
шутила, смѣялась... Но вдругъ, среди разговора, глаза
ея наполнялись слезами, и крупныя капли ихъ, одна
за другой, падали изъ нихъ. Не разъ ее заставляли
рыдающей, уткнувъ лицо въ подушку. Катастрофа
разразилась 13-го апрѣля въ 7 часовъ вечера. Два
раза револьверъ давалъ осѣчку—но безжалостной ру-
кой она взвела курокъ въ третій... Раздался выстрѣлъ;
пуля попала, какъ оказалось, въ сердце, но застѣла
въ его стѣнкѣ, не пробивши ея. Раненая упала на
постель, и, несмотря на страшную боль, у нея хва-
тило твердости въ теченіе двухъ часовъ не издать ни
звука, не прикоснуться къ шнуру звонка, висѣвшему
надъ ея изголовьемъ: она хотѣла истечь кровью... Во
время долгой агоніи въ ней не проснулась жажда
жизни... она была молчалива, спокойна, замѣчательно
терпѣлива и выражала только одно желаніе: «поско-
рѣе бы все это кончилось». 26 въ 10 ч. веч. Софіи
Бардиной не стало».

П. А. Алексѣевъ.

Петръ Алексѣевичъ Алексѣевъ, крестьянинъ Сычев-
скаго уѣзда, Смоленской губерніи, деревни Новинской,
рабочій, ткачъ, родился въ 1848 г. ¹⁾, арестованъ въ
апрѣлѣ 1875 г. и былъ привлеченъ къ «процессу 50».
Былъ присужденъ къ лишенію всѣхъ правъ состоя-
нія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ
на 10 лѣтъ. Сидѣлъ въ Борисоглѣбской центральной
тюрьмѣ и отправленъ на Кару въ 1882 г. Отъ мани-
феста изъять. Въ 1884 г. вышелъ на поселеніе въ
Якутскую область, гдѣ былъ убитъ якутами съ цѣлью
грабежа въ 1891 г. въ іюнѣ ²⁾.

Волховской написалъ о немъ любопытныя воспоми-
нанія, (см. Книгоизд. «Народная Воля», № 18, Ткачъ
П. А. Алексѣевъ, СПб., 1906 и извлеченія въ «Соц.-
Демокр. Календ.», 1902 г., стр. 72—78).

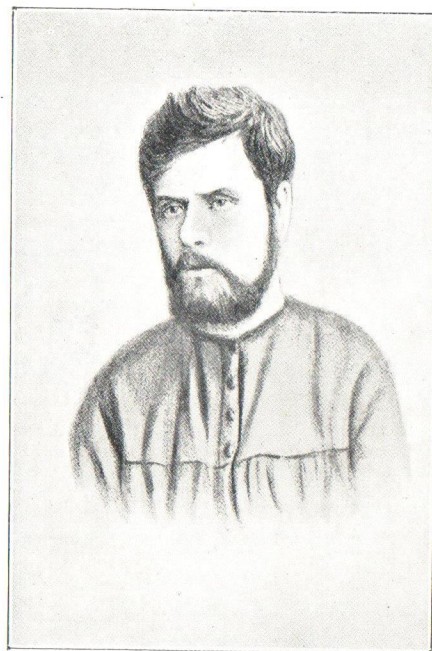
«Не выше средняго роста (если не ниже), онъ по-
ражалъ шириною туловища—какъ въ плечахъ, такъ
и отъ груди къ спинѣ; массивныя же руки и ноги
казались вылитыми изъ чугуна. На этомъ богатыр-
скомъ тѣлѣ покоилась крупная голова съ крупными
же, глубоко вырубленными чертами смуглаго лица,
съ шапкой густыхъ, черныхъ, какъ смоль, волнистыхъ
волосъ и такими же, нѣсколько курчавыми усами и
бородой. Но всего лучше были глаза—ясные и пла-
менные: неукротимая энергія свѣтилась въ нихъ, смѣ-
шанная съ добротой сильнаго человѣка. По внѣшнему
облику лицо Петра легко было принять за лицо цы-
гана».

¹⁾ По указанію Дейча (16 лѣтъ въ Сибири, Женева, 1905,
стр. 301). Особое Присутствіе Сената въ 1877 г. указываетъ
ему 26 лѣтъ.

²⁾ Дейчъ, ib. Бурцевъ въ заграничномъ „Быломъ“, Мате-
ріалы для словаря полит. ссыльных (№ 3).

гана, если бы не его выражение—открытое, прямое и добродушное—чисто-великорусское»...

«Это былъ настоящий русскій крестьянинъ, какъ по внѣшнему виду, такъ и по внутреннему складу. Петръ родился въ бѣдной земледѣльской семьѣ... При обычныхъ условіяхъ деревенской жизни ему, вѣроятно, суждено было бы оставаться весь свой вѣкъ неграмотнымъ и ходить за плугомъ. Но его родная почва плохо вознаграждаетъ земледѣльца за тяжелый трудъ, и вотъ Петрухѣ пришлось искать въ раннемъ возрастѣ хлѣба на фабрикѣ. Въ его рѣчи есть, между прочимъ, яркое и трогательное описаніе участи крестьянскаго мальчика, представляющаго дома «лишній ротъ», и, конечно, надрывающая душу картина списана Алексѣевымъ прежде всего съ его собственнаго опыта. Нездоровая для тѣла и души жизнь на ткацкой фабрикѣ, въ которую попалъ парнишка, имѣла, однако, и свою хорошую сторону для такой особенной натуры, какою былъ Алексѣевъ: въ ней онъ встрѣчался все съ новыми и новыми людьми, сравнивалъ, соображалъ; она ставила передъ нимъ вопросы, чуждые деревенской жизни, заставляла «живѣе поворачиваться» и очевидно пробудила въ способномъ подросткѣ жажду знанія, такъ какъ въ 16—17 лѣтъ онъ самъ собою, безъ помощи правильнаго учителя, выучился читать и писать. Позже, когда ему было уже за двадцать, онъ случайно столкнулся съ революціонерами—молодыми людьми и дѣвушками, большей частью прекрасно образованными и принадлежащими къ достаточнымъ, подчасъ богатымъ семьямъ, которые отбросили въ сторону всѣ выгоды своего положенія, надѣли мужичье платье и отправились на фабрики заурядными рабочими и работни-

Петръ Алексѣевич Алексѣевъ.

цами ¹⁾. Они спали на грязныхъ нарахъ, среди мириадъ насѣкомыхъ, ходили босые, ѣли невозможную пищу, дышали промозглымъ казарменнымъ воздухомъ, въ которомъ стономъ стояли матерныя слова и похабныя шутки; дѣвушкамъ же еще приходилось терпѣть отъ распушенности фабричныхъ нравовъ, отъ «озорства» какъ мелкаго начальства, такъ и своего брата—рабочаго. И все это они терпѣли ради того, чтобы послѣ 17—18 часовъ труда, вмѣсто отдыха, подѣлиться съ рабочими хоть крупицей истины, чтобы заставить рабочихъ призадуматься надъ собственнымъ положеніемъ, причинами этого положенія и чтобы пробудить въ рабочихъ самоуваженіе и чувства гражданина»...

«Съ такими-то людьми столкнулся Алексѣевъ. Обращеніе съ ними было для него тѣмъ же, что животельный теплый дождь для пересохшей почвы. Они не только обсуждали съ нимъ общее положеніе дѣлъ, отвѣчали на вопросы, на которые онъ раньше нигдѣ не могъ найти отвѣта, но еще снабжали книгами, которыя онъ жадно читалъ по ночамъ послѣ долгой дневной работы. Значительная часть этой литературы была подцензурная, но хорошо подобранная. То же, что было недоговорено или искажено въ подцензурныхъ книжкахъ, разъяснялось и говорилось прямымъ языкомъ въ изданіяхъ революціонныхъ... Такимъ образомъ, Петруха получилъ возможность не только самъ понять подкладку вещей, но еще и распространять истину среди своихъ товарищей.

Конечно, онъ схватился за эту возможность со всѣмъ пыломъ новичка, передъ которымъ внезапно открылся свѣтъ, но въ то же время и со всею практичностью му-

¹⁾ Сначала съ „чайковцами“, затѣмъ съ кружкомъ Бардиной и кавказцевъ. См. „Былое“, 1906, сент., 110. В. К.

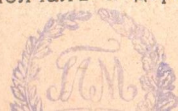
жика и фабричнаго, знавшаго, съ которой стороны подойти къ человѣку своей среды и какъ съ нимъ говорить. Онъ поступалъ на извѣстную фабрику, работалъ на ней нѣкоторое время и когда убѣждался, что колесо пропаганды пошло въ ходъ, онъ переходилъ на другую. Подъ часъ ему приходилось скрываться внезапно, когда книжки попадались, и ему угрожала опасность немедленнаго ареста, но это бывало рѣдко. Товарищи въ послѣдствіи говорили... о пропагандистской дѣятельности Алексѣева, какъ объ очень цѣнной и успѣшной; между тѣмъ въ обвинительномъ актѣ по процессу 52-хъ (50)... упоминается, въ связи съ его именемъ, всего двѣ фабрики, и улики противъ него очень скудны.

«Нѣтъ никакого сомнѣнія, что это былъ одинъ изъ самыхъ счастливыхъ періодовъ въ жизни Петра. До полной возмужалости онъ былъ и чувствовалъ себя заброшеннымъ, презираемымъ механическимъ орудіемъ въ рукахъ всевозможныхъ «мастеровъ», надсмотрщиковъ, фабрикантовъ, безъ всякаго просвѣта впереди. Онъ глядѣлъ на міръ зрячими глазами и чувствовалъ, что есть въ мірѣ что-то, что скрыто отъ него, но что именно—онъ не зналъ и не видѣлъ. Теперь завѣса, отдѣлявшая его отъ міра, была разорвана. Изъ машины онъ сталъ мыслящимъ человѣческимъ существомъ; мало того, онъ позналъ заразительную власть чувства собственнаго достоинства и разумаго слова и испыталъ счастье дѣлать слѣпыхъ братьевъ зрячими. По временамъ, однако, онъ страдалъ отъ припадковъ душевной усталости. Какъ настоящій крестьянинъ, Петръ былъ человѣкъ практическій; онъ былъ человѣкъ дѣла, а не разговора. Поэтому, какъ только онъ убѣдился, что избавиться отъ теперешнихъ проклятыхъ...—чиновничьихъ порядковъ въ Россіи можно

лишь революціонными средствами, силой,—онъ немедленно пожелалъ «приступить къ дѣлу»! Онъ допытывался, скоро ли будетъ назначено возстаніе. И когда получалъ въ отвѣтъ или самъ убѣждался, что народъ не былъ готовъ къ такому шагу, онъ впадалъ въ уныніе, почти въ отчаяніе. Не надолго, однако. Энергичная натура брала свое, и Петруха снова принимался за пропаганду и агитацію».

«4-го апрѣля 1875 г. Алексѣевъ былъ арестованъ въ Москвѣ вмѣстѣ съ 8 товарищами, изъ которыхъ двое были женщины. Они были взяты на ихъ общей квартирѣ, въ домѣ Корсакъ. Хотя всѣ они (кромѣ одной дѣвушки) были одѣты по-крестьянски, на самомъ дѣлѣ лишь трое (самъ Алексѣевъ, П. Николаевъ и С. Агаповъ) были рабочіе; остальные были бывшіе студенты и студентки, жившіе по крестьянскимъ и мѣщанскимъ паспортамъ и занимавшіеся пропагандой (Джабадари, Ал. Лукашевичъ, В. Георгіевскій, Чекоидзе, Бардина и Каминская)».

«Тюрьма начала совершенно новый періодъ въ жизни Алексѣева, быть можетъ, болѣе — и ужъ никакъ не менѣе плодотворный, чѣмъ предыдущій. Запертому въ четырехъ стѣнахъ, ему нечего было больше дѣлать, какъ читать (когда давали книги), размышлять да урывками разговаривать или переписываться съ товарищами, стоявшими выше его по образованію... Два года тюрьмы несомнѣнно прояснили многое въ его умѣ и укрѣпили тѣ чувства, тѣ взгляды, изъ-за которыхъ онъ туда попалъ... Уликъ противъ него было совсѣмъ мало, и можно навѣрное сказать, что еслибы онъ на судѣ сыгралъ роль одураченной жертвы хитрыхъ пропагандистовъ изъ интеллигенціи или хоть даже просто молчалъ и держался въ тѣни, пре-

доставивъ своему защитнику окрашивать его передъ судьями въ какіе угодно цвѣта,—онъ отдѣлался бы сравнительно легкимъ наказаніемъ, какъ это было, напр., съ его товарищемъ Бариновымъ. Но играть такую роль Алексѣевъ не могъ: она не была согласна ни съ чувствомъ собственного достоинства, ни съ его понятіями о революціонномъ долгѣ. Онъ отказался выбирать себѣ защитника, говоря: «что мнѣ защищаться! Какой смыслъ имѣетъ защита, когда всякому извѣстно, что въ подобныхъ процессахъ приговоръ суда бываетъ составленъ заранее, такъ что весь этотъ судъ есть не болѣе, какъ комедія: защищайся, не защищайся—все равно! Я отказываюсь отъ защиты». И, дѣйствительно, онъ не защищался. Когда же председатель суда (сенаторъ Петерсъ), по обязанности службы, предложилъ Алексѣеву сказать послѣднее слово, которое по закону принадлежитъ подсудимому, то онъ произнесъ не защитительную, а обвинительную рѣчь; это было подавляющее обвиненіе и осужденіе того полицейско-государственного и эксплуататорскаго «порядка», котораго судившіе его сенаторы являлись представителями и охранителями.

«Впечатлѣніе эта рѣчь произвела громадное. По словамъ одного изъ присутствовавшихъ въ засѣданіи адвокатовъ, не только публика и судьи, но даже часовые—жандармы точно окаменѣли: «я увѣренъ», говорилъ этотъ очевидецъ, «что еслибы Алексѣевъ послѣ рѣчи повернулся и вышелъ,—его бы въ первую минуту никто не остановилъ: до того всѣ растерялись». Но не въ залѣ суда только, а и далеко за ея предѣлами произвела эта рѣчь потрясающее дѣйствіе. Она совершенно неожиданно показала, какая огромная сила заключается въ томъ классѣ населенія, который

до тѣхъ поръ слишкомъ многими не принимался въ расчетъ въ русскихъ политическихъ дѣлахъ. Текстъ рѣчи тотчасъ же разошелся, какъ и текстъ рѣчей другихъ подсудимыхъ процесса 52-хъ (50), тайно отпечатанный особымъ листкомъ во множествѣ экземпляровъ, а затѣмъ появился въ тогдашнемъ революціонномъ изданіи «Впередъ»... Объ этой рѣчи, какъ и о другихъ рѣчахъ и обо всемъ процессѣ, говорилъ «весь Петербургъ». Съ тѣхъ поръ рѣчь эта не разъ перепечатывалась различными русскими революционными группами, и не мудрено: она до сихъ поръ остается, съ одной стороны, однимъ изъ лучшихъ изложеній принциповъ русскаго рабочаго социализма и примѣромъ политической дѣятельности для рабочихъ, а съ другой—одобреніемъ для тѣхъ интеллигентовъ, которые готовы опустить руки при видѣ политическаго непониманія и безконечнаго терпѣнія рабочей массы.

Рѣчь была произнесена 10-го марта 1877 года. За свою рѣчь Алексѣевъ получилъ десять лѣтъ каторжныхъ работъ въ рудникахъ. (Его менѣе выдающіеся или болѣе сговорчивые товарищи-рабочіе отдѣлались ссылкой на поселеніе). *Десять лѣтъ!*

«Послѣ отбытія срока каторги Алексѣевъ былъ поселенъ въ глухомъ ущельи Якутской области, въ 200 верстахъ отъ Якутска. Здѣсь онъ занялся земледѣліемъ, но въ 1891 г. съ нимъ случилось несчастье. Отправляясь лѣтомъ въ городъ на ярмарку, онъ по дорогѣ былъ звѣрски убитъ якутами съ цѣлью грабежа. Такъ погибъ одинъ изъ пионеровъ русскаго рабочаго движенія, который въ 1877 году въ своей знаменитой рѣчи предсказалъ, что самодержавіе падетъ, когда противъ него «подымется мускулистая рука миллионовъ рабочаго люда».

Г. Ф. Здановичъ.

Георгій Феликсовичъ Здановичъ, сынъ штабсъ-капитана, изъ дворянъ Кутаисской губерніи (по указанію Дейча, 1. с., стр. 309, будто бы осетинъ, хотя отчество и фамилія скорѣе указываютъ на польское или украинское происхожденіе), родился въ 1855 г.¹⁾ Учился въ Московскомъ Университетѣ, но курса не окончилъ. Арестованъ на границѣ въ 1875 г. и былъ привлеченъ къ «процессу 50». Особое Присутствіе Сената присудило его къ лишенію всѣхъ правъ состоянія и ссылкѣ въ каторжныя работы въ крѣпостяхъ на 6 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ.

Былъ заключенъ въ Борисоглѣбской центральной тюрьмѣ до 1881 г.; въ 1882 г. прибылъ на Кару; по манифесту ему была сбавлена треть наказанія. Въ 1884 г. ушелъ на поселеніе въ Верхоленскъ (по указанію Вл. Л. Бурцева—въ Верхоянскъ), затѣмъ жилъ въ Томскѣ. Въ 1889 г. ему были возвращены права, и онъ поселился на родинѣ въ Кутаисѣ.

Есть кое-какія подробности о его жизни въ центральной тюрьмѣ.

По словамъ г. Виташевского («Былое», 1905, іюль, стр. 131 — 132), вновь назначенный начальникъ тюрьмы Копнинъ запретилъ перестукиванія заключенныхъ.

«Здановичъ не слушался надзирателя, который доложилъ объ этомъ черезъ старшаго Копнину. Явился Копнинъ и, обращаясь къ Здановичу на «вы», сказалъ, что отнынѣ перестукиваться запрещается.

— Стучалъ и буду стучать,—отвѣтилъ Здановичъ.

¹⁾ Особое Присутствіе Сената въ 1877 г. насчитывало ему только 20 лѣтъ.

Тутъ Копнинъ повысилъ тонъ, довелъ рѣчь до крика и произнесъ, между прочимъ:

— Ты забываешь, кто ты, ты—каторжникъ и долженъ безпрекословно исполнять приказанія начальства».

Въ «Воспоминаніяхъ политическаго каторжанина» (Свитыча): «Въ каменномъ мѣшкѣ. Надгробное слово» (Книгоизд. «Народная Воля», С.-Петербург. 1906, стр. 17—18, 20—22) ярко обрисовываются поведеніе Здановича въ тюрьмѣ и царившіе въ ней порядки.

Послѣ убійства Кропоткина онъ обратился къ товарищамъ съ запиской, въ которой ставилъ вопросъ, какъ имъ всѣмъ слѣдуетъ реагировать на этотъ фактъ. «Мы обязаны», писалъ онъ приблизительно, «протестовать въ какой-нибудь формѣ противъ всѣхъ тѣхъ мерзостей, которыя продѣлываютъ съ нами. Но для того, чтобы протестъ нашъ не былъ чѣмъ-то оторваннымъ, мы должны сначала обратиться къ «дѣдушкѣ» и узнать, какъ онъ посмотритъ на него, и что имъ будетъ послѣ предпринято». Подъ дѣдушкой въ данномъ случаѣ подразумѣвалась «воля». Записка была перехвачена и привела въ большую тревогу тюремное начальство. Несмотря на всѣ угрозы, Здановичъ не согласился разъяснить, что такое «дѣдушка». За это было приказано «набить на него кандалы, перебрить ему голову и лишить переписки съ родными».

Въ тюрьму затѣмъ явился губернаторъ Валь. «Первымъ желаніемъ генерала было поспѣшить въ номеръ, гдѣ сидѣлъ Здановичъ. Желаніе генерала предупредительно исполняется; онъ въ 25-мъ номерѣ.

— «Ну, что же ты думаешь? Ты развѣ совсѣмъ не хочешь открыть намъ, кто это дѣдушка?»

— Нѣтъ, не хочу!

— «Вотъ видишь ли, ты въ кандалахъ, съ бритой головой; ты лишень переписки съ матерью, у тебя нѣтъ письменныхъ принадлежностей; тебѣ стоитъ лишь сказать одно слово, и получишь сейчасъ облегченіе. Скажи!»

— Нѣтъ, не скажу!

Валь пожимаетъ плечами и затрудняется, что бы ему еще сказать. Здановичъ начинаетъ ему говорить о несправедливости всѣхъ тѣхъ стѣсненій, которымъ его подвергали; онъ начинаетъ доказывать всю незаконность, даже съ точки зрѣнія Уложенія о наказаніяхъ, этихъ мѣръ. Генеральъ приходитъ въ волненіе: кусаетъ губы, подергиваетъ плечами...

— «А, такъ ты не знаешь, не знаешь»?!! восклицаетъ генераль. — «Дать ему Уставъ о ссыльных!» — обращается онъ къ смотрителю и удаляется изъ номера.

«Недѣли черезъ двѣ послѣ посѣщенія губернаторомъ центральной тюрьмы смотритель заходитъ въ камеру Здановича и подаетъ ему письмо отъ матери и при немъ официальную бумагу. Содержаніе письма какое-то странное: въ этомъ письмѣ мать Здановича пишетъ, чтобы онъ раскаялся, не огорчалъ начальства, не огорчалъ ея, лишая возможности знать, что съ нимъ, не подвергалъ себя лишнимъ страданіямъ. Она совѣтуетъ ему исполнить желаніе начальства и открыть фамилии лицъ, о которыхъ онъ говоритъ въ своей злосчастной запискѣ... Въ официальной бумагѣ, подписанной Валемъ, говорилось, что съ исполненіемъ желанія матери и начальства онъ получитъ право опять вести переписку съ нею, получить письменныя принадлежности, будетъ раскованъ и не бритъ. (Здановичъ оставался закованнымъ до самой осени, въ которую «централисты» были отправлены въ Мцен-

скую пересыльную тюрьму). Вся эта исторія состроена Валемъ. Старуха, мать Здановича, получаетъ однажды официальную бумагу отъ харьковскаго губернатора, въ которой ей предлагаютъ написать сыну письмо вышеприведеннаго содержанія, намекая, что въ противномъ случаѣ ему будетъ плохо. Спустя еще недѣли двѣ, совсѣмъ неожиданно, въ номеръ Здановича входитъ какой-то генеральъ и съ любезной улыбкой спрашиваетъ, получилъ ли онъ письмо отъ матери и намѣренъ ли отвѣчать ей. Тотъ заявляетъ, что, конечно, ему очень бы хотѣлось писать матери, но на условіяхъ, которыя предлагаетъ Валь, онъ не можетъ.

— «Мнѣ, знаете, все это безразлично; я въ это совсѣмъ и не вмѣшивался бы, но генераль фонъ-Валь просилъ меня поговорить съ вами, и вотъ я исполняю его просьбу», — отпартовало новое превосходительство и, съ легкостью сильфиды, исчезло изъ 25-го номера. Исторія съ запиской еще не кончилась; Валь никакъ не могъ успокоиться. Видя, что ничего не подѣлаешь, онъ рѣшилъ попробовать *последнее средство*. Здановичу высылался «Журн. Мин. Народн. Просв.». Для сбереженія денегъ по пересылкѣ, редація этого журнала высылала за одинъ разъ двѣ книжки, за два мѣсяца.

Остроумный генеральъ выдумалъ испытать свое *последнее средство* на «Журн. Мин. Народн. Просвѣщ.». Въ декабрѣ Здановичъ получилъ одну ноябрьскую книжку журнала и официальную бумагу отъ Валя, гдѣ говорится, что декабрьская книжка не будетъ выдана ему до тѣхъ поръ, пока онъ не откроетъ фамилии лицъ, упомянутыхъ въ его запискѣ».

С. И. Агаповъ.

Семенъ Ивановичъ Агаповъ (Дейчъ, I. с., стр. 301, ошибочно называетъ его Степаномъ и крестьяниномъ Московской губерніи), московскій мѣщанинъ, родился въ 1852 г. ¹⁾. Учился въ фабричномъ училищѣ, затѣмъ былъ ткачомъ. Арестованъ въ 1875 г. и осужденъ Особымъ Присутствіемъ Сената на 3 года и 8 мѣсяцевъ каторги. За попытку къ побѣгу прибавленъ былъ еще одинъ годъ каторги, которую онъ отбывалъ на Карѣ. Въ 1880 году вышелъ на поселеніе въ Баргузинъ (Забайк. области). Тамъ женился на крестьянкѣ. Къ нему былъ примѣненъ манифестъ 1883 г. Позднѣе былъ поселенъ въ Западной Сибири.

По словамъ г. Дейча (I. с., стр. 106—107), «на какомъ-то этапѣ, вошедши въ отведенную намъ камеру, мы увидѣли просто одѣтаго человѣка лѣтъ 30, закованнаго въ ручные кандалы. Оказалось, что то былъ возвращавшійся, вслѣдствіе примѣненія коронаціоннаго манифеста (1883 г.), изъ Баргузина въ Западную Сибирь политическій ссыльный, фабричный рабочій Степанъ (?) Агаповъ. За нимъ добровольно слѣдовала его жена, сибирская крестьянка. Она сообщила намъ, что конвойный офицеръ потребовалъ, чтобы они перешли изъ этой камеры въ другую, такъ какъ, молъ, скоро должна придти партія политическихъ, состоящая изъ «князей и графовъ», а такимъ важнымъ особамъ нельзя помѣщаться вмѣстѣ съ простыми людьми. Не находя этого довода убѣдительнымъ, супруги Агаповы отказались исполнить требованіе офицера. Изъ-за этого у нихъ вышелъ рѣзкій

¹⁾ По указанію обвинительнаго акта „процесса 50“ въ 1877 г. ему было 20 лѣтъ.

разговоръ съ офицеромъ, въ результатѣ котораго послѣдній приказалъ заковать Агапова въ ручные кандалы. Кромѣ того, онъ ограничилъ имѣвшійся у Агаповыхъ багажъ указаннымъ въ инструкціи ничтожнымъ размѣромъ; всѣ же остальные ихъ вещи офицеръ за безцѣнокъ продалъ съ торговъ мѣстнымъ кулакамъ. Такая мѣра никогда не примѣнялась въ тѣ времена, не только въ отношеніи лицъ, возвращавшихся съ поселенія на житье, а, слѣдовательно, пользовавшихся разными льготами и облегченіями, но такъ не поступали даже съ лицами, отправляемыми на каторгу. Такимъ образомъ, супруги Агаповы, кромѣ перенесенныхъ личныхъ оскорбленій, лишились еще многихъ своихъ вещей, которыя они пріобрѣли въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ жизни на поселеніи и были крайне нужны имъ, какъ въ дальнѣйшемъ пути, такъ и при устройствѣ на житье на новомъ мѣстѣ. Всѣхъ насъ крайне возмутило поведеніе этого конвойнаго офицера, и мы потребовали, чтобы немедленно расковали Агапова, что тотчасъ же было исполнено. Комическая сторона этого печальнаго инцидента состояла въ томъ, что «князьями и графами», съ которыми офицеръ не желалъ посадить вмѣстѣ простыхъ людей, оказывались мы, наша партія, хотя среди насъ не было ни единой титулованной особы! Такое заблужденіе со стороны офицера, вѣроятно, объяснялось тѣмъ, что нѣкоторые изъ нашей партіи отправляли съ предыдущихъ этаповъ чрезъ конвойныхъ офицеровъ письма своимъ родственникамъ или знакомымъ, адресуя ихъ иногда гр. Л. Толстому и кн. Волконскому. Отсюда, надо полагать, возникла предшествовавшая нашему приходу легенда, что въ ссылку ѣдутъ все «князья да графы». Но для бѣдныхъ супруговъ Ага-

повыхъ злоключенія не закончились вышеописаннымъ: конвойный офицеръ еще донесъ, куда слѣдовало, что Агаповъ будто бы его оскорбилъ. Результатомъ его жалобы было то, что Агаповыхъ отправили на самый сѣверъ Тобольской губерніи, въ одинъ изъ тѣхъ «городовъ», о которыхъ я выше упоминалъ, какъ объ ужасныхъ трущобахъ. Какъ мнѣ впоследствии приходилось слышать, условія жизни Агаповыхъ въ новомъ мѣстѣ ихъ поселенія были худшія, чѣмъ въ Забайкальѣ. Такимъ образомъ, вслѣдствіе нелѣпаго слуха о пріѣздѣ мнимыхъ князей и графовъ, вмѣсто ожидаемаго облегченія въ участи несчастной семьи, получилось для нея одно лишь ухудшеніе».

На судѣ въ 1877 г. Агаповъ произнесъ краткую и сдержанную, но очень выразительную по своему содержанию рѣчь.

«Гг. Судьи! Я не буду отрицать то, что я былъ пропагандистомъ, но я желаю высказать причины, которыя привели меня на скамью подсудимыхъ. Я—рабочій; я съ малолѣтства жилъ на фабрикахъ и на заводахъ, гдѣ былъ всегда честнымъ, старательнымъ работникомъ. Я не намѣренъ утруждать вниманіе Особого Присутствія описаніемъ тяжкаго, безотраднaго положенія нашихъ рабочихъ: оно болѣе или менѣе извѣстно всѣмъ и каждому. Очень понятно, что я искалъ какого-нибудь выхода изъ этого невыносимаго положенія.

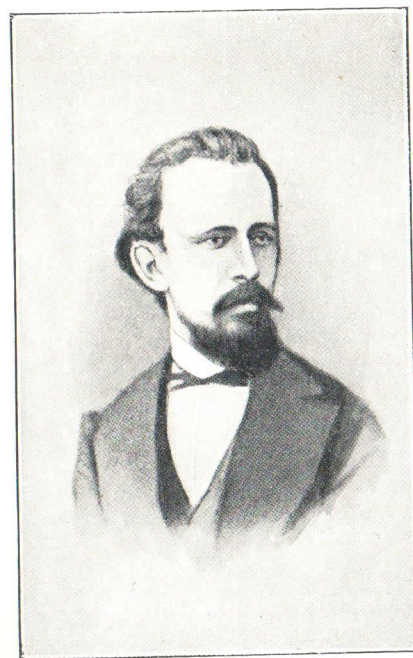
Я много думалъ о средствахъ улучшить бытъ рабочихъ и, наконецъ, сдѣлался пропагандистомъ. Цѣль моей пропаганды заключалась въ томъ, чтобы подготовить рабочихъ къ соціальной революціи, безъ которой имъ, по моему мнѣнію, никогда не добиться существеннаго улучшенія своего положенія. Я не раскаи-

ваюсь въ своихъ поступкахъ, я твердо убѣжденъ въ томъ, что не сдѣлалъ ничего дурного, а только исполнилъ свой долгъ, долгъ честнаго рабочаго, искренно, всей душой преданнаго интересамъ своихъ бѣдныхъ замученныхъ собратьевъ! Больше сказать я ничего не имѣю».

И. Н. Мышкинъ.

Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ родился въ 1848 г.

Онъ былъ сынъ „николаевского солдата“ и крестьянки. Началь учение въ школѣ для „кантонистовъ“. По словамъ г-жи Брешковской („Ипполитъ Мышкинъ и Архангельскій кружокъ“, М., 1906), „числомъ этихъ школъ было не такъ много, но зато размѣры ихъ были громадны; инныя изъ нихъ вмѣщали въ себѣ нѣсколько тысячъ дѣтей, отъ семи до восемнадцатилѣтняго возраста. Воспитателями кантонистовъ были тѣ же николаевскіе солдаты: избитые, изголодавшіеся, искалѣченные душой и тѣломъ, жившіе только страхомъ передъ палкой и затаенной злобой къ своимъ врагамъ — начальству. Вымученные, а потомъ выброшенные, за негодностью, изъ строя солдаты — поступали „дядьками“ въ школы кантонистовъ, гдѣ, въ свою очередь, могли калѣчить тѣло и развращать душу дѣтей, имѣвшихъ несчастье родиться „казенными“. Въ одну изъ такихъ школъ былъ помѣщенъ сынъ солдата — Ипполитъ Мышкинъ. Несмотря на хроническій голодъ и жестокий режимъ школы, мальчикъ выжилъ и кончилъ ученье благополучно, благодаря замѣчательнымъ способно-

Ипполитъ Никитичъ Мышкинъ.

стиамъ своимъ, служившимъ украшеніемъ показныхъ экзаменовъ и всей лицевой стороны школьной жизни. Какъ способный къ наукамъ, Ипполитъ былъ отданъ начальствомъ въ Московское межевое училище¹⁾, откуда выходили „полевые землемеры“, особенно много поработавшіе надъ размежеваніемъ земель при сокращеніи череполосицы въ малороссійскихъ губерціяхъ въ 70-ыхъ годахъ. И это заведеніе юноша окончилъ успѣшно. Онъ былъ не только уменъ и талантливъ, онъ былъ и строенъ, и красенъ, и силенъ, а потому начальство на этотъ разъ воспользовалось его положеніемъ казеннаго человѣка, и одинъ изъ штабныхъ генераловъ пожелалъ взять его къ себѣ въ ординарцы. Генералъ этотъ жилъ въ Петербургѣ, и Мышкинъ состоялъ у него въ качествѣ секретаря“.

Патронъ Мышкина изобрѣлъ стройную систему стенографической азбуки и демонстрировалъ ее вмѣстѣ со своимъ секретаремъ передъ Александромъ II.

Мышкинъ былъ тогда молодъ, наивенъ, мало развитъ и весь находился во власти традиціоннаго народнаго міровоззрѣнія. Съ волненіемъ ждалъ онъ опыта передъ царемъ и былъ глубоко разочарованъ и его видомъ, и его вопросами. Одной иллюзіей стало меньше. Пытливья наблюденія надъ жизнью показали ему новый путь.

¹⁾ Межевой институтъ? Дейчъ (16 лѣтъ въ Сибири, стр. 319) говоритъ объ училищѣ военныхъ топографовъ.

„Потеря равновѣсія въ обычномъ настроеніи и нарушеніе традиціоннаго міровоззрѣнія помогли прирожденнымъ способностямъ и богатымъ задаткамъ Мышкина освободиться изъ-подъ рутиннаго взгляда на жизнь. Онъ пересталъ вѣрить во всевѣдѣніе и всемогущество царя, какъ единаго властителя судьбы своихъ подданныхъ; пересталъ ожидать съ этой стороны тѣхъ или иныхъ благъ, могущихъ выдвинуть его впередъ и дать мѣсто въ той средѣ, гдѣ каждый, хоть до извѣстной степени, гарантированъ отъ оскорбленій и обидъ, и живетъ полной человеческой жизнью; онъ рѣшилъ возлагать отнынѣ надежды только на себя, на свои силы, имѣя овладѣла жакда завоевать себѣ своей энергіей достойное мѣсто въ жизни, растолкавъ локтями то, что стоитъ на пути. И вотъ Мышкинъ выдвинулъ свою личную энергію, удвоилъ свою работоспособность и занялся усердно пополненіемъ своего образованія. Почему бы ему, молодому, способному, красивому, гордому, ни въ чемъ не уступавшему тѣмъ чиновнымъ господамъ, которые помыкаютъ молодымъ солдатамъ только потому, что онъ не въ такомъ мундирѣ, какъ они,—почему бы ему не попытаться проложить себѣ дорогу къ тому счастью, которое ждетъ всякаго энергичнаго, смѣлаго?

Міръ раздоленъ, широкъ и богатъ всѣмъ, чего просить душа, — умѣй только взять то, на чемъ остановить свой выборъ сердце! Но что же выбо-

реть онъ, безродный кантонистъ, выжившій всѣ побои, весь голодъ, всѣ муки всегда преслѣдуемаго ребенка, только благодаря своей сильной природѣ; онъ, грамотный опять таки благодаря своимъ собственнымъ дарованіямъ, такъ какъ учителями его были безграмотные „дядьки“, неспособные къ строевой службѣ? Онъ выберетъ все то, что могутъ взять здоровая голова и здоровыя руки. Онъ будетъ работать и своимъ трудомъ, а не чужими милостями проложить себѣ открытую дорогу. Его наивно-миѣическая вѣра въ царя замѣнилась вполне реальной увѣренностью въ своихъ силахъ, вѣрой въ индивидуальную мощь собственной личности, и онъ сталъ работать надъ собой съ удвоенной настойчивостью и энергіей. Книги, чтеніе, наука и прежде были для него предметами высокими, наиболѣе серьезной цѣлью жизни; продолжать образованіе свое было безнадежной, несбыточной, но любимой мечтой молодого человѣка. Нечего было и думать готовиться къ высшему учебному заведенію, не имѣя никакихъ средствъ и зная притомъ, что мать, „вдова-солдатка“, ждетъ-не дожидется, когда сынъ сможетъ зарабатывать и высылать ей, хоть нѣсколько рублей въ годъ, на бѣдную жизнь въ деревнѣ. Оставалась профессія, но она уже была въ его рукахъ“.

„Окончивъ службу у своего генерала, Мышкинъ получилъ должность правительственнаго стенографа

и велъ отчеты земскихъ собраній въ Москвѣ, гдѣ онъ и поселился, а также въ Нижнемъ Новгородѣ. Какъ работникъ, привыкшій отчетливо и безошибочно выполнять свое дѣло, онъ и здѣсь отличался точностью, не позволяя себѣ пропускать ни одного слова, и тѣмъ болѣе—слова, имѣвшаго особенное значеніе въ рѣчи оратора. А между тѣмъ, въ то время какъ записи стенографовъ, работавшихъ отъ земства, всегда могли быть подвергнуты цензурѣ председателя, а черезъ него и цензурѣ тѣхъ ораторовъ, которые пожелали бы измѣнить кое-что въ произнесенныхъ рѣчахъ, передъ тѣмъ, какъ отчетъ будетъ отпечатанъ, — записи правительственныхъ стенографовъ не подлежали подобному контролю, и ораторы принуждены были лично обращаться къ самимъ казеннымъ стенографамъ съ просьбой вычеркнуть то или другое слово, а иногда и цѣлую фразу! Мышкинъ не сразу шелъ на уступки, а зачастую вовсе не уступалъ. Онъ любилъ видѣть сильныхъ міра сего въ затруднительномъ положеніи, онъ слишкомъ долго испытывалъ на себѣ и требованіе чинопочтанія, и поверхностное отношеніе вышестоящихъ къ „нижнимъ чинамъ“, и всегдашнюю готовность власть имущихъ (вошедшую въ безсознательную привычку, въ нѣчто неизбѣжное) эксплуатировать слабыхъ, лишенныхъ права возражать. Гордый по натурѣ, свободолюбивый, скорѣе индивидуальный, чѣмъ гуртовой рабочій, Мышкинъ всегда высоко ставилъ

достоинство человѣка и для себя отстаивалъ его при всѣхъ условіяхъ, не справляясь съ цѣной, какой приходилось за это платиться. При той степени умственного развитія, съ какой Мышкинъ вступилъ на путь свободныхъ профессій, задачей его поведения было: съ одной стороны, отстоять свою независимость, съ другой, показать барамъ, что не всегда и не всѣ отъ нихъ зависятъ. Для него составляло своеобразное наслажденіе доказать имъ на дѣлѣ, что бываютъ случаи, когда и бывшій кантонистъ, благодаря только своимъ способностямъ, своему умѣнью работать, становится силой и можетъ держать въ своихъ рукахъ и сонъ, и аппетитъ, и даже карьеру титулованныхъ особъ. Бывали случаи, когда князья и графы, послѣ неуспѣшной переписки съ Мышкинымъ касательно измѣненій тѣхъ или иныхъ выраженій, сами заявлялись къ нему съ личной просьбой. Его тѣшило то, что увѣщенные вѣздами высокопревосходительства взбирались къ нему на четвертый этажъ, по далеко не изящнымъ лѣстницамъ, а ихъ кареты, украшенные коронованными гербами, красовались у воротъ его дома, въ одномъ изъ переулковъ тогда еще болѣе грязнаго Арбата. Поломавшись надъ высокопревосходительнымъ, доказавъ ему его полную безпомощность, посоветовавъ на слѣдующій разъ не произносить такихъ словъ, которыхъ онъ самъ боится, какъ огня, Инозиль, наконецъ, давалъ обѣщаніе ихъ выбро-

силь и, ничуть не распаркиваясь, отпускалъ посетителя къ каретѣ, гдѣ его ждалъ ливрейный лакей, не посвященный въ политическія тайны своего барина“. Но эти успѣхи не могли удовлетворить Мышкина. Онъ искалъ для себя болѣе серьезной и полезной дѣятельности и завелъ собственную типографію для печатанія „хорошихъ книгъ“.

Къ этому приблизительно времени относится любопытное свидѣніе г. Якубовича („Шлиссельбургскіе мученики“, СПБ. 1906, стр. 16). „Въ юности онъ служилъ стенографомъ-репортеромъ въ редакціи „Московскихъ Вѣдомостей“ и въ 1871 г. былъ посланъ Катковымъ на извѣстный политическій процессъ Успенскаго, Кузнецова и др. (по Нечаевскому дѣлу) для составленія о немъ отчета“.

Вторымъ толчкомъ было сближеніе съ „Архангельскимъ кружкомъ“ (сестры П—чъ, Сущинская, Ермолаева, Заруднева), возникшимъ по инициативѣ Берви-Флеровскаго и организованнаго неутомимымъ Войнаральскимъ. Члены этого кружка, прибывъ въ Москву въ поискахъ за независимымъ трудомъ, случайно натолкнулись на типографію Мышкина и предложили ему свои услуги.

По словамъ г-жи Бренковской, „либеральный хозяинъ мастерской, охотно покровительствовавшій „женскому вопросу“, согласился принять къ себѣ въ наборщицы всѣхъ пятерыхъ пріѣзжихъ. Живой, умный, молодой хозяинъ и прекрасныя дѣвушки, го-

рѣвшія желаніемъ всѣхъ приобщить къ своимъ взглядамъ и желаніямъ, быстро перезнакомились и настолько сблизились, что архангельскія пропагандистки, не долго думая, предложили Мышкину печатать въ своей типографіи тѣ „хорошія книги“, которыя правительство запрещало и изгоняло, какъ нѣчто преступное, заслуживающее безпощадныхъ каръ и преслѣдованій. Поборникъ просвѣщенія и книгъ, Мышкинъ съ радостью ухватился за этотъ планъ и устроилъ своихъ новыхъ наборщицъ въ отдѣльной комнатѣ, совершенно особо отъ прочихъ наборщиковъ типографіи“.

Дѣвушки съ восторгомъ извѣстили Войнаральскаго о своей счастливой находкѣ, состоялось его знакомство съ Мышкинымъ, и съ этого момента начались оживленныя сношенія между двумя главными дѣятелями будущаго „процесса 193“.

„Мышкинъ былъ на седьмомъ небѣ отъ того, что жизнь его сразу наполнилась такимъ богатымъ иодойнымъ содержаніемъ, приобрѣла такой глубокой, захватывающей смыслъ; это былъ для него неожиданный подарокъ судьбы; онъ готовъ былъ удвоить, удесятерить свою энергію, лишь бы успѣлъ удовлетворять запросамъ на литературу¹⁾, стекавшимся къ нему въ Войнаральскому, отъ всѣхъ кружковъ,

¹⁾ По словамъ Дебогорія-Мокріевича („Воспоминанія“, СПБ. 1906, стр. 120) Мышкинъ печаталъ „Исторію одного французскаго крестьянина“, „Что-то, братцы“ и др.

сорганизовавшихся къ тому времени для пропаганды въ народѣ. И когда ему представили еще нѣсколько человекъ, годныхъ въ наборщики, онъ и ихъ помѣстилъ въ конспиративное отдѣленіе типографіи, и работа закипѣла въ умѣлыхъ и усердныхъ рукахъ. Громадныя кипы готовыхъ листовъ высылались ящиками по желѣзной дорогѣ въ Саратовъ, гдѣ Войнаральскимъ была устроена большая сапожная мастерская, принимавшая ящики подъ видомъ товара, шедшаго изъ Москвы. Въ Саратовъ же переѣхали обѣ сестры П — чъ, чтобы заняться брошюрованіемъ печатныхъ листовъ и веденіемъ хозяйства мастерской. Готовыя брошюры и народные листки распространялись и по Волгѣ, и по другимъ мѣстамъ, гдѣ были свои пропагандисты и распространители. Все это было лѣтомъ 1874 г. Мышкинъ продолжалъ исполнять обязанность правительственнаго стенографа и часто уѣзжалъ по дѣламъ изъ Москвы, но всегда торопился обратно, домой, гдѣ ждала его любимая, дорогая, всецѣло захватывающая его работа и работа". (Брешковская, 1. с.).

Провалъ Саратовской мастерской (исходный пунктъ „процессъ 193“) вызвалъ массовые обыски и аресты. Были открыты ея сношенія съ типографіей Мышкина.

„Московскіе жандармы получили указаніе сдѣлать обыскъ у Мышкина. Но, плохо освѣдомленные о саратовскомъ дѣлѣ и ни въ чемъ не подозрѣвавшіе

Мышкина, они не имѣли яснаго представленія о томъ, что именно дѣлается въ его типографіи, и явились къ нему съ обыскомъ, не принявъ особыхъ мѣръ предосторожности; они не знали, чего именно они должны были искать, и, войдя въ помѣщеніе типографіи, стали требовать Мышкина. Его не было дома, но онъ могъ явиться каждую минуту, а потому товарищи поспѣшили выставить условный знакъ, чтобы предупредить его объ опасности. Присутствіе молодыхъ, повидимому, неопытныхъ дѣвушекъ (между ними была и 16-лѣтняя Иванова), скорѣе успокаивало подозрительность жандармовъ, и это дало возможность устроить предупрежденіе незамѣтнымъ образомъ. Дѣйствительно, Мышкинъ подходилъ къ своему дому и только предупредившій его знакъ помѣшалъ ему войти къ себѣ. Онъ незамѣтно прошелъ дальше, покинувъ навсегда свое дорогое дѣтище, свою милую типографію, ставшую ему еще милѣе, еще дорожее съ тѣхъ поръ, какъ она воплощала въ себѣ всѣ тѣ взгляды и мысли, которые были его взглядами, его мыслями. Мышкинъ исчезъ безслѣдно, и ждавшіе его жандармы, наткнувшись на цѣлыя залежи нелегальной литературы, долго не могли прійти въ себя отъ неожиданности и грандіозности событія, и только поздно ночью развезли всѣхъ, работавшихъ въ „отдѣльной комнатѣ“, по грязнымъ, вонючимъ и сырýmъ московскимъ частямъ“. (Брешковская).

Изъ Москвы онъ бѣжалъ за границу, въ Женеву, гдѣ его встрѣтилъ Дебогорій-Мокріевичъ (стр. 185—191). Въ разсказѣ объ этой встрѣчѣ есть много интересныхъ деталей.

„Мышкинъ производилъ впечатлѣніе чловѣка весьма энергичнаго и живого. Всѣ его движенія были быстры; онъ скоро говорилъ; его небольшіе черные глаза ярко блестѣли“. Онъ имѣлъ связи только съ Войнаральскимъ. „Благодаря повальнымъ обыскамъ“ его связи въ Россіи были утеряны, но это не обезкураживало его.

„При первомъ же знакомствѣ съ нимъ бросалась въ глаза его необыкновенная прямота. Я нахожу, что это была основная черта его характера. Казалось, онъ совершенно не былъ способенъ скрывать свои чувства. Такъ, помню, однажды въ присутствіи большой компаніи онъ рѣзко и даже грубо высказалъ свою антипатію и недовѣріе къ Т., находящемуся тутъ же среди насъ“.

„Не совершивъ ничего, или почти ничего, въ направленіи своей программы (революціоннаго народничества), Ишполитъ Мышкинъ, тѣмъ не менѣе, долженъ быть поставленъ на ряду съ наиболѣе выдающимися дѣятелями движенія. Въ нашемъ революціонномъ движеніи поведеніе подсудимыхъ при слѣдствіи и въ особенности на судѣ имѣло такое же общественное значеніе, а часто даже и несравненно большее, чѣмъ самая ихъ дѣятельность. Свою

правственную силу чловѣкъ этотъ и показали именно на судѣ. Рѣчь его передъ судомъ, прерываемая первоприсутствующимъ много разъ, представляла собою блестящую страницу въ исторіи нашего революціоннаго движенія“.

Мышкинъ рѣшилъ вернуться въ Россію и задумалъ смѣлый планъ — освободить изъ Сибири Чернышевскаго, въ которомъ онъ видѣлъ будущую главу in spe грядущаго русскаго освобожденія. Переодѣвшись жандармскимъ офицеромъ и запасшись нужнымъ поддѣльнымъ документомъ ¹⁾, онъ явился къ вилойскому исправнику съ требованіемъ высшаго начальства выдать Чернышевскаго для дальнѣйшаго отправленія. Отсутствіе спутниковъ, по слухамъ, аксельбантъ, одѣтый не на то плечо и вообще подозрительное поведеніе пріѣхавшаго, за которымъ сначала наблюдали изъ любопытства, разстроили этотъ смѣлый и остроумный планъ. Находившійся насторожѣ исправникъ отказался выдать Чернышевскаго безъ особаго предписанія якутскаго губернатора. Когда почувствовавшій что-то недоброе Мышкинъ выразилъ желаніе отправиться будто бы за нимъ въ Якутскъ, исправникъ умышленно навязалъ ему двухъ спутниковъ-казаковъ въ качествѣ

¹⁾ По дорогѣ онъ, какъ рассказываетъ г-жа Брешковская, энергично боролся съ злоупотребленіями Сибирской администраціи и совершенно вошелъ въ роль настоящаго ревизора, не упуская случаевъ для пропаганды своихъ идей.

согладатаевъ. По дорогѣ Мышкинъ попробовалъ отдѣлаться отъ нихъ выстрѣлами, при чемъ ранилъ одного изъ казаковъ,—бѣжалъ, но скоро былъ пойманъ и привлеченъ къ „процессу 193“¹⁾.

Привезли его въ Петербургъ въ 1876 г. „Всю дорогу Мышкинъ самъ распоряжался остановками, ночевками, чаепитіями, а когда докладывали, что лошади готовы, онъ становился по срединѣ комнаты и не трогался съ мѣста. Жандармы надѣвали на него шубу, натягивали валенки, укутывали башлыкомъ, а онъ все время стоялъ неподвижно. Затѣмъ его брали подъ руки и сводили съ крыльца, усаживали въ кибитку и укутывали одѣялами; онъ молча лежалъ всю дорогу, не обращая никакого вниманія на офицера, молившаго Бога лишь о томъ, чтобы довести въ цѣлости столь непокорнаго „преступника“. Этотъ офицеръ, Бурлей, впоследствии рассказывалъ: „да, человекъ выдающійся, и я, конечно, предоставлялъ ему всевозможныя удобства. Онъ всю дорогу дѣлалъ, что хотѣлъ... И ночевали, и отдыхали... удивительно только, что онъ... что такой человекъ... что такой человекъ... бралъ руками жаркое изъ блюда... а я, знаете, не могу послѣдствовать... Тоже съ жандармами онъ былъ очень повелителенъ“... (Брешковская).

¹⁾ См. Брешковская, I. с., гл. III и IV, Дебогорій-Мокріевичъ, 187; Якубовичъ, 16—17; Кеннанъ, Сибирь и ссылка, СПб., 1906, изд. Распопова, стр. 227—229.

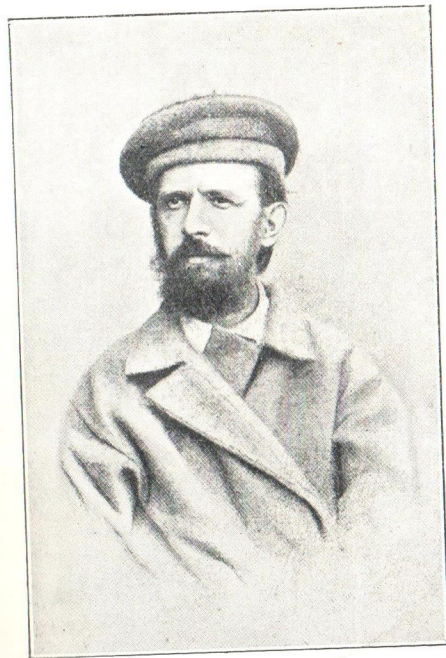
Его посадили сначала въ Домъ предварительнаго заключенія, затѣмъ, позднѣе, въ крѣпость, въ качествѣ одного изъ наиболѣе опасныхъ подсудимыхъ¹⁾.

„Ипполитъ быстро вошелъ въ сношенія со своими старыми товарищами и, благодаря „стуку“ на всѣ лады и невидимой перепискѣ, онъ вошелъ въ курсъ и семейныхъ тюремныхъ интересовъ, и общероссійскихъ революціонныхъ дѣлъ, извѣстія о которыхъ проникали даже въ крѣпость. Дѣятельный духъ его проникся текущими интересами, а инициатива его слилась со всѣми планами и надеждами, которые одушевляли и волновали насъ, вызывая страстное желаніе еще послужить „дѣлу“, еще примкнуть къ общей работѣ дѣломъ, словомъ, мыслью, любовью“. (Брешковская). „Особенно близкій съ В—мъ и К—мъ (Войнаральскимъ и Коваликомъ?), Мышкинъ, послѣ подробнаго сообщенія о своемъ странствованіи въ сибирскія тундры, велъ долгія бесѣды о революціонной дѣятельности, собиралъ всѣ свѣдѣнія и новости относительно социалистическаго движенія въ Россіи и тутъ же дѣлалъ выводы, критиковалъ, вносилъ свои взгляды и поправки, не переставая работать въ области составленія новыхъ плановъ, предпріятій, заботъ объ упорядоченіи организаціонной стороны дѣла и т. п.“ (ib).

¹⁾ Вместе съ нимъ была привезена сюда и его невѣста Сушинская.

Здѣсь въ Мышкинѣ окончательно кристаллизовалось то настроеніе, которое съ особенною силою выразилось въ его знаменитой рѣчи.

Всѣ подсудимые прекрасно знали, чего они могутъ ждать отъ суда. Многіе рѣшили отказаться отъ защиты.“ Мышкинъ тоже не рассчитывалъ на правосудіе сенаторовъ и тоже не боялся того усиленія наказанія, которое могло ожидать каждаго изъ дерзкихъ, рѣшавшихся громко заявить, что царскаго суда они не признаютъ, и, какъ социалисты и революціонеры, ничего общаго съ нимъ имѣть не могутъ. Тѣмъ не менѣе, разъ, послѣ долгихъ переговоровъ и обсужденій все того же жгучаго вопроса, раздался особенно громкій стукъ въ рѣшотку окна (тогда еще доступную обитателю камеры), и Мышкинъ торжественно заявилъ, что пусть съ нимъ дѣлаютъ, что хотятъ, но онъ не можетъ отказаться отъ послѣдняго слова... „Ни оправдываться, ни защищаться не буду, пусть приговариваютъ, къ чему хотятъ, но не сказать имъ въ глаза все, что я объ нихъ думаю, не назвать ихъ именами, которыя они заслуживаютъ, я не могу“... Ему возражали, что никакіе доводы и доказательства не убѣдятъ царскихъ чиновниковъ въ безчестности ихъ поведенія, что никакія заслуженныя ругательства не смутятъ ихъ закаленной совѣсти; что судъ будетъ негласный, и рѣчь подсудимаго останется лишь бисеромъ, брошеннымъ предъ свиньями, либо кри-

И. Н. Мышкинъ въ тюрьмѣ.

комъ негодованія, пропадающимъ въ безвоздушномъ пространствѣ. — „Я не могу молчать... какъ хотите... и буду говорить. Я не могу не сказать подлецамъ всей правды о нихъ самихъ. Позвольте мнѣ всего разъ... всего одну рѣчь“... ¹⁾

„Въ одинъ изъ слѣдующихъ дней онъ передалъ намъ набросокъ составленной имъ рѣчи, и маленькая бумажка, исписанная сжатымъ и мелкимъ почеркомъ, недѣли двѣ переходила изъ камеры въ камеру, возбуждая замѣчанія, привѣтствія, добавленія. Потомъ этотъ набросокъ цѣликомъ вошелъ во вторую часть рѣчи Мышкина на судѣ, тогда какъ первая половина рѣчи, характеризующая тогдашнее движеніе, была составлена другимъ лицомъ, отказавшимся отъ слова въ пользу Ипполита“ (ib).

Когда Особое присутствіе Сената во время разбирательства дѣла постановило раздѣлить подсудимыхъ на группы и расчленить процессъ, несмотря на

¹⁾ Въ другой своей брошюрѣ („Изъ моихъ воспоминаній“, СПб., 1906, стр. 23) г-жа Брешковская говоритъ: „Мышкинъ заявилъ, что просить, чтобы товарищи разрѣшили ему сказать рѣчь на судѣ, такъ какъ, все равно, онъ ни въ какомъ случаѣ не сможетъ сдержать себя и не сказать суду все то, что нависло у него на душѣ.—„Не защищаться буду, а буду нападать... Я сынъ народа, мой отецъ солдатъ, моя мать крестьянка, я имѣю право, я долженъ сказать имъ, что народъ имъ не вѣритъ, что онъ ненавидитъ ихъ, что они его злодѣи“... Рѣшено было, что Мышкинъ скажетъ рѣчь, хотя всѣ знали, что ему не дадутъ договорить всего, и что лишь отрывками можно будетъ обрисовать причины движенія и его содержаніе“.

признанное имъ „сообщество“, большинство подсудимыхъ рѣшило протестовать.

„Вдругъ среди шума и взаимныхъ пререканій раздался голосъ звучный, отчетливо произносившій каждое слово, точно привыкшій спокойно и властно отдавать приказанія, разрѣшать споры и требовать себѣ послѣдняго слова. Зала смолкла, и головы обернулись къ человѣку, впервые громко заговорившему. На Голгоѣ¹⁾, среди другихъ богатырей нашихъ, возвышалась голова съ блѣднымъ, правильнымъ лицомъ, не пышно, но красиво обрамленнымъ черной шапкой волосъ; высокій лобъ былъ приподнятъ, глаза строго смотрѣли въ сторону суда, окруженного мундирами. Это Мышкинъ протестовалъ противъ нарушенія правъ подсудимыхъ. Онъ началъ уже строго выговаривать сенаторамъ и уличать ихъ въ вѣроломствѣ, когда предсѣдатель, съ помощью адвокатскихъ свѣтилъ, сидѣвшихъ въ углу между судьями и Голгофой, поспѣшилъ разяснить, что пренія еще не открылись, что когда кончится чтеніе обвинительнаго акта, каждый получитъ возможность сказать то, что хочетъ“ (ib).

„Еще не окончился судъ надъ всѣми группами, какъ Третье отдѣленіе, испугавшееся бурнаго настроенія заключенныхъ, распорядилось перевезти изъ Дома предварительнаго заключенія въ Петропавлов-

¹⁾ Мышкина съ нѣкоторыми другими помѣстили на возвышеніи (выступъ съ перилами).

скую крѣпость двадцать мужчинъ изъ наиболѣе дѣлательныхъ товарищей нашихъ; въ числѣ ихъ оказался, конечно, и Мышкинъ. Тогда, вмѣсто личнаго воздѣйствія и устныхъ бесѣдъ, началась усиленная переписка между высланными въ крѣпость и оставшимися въ Домѣ предварительнаго заключенія, что значительно облегчалось и раньше существовавшей перепиской между женихами и невѣстами и просто друзьями. Сношенія съ Ипполитомъ велись черезъ Сушинскую. Какъ преданная революционерка, она усердно слѣдила за всѣмъ, что касалось движенія какъ на волѣ, такъ и въ тюрьмѣ, обо всемъ подробно сообщала Ипполиту, а его письма передавала намъ, для общаго свѣдѣнія. По частымъ и длиннымъ его письмамъ (каждое на нѣсколькихъ листахъ „конспиративной“ бумаги), можно было видѣть, какъ онъ быстро входитъ въ положеніе революціоннаго вожака; какъ подробно и основательно обдумывалъ всѣ условія работы, вникалъ въ организационныя дѣла партіи и предлагалъ обширныя и подробныя планы кампаній. Онъ составилъ схему организациі на широкихъ началахъ, куда входила и цѣлая сеть типографій, и склады оружія, и раздѣленіе Россіи на революціонныя районы, ради удобства партизанской войны, на необходимости которой онъ настаивалъ. „Нападать, а не ждать нападеній“, писалъ онъ: „нападающій всегда сильнѣе того, кто защищается только“... Голова его рабо-

тала въ то время исключительно надъ вопросами революціи, онъ весь горѣлъ желаніемъ служить ей, одной только ей. Онъ зналъ, что его ждетъ заточеніе въ центральную тюрьму, но это ни на минуту не заставило его считать себя инвалидомъ, выбитымъ изъ рядовъ дѣйствующей арміи, и всѣ его помыслы обращались въ средѣ товарищей по борьбѣ. Невѣсту свою онъ любилъ горячо, предстоящая разлука не могла не терзать его сердца, любилъ онъ и мать свою, которая долго жила въ Петербургѣ, чтобы ходить къ единственному своему сыну на свиданіе, но и эти привязанности не смягчали его боевого настроенія, и въ лицѣ своей невѣсты онъ видѣлъ товарища, готоваго идти на смерть и на всѣ лишенія по первому зову общаго дѣла, а въ матери своей онъ видѣлъ женщину изъ народа, способную понять сына, отдающаго жизнь свою на избавленіе этого народа. И онъ не ошибался ни въ той, ни въ другой. Старуха-мать являлась на свиданіе всегда бодрая и даже веселая, стараясь развлечь сына своимъ хорошимъ, бодрымъ настроеніемъ; она же цѣлыми днями помогала нашимъ женщинамъ, вѣдавшимъ Краснымъ Крестомъ¹⁾, разносить и раздавать заключеннымъ и книги, и все, что пропускалось въ тюрьму. Фрузя Супинская, пѣжная, изящная дѣвушка, держала себя настоящей

¹⁾ Повидимому, анахронизмъ: какъ организація, революціонный „Красный Крестъ“ явился значительно позднѣе. К. В.

гражданкой; ея любовь къ Ипполиту не только не ослабляла ея готовности бороться до конца, но поднимала ее высоко надъ земными желаніями, и всѣ помыслы ея направлены къ одной цѣли: бороться, бороться, бороться! Какъ только она узнала, что присужденную ей пятилѣтнюю каторгу смѣнили на ссылку въ Архангельскую губернію (съ лишеніемъ правъ), она прежде всего занялась соображеніями о томъ, какъ устроить побѣгъ свой для возвращенія къ революціонной работѣ. Ей не удалось выполнить своего плана потому только, что смерть настигла ее на пути къ его осуществленію. Она простудилась во время пути по берегу Бѣлаго моря, слегла отъ воспаленія легкихъ и, молодая, здоровая, красивая, полная вѣры въ себя и въ свое дѣло, погибла, заброшенная вражеской рукой въ снѣгахъ полунощной, пустынной страны, одинокая, безъ вѣстей о дорогихъ людяхъ безъ возможности, дать знать о себѣ тому, кто самъ рвался къ ней въ мысляхъ своихъ. Ей не разрѣшили писать Мышкину, ихъ разлучили навсегда“ (ib).

Г-жа Бренковская даетъ картинное описаніе сцены суда, въ которой такая видная роль выпала на долю Мышкина.

„Изъ конца въ конецъ залы, шагая черезъ скамьи съ народомъ, агитаторы¹⁾ подходили то къ той, то

¹⁾ Общаго протеста противъ суда.

къ другой группѣ лицъ и горячо убѣждали товарищей въ необходимости самаго рѣшительнаго и категорическаго протеста. Говоръ, шумъ, звонки предсѣдателя, жалобы прокурора на то, что никто не слушаетъ его чтенія... и опять шумъ, говоръ. Такъ прошелъ второй день, и тѣмъ же начался третій. Но за два дня безтактнаго поведенія суда публика наша окончательно взвинтилась, и, по мѣрѣ того, какъ зала наполнялась подсудимыми (приходившими одинъ за другимъ), чувствовалось, какъ поднималась революціонная атмосфера, и какъ все труднѣе и труднѣе становилась задача предсѣдателя, обязаннаго сохранять внѣшній порядокъ. Первую минуту даже не садились, а стояли кучками, громко разговаривая, убѣждая, доказывая. Усердный звонокъ и приглашенія предсѣдателя усадили, наконецъ, подсудимыхъ, и опять Желиховскій ¹⁾ загнулъ монотоннымъ голосомъ недочитанный обвинительный актъ. Судьи уже приготовились отдохнуть отъ напряженнаго состоянія, жандармы и пристава стали рѣже заглядывать въ двери, когда подсудимые, начавшіе разговаривать въ полголоса, мало-по-малу перешли къ громкому говору, и снова зала превратилась въ громадный улей, шумящій, жужжащій, волнующійся. Звонки, призывы къ порядку—ничто не помогало. Со всѣхъ сторонъ слышались громкія

¹⁾ Прокуроръ.

возраженія: „мы не хотимъ слушать вашего обвинительнаго акта“... „мы не признаемъ его“. „Вы поступаете незаконно... дѣлите сообщество, призанное вами, на отдѣльные процессы, этимъ вы удлиняете срокъ сидѣнья до безконечности... лишаете подсудимыхъ возможности совмѣстной защиты“... „Вы хотите всѣхъ заморить!.. больные не вынесутъ дольше“... Бросивъ эти и подобныя слова въ сторону царскаго зеркала, говорившіе отвертывались и продолжали говорить съ сосѣдями. Депеши на словахъ и на бумагѣ летали изъ конца въ конецъ залы. Наконецъ, чтеніе окончилось, и прокуроръ уже намѣревался сказать свое заключеніе, какъ вдругъ зала огласилась криками негодованія и презрѣнія, и обвиненія во лжи и клеветѣ посыпались на голову жалкаго человѣка, дрожавшаго отъ злости за своимъ пюпитромъ. Ни звонковъ, ни воплей предсѣдателя не было слышно, все тонуло въ общемъ гулѣ голосовъ, и напрасно жандармы переступали порогъ зала и дѣлали видъ, что вотъ-вотъ ринутся въ толпу съ обнаженными пашками. Шумъ поднимался и поднимался все выше и выше, точно растущая буря; и, какъ удары раскатыстаго звонкаго грома, голосъ Мышкина покрывалъ собою весь хоръ негодующихъ, и въ звукъ этого голоса отрискивались чувства и мысли, наполнявшія сердца и головы собранія. Съ грозной отвагой глядя на смертельныхъ враговъ своихъ, отчеканивая

каждое мѣткое свое слово, бывший ординарецъ третировалъ, какъ самыхъ послѣднихъ негодяевъ, императорскихъ судей и прокурора и бросалъ имъ въ лицо одно обвиненіе за другимъ... Всѣ поднялись со скамей, и небольшая зала точно сотряслась отъ взрыва негодованія... гнѣвные восклицанія, жесты, крики... Люди, просидѣвшіе по три и по четыре года въ одиночкахъ, бросали вызовъ своимъ все-сильнымъ судьямъ и гордо удерживали за собой право надъ своей совѣстью, надъ своими поступками. Гнѣвъ на позорно составленный обвинительный актъ, гдѣ не было ни правды, ни смысла, которымъ правительство хотѣло представить предъ лицомъ населенія всѣхъ насъ мальчишками-недоучками, людьми безъ принциповъ, безъ совѣсти; обида за больныхъ и слабыхъ товарищей, осужденныхъ еще на мѣсяцъ лишняго сидѣнія¹⁾; отвращеніе ко всей обстановкѣ суда, сопряженной съ самой наглою ложью, со всевозможными унижительными и оскорбительными процедурами для подсудимаго, все это вмѣстѣ создало ту атмосферу непримиримости, которая и вызвала бурю, напугавшую и судей, и прокурора, и стражей. Сенаторы вскочили со своихъ мѣстъ, за ними побѣжали всѣ ихъ прихвостни; Желиховскій успѣлъ вскрикнуть: „да это чистая революція!“ и спрятался сначала за пюпитръ, а потомъ выскочилъ за дверь.

1) Вслѣдствіе затягиванія процесса, разбитаго на группы.

Не стало ни судей, ни прокурора. Изумленные адвокаты осматривались во всѣ стороны, а стенографистки, блѣдныя, перепуганныя, не знали, что и какъ вносить въ свои протоколы. А подсудимые смѣялись и продолжали прерванные разговоры. Но вотъ одинъ изъ бѣгавшихъ приставовъ поспѣшно вынесъ резолюцію, что засѣданіе закрыто... Въ тотъ же день сенаторы официально постановили и объявили о томъ, что процессъ тайнаго сообщества, организовавшагося для социальнаго-революціонной пропаганды въ 36 губерніяхъ Россійской имперіи, расчленяется на группы, и что каждая изъ этихъ группъ будетъ имѣть свое отдѣльное судопроизводство и, слѣдовательно, свой приговоръ. По-просту это значило, что, боясь имѣть дѣло со всѣми 193 заключенными заразъ, сенаторы сочли болѣе удобнымъ для себя справляться съ группами лицъ въ 10—15—20 человѣкъ. Пока одна группа посѣщала судебное слѣдствіе, остальные должны были продолжать сидѣть въ одиночкахъ, ничего не зная, въ какомъ видѣ находится та часть дѣла, за которую имъ придется specially отвѣчать. Послѣ официального объявленія резолюціи сенаторовъ всѣ, стоявшіе за протестъ, тутъ же отказались отъ участія въ судоговореніи“.

„Когда наступила очередь Московской группы, которая тоже почти вся протестовала, то, къ великому удивленію жандармовъ, Мышкинъ хотя и за-

явилъ, что идетъ въ судъ, только подчиняясь насилію, пошелъ спокойно, не оказывая никакого сопротивленія. Напротивъ, смѣлый и гордый, онъ шелъ, какъ воинъ на давно ожидаемый бой, и взошелъ на Голгоу, какъ на трибуну, съ которой долженъ былъ повѣдать всенародно грозное слово врагамъ народа. И онъ сказалъ это слово, какъ никто еще не говорилъ въ Россіи. Всѣ мы, протестовавшіе, къ большому нашему огорченію, не слышали этой знаменитой рѣчи, извѣстной „рѣчи Мышкина“ на судѣ. Но часъ спустя, а, можетъ быть, и раньше, мы уже знали о ней и о томъ громовомъ впечатлѣніи, какое она произвела на слушателей, изъ рассказовъ прибѣжавшихъ адвокатовъ, блѣдныхъ, задыхающихся, встрѣтившихъ насъ возгласами: „мы ничего такого не слышали... Надо родиться такимъ ораторомъ, этого нельзя передать!“ То пытались передать они намъ силу впечатлѣнія, произведеннаго рѣчью на всѣхъ присутствующихъ, даже на самихъ судей; то пытались перелать содержаніе рѣчи; то описывали эпизодъ борьбы съ жандармами товарищей нашихъ, тридцати человѣкъ, пришедшихъ нарочно съ Мышкинымъ, чтобы не впускать жандармовъ на Голгоу, когда они бросаются стаскивать его; то опять возвращались къ самой рѣчи, восхищаясь ораторскимъ искусствомъ Мышкина, превратившагося въ грознаго судью царскихъ судей; то возвращались къ обморокамъ и истерикамъ, вызван-

нымъ бурнымъ краснорѣчіемъ оратора. Мы слушали эти рассказы съ замирающимъ сердцемъ, со слезами восторга на глазахъ. Скоро вернулись и надзирательницы, бѣгавшія на судъ въ свободные часы, и полились новые рассказы, полные восхищенія и удивленія. Затѣмъ пришли тѣ немногія товарки, которыя посѣщали судъ, и, прерывая слова свои громкими рыданіями, старались передать намъ болѣе связно содержаніе рѣчи и тѣ подробности, которыми сопровождался этотъ блестящій обвинительный актъ, предъявленный правымъ преступникомъ своимъ неправымъ судьямъ“.

Эмигрантъ Лазаревъ, присутствовавшій во время произнесенія этой рѣчи, впоследствии рассказывалъ Дебогорію-Мокріевичу (I. с., стр. 190), что „последнія слова Мышкинъ прокричалъ глухимъ, задвленнымъ голосомъ, уже въ то мгновеніе, когда его тащили изъ залы суда, и жандармскій офицеръ все время зажималъ ему ротъ своей рукою. Эта сцена произвела на присутствующихъ потрясающее впечатлѣніе. Въ залѣ раздались рыданія и крики. Публика заволновалась; всѣ защитники вскочили со своихъ мѣстъ; судьи и прокуроръ поднялись. Нѣкоторые изъ подсудимыхъ принялись грубо ругать судей. Жандармы схватили ихъ и выволокли изъ залы суда вслѣдъ за Мышкинымъ“.

Судъ присудилъ Мышкина къ 10 годамъ каторги. Ходатайствуя о замѣнѣ каторги ссылкой для осталь-

ныхъ подсудимыхъ, онъ исключилъ Мышкина изъ этого ходатайства.

Его рѣшили отправить для отбыванія наказанія въ Бѣлгородскую центральную тюрьму. Въ виду сдѣлавшагося извѣстнымъ постановленія революціонеровъ освободить его во что бы то ни стало вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими его увезли потихоньку, и освобожденіе не удалось (см. „Былое“ февраль, 523—254; августъ, 19, 122).

„Начало“ (1878, 2) извѣщало своихъ читателей: „въ ночь на 16 апрѣля изъ крѣпости неизвѣстно куда былъ перевезенъ Мышкинъ въ каретѣ, сопровождаемый только однимъ жандармскимъ офицеромъ Лѣсниковымъ¹⁾. Его везли съ обритою до половины головою и закованнаго по рукамъ и ногамъ въ крѣпкіе короткіе кандалы“.

„Земля и Воля“ (1879, 4) дополнила это извѣстіе: „Мышкина высадили подъ Харьковомъ на товарной станціи въ уединенномъ мѣстѣ въ городской тюремный замокъ на лошадяхъ“.

О его жизни въ Харьковскихъ „централкахъ“ (сначала Новобѣлгородской, потомъ Андреевской) нѣкоторыя цѣнныя свѣдѣнія даетъ Свитычъ въ своихъ анонимныхъ „воспоминаніяхъ политическаго каторжанина“: „Въ каменномъ мѣшкѣ. Надгробное слово“ (СПБ. 1906).

¹⁾ Знаменитымъ впоследствии по Шлиссельбургу Лѣсниковъ?

Жизнь была такова, что одинъ изъ заключенныхъ, какъ милости, просилъ у высшаго начальства смертной казни (стр. 24), другой, затянутый веревкой, тоже, какъ милости, молилъ смотрителя тюрьмы, чтобы его „окончательно придушили“...

Неумичивая, бунтарская натура Мышкина проявлялась здѣсь во всемъ.

„Вечеръ... Тишина почти абсолютная; все тѣмъ-нибудь заняты въ своихъ номерахъ. Вдругъ изъ 7-го номера, гдѣ сидитъ Мышкинъ, раздается громкій голосъ, отчеканивая каждое слово: „я требую фи-зи-че-ска-го тру-да, я требую му-скульной ра-бо-ты!“ Эти фразы повторяются разъ пять. Надзиратель подбѣгаетъ къ двери и, въ свою очередь, начинаетъ кричать: „Замолчи! чего ты орешь? Перестань, а не то я сейчасъ на тебя наручни надѣну!“ Требованіе продолжается, а на угрозы надзирателя не обращается вниманія.

„Я тебѣ ротъ завяжу, если ты не замолчишь!“

Ноль вниманія. Мышкинъ продолжаетъ свое требованіе, которое повторяется еще нѣсколько разъ. Объ этомъ происшествіи, конечно, доносится смотрителю, который, повидимому, пока ничего не предпринимаетъ для удовлетворенія требованій Мышкина. На другой день повторяется та же исторія, только съ другимъ финаломъ: съ вечерней прогулки Мышкинъ не возвращается, о чемъ обитатели одиночки узнали отъ Плотникова, который, проходя на другой

день утромъ по коридору, кричить: „братцы! Мышкина у насъ украли; вчера онъ не почевалъ дома“. — „Иди, иди, проваливай, не разговаривай, а то самъ попадешь туда, гдѣ Мышкинъ“, раздается грубый голосъ надзирателя. Да, Мышкина украли: послѣ вечерней прогулки, вмѣсто возвращенія въ свою камеру, увели въ главный корпусъ тюрьмы. Смотритель Грицылевскій удовлетворилъ требованію Мышкина, посадивъ дерзкаго въ карцеръ“... (стр. 8—9).

Послѣ убійства харьковскаго генералъ-губернатора, князя Кропоткина, смотритель „подсылаетъ милого батюшку, тюремнаго попа, который, побывавъ въ двухъ-трехъ номерахъ, заходитъ въ седьмой, къ Мышкину, съ которымъ, въ откровенномъ тонѣ, заводитъ разговоръ о Кропоткинѣ, желая услышать что-нибудь объ этомъ предметѣ. Будучи все время въ крайне раздражительномъ положеніи, какъ и каждый изъ сидѣвшихъ въ одиночкѣ, Мышкинъ начинаетъ высказывать одобрительные отзывы попу о самомъ фактѣ убійства. Попу только этого и нужно было; онъ немедленно отправился къ смотрителю и донесъ обо всемъ въ подробности. Смотритель сдѣлалъ свое распоряженіе: у Мышкина, заболѣвшаго нѣсколько дней тому назадъ лихорадкой и переведеннаго вслѣдствіе этого на больничное положеніе, отнимаютъ тюфякъ, служившій ему, какъ больному, постелью, заковываютъ въ кандалы

и бреютъ половину головы ¹⁾. Больной можетъ спать на голыхъ доскахъ, закованный въ цѣпи“ (стр. 18).

Когда осматривавшій тюрьму новый губернаторъ фонъ-Валь зашелъ къ Мышкину, между ними произошелъ очень характерный разговоръ (стр. 20).

— „Не имѣешь ли чего заявить?“ — обращается къ послѣднему его превосходительство.

— „Да, имѣю!“ И Мышкинъ начинаетъ жаловаться на плохую пищу, на недостатокъ движенія, свѣта, воздуха; говорить, какъ разрушительно дѣйствуютъ на организмъ всѣ эти недостатки въ связи съ одиночествомъ.

— „Самъ виноватъ, — не нужно было такъ поступать, какъ ты поступалъ!“

— „Ну, такъ души же, души насъ, души!“ кричитъ со страстнымъ злобнымъ отчаяніемъ жилецъ 7-го номера. За это Мышкинъ, по приказанію Валя, былъ посаженъ на однѣ сутки въ карцеръ!“

Въ своей камерѣ Мышкинъ замѣтилъ шатающуюся половицу и задумалъ сдѣлать подкопъ въ тюремный дворъ.

„Мышкинъ осторожно слѣзаетъ съ койки, изъ верхняго платья дѣлаетъ подобіе чучела, покрываетъ одѣяломъ, а самъ, приподнявъ половицу, опу-

¹⁾ Послѣ попытки Мышкина бѣжать начали всѣмъ брить головы (стр. 40).

скается подъ полъ. Посредствомъ обломка гвоздя, осколка лучины, а то и голыми пальцами ковыряетъ онъ мерзлую землю. Работа медленно подвигается. Спину ломитъ, потъ градомъ катится по его лицу, уставшія руки просятъ отдыха, но воодушевленная мысль увеличиваетъ силу его энергіи. Какъ кротъ, тихонько, осторожно роется онъ въ темнотѣ. Каждую ночь продѣлываетъ онъ то же... Наступившая весна оттаяла землю, и работа подвигается быстрѣе. Онъ дорылся до фундамента, прошелъ подъ нимъ, начинаетъ рыться вверхъ. Онъ оставляетъ слой земли приблизительно толщиной въ аршинъ, надъ мѣстомъ, гдѣ долженъ быть выходъ. Онъ ждетъ удобнаго момента. Все у него приготовлено: доставши гдѣ-то листъ бумаги, онъ написалъ себѣ паспортъ, нарисовалъ въ надлежащемъ мѣстѣ печать; надерганныя изъ щетки шерсть и нитки изъ казеннаго бѣлья послужили ему матеріаломъ для парика, прикрывшаго его бритую голову. У него все готово — хоть сейчасъ полѣзай. Онъ знаетъ, что легко можетъ быть заколотъ ходящимъ тутъ часовымъ, но онъ рѣшился. Лучше все-таки быстрая смерть, чѣмъ мучительная, медленная. Да при томъ, это вопросъ — смерть ли? Онъ думаетъ бѣжать на Пасху, рассчитывая на меньшую бдительность со стороны подгулявшихъ надзирателей. Страстная пятница. Не въ урочный часъ, въ полдень, Мышкину понадобилось кое-что спря-

тать въ свое подземелье. Онъ полѣзъ туда. Ходившій по коридору дежурный совершенно случайно взглянулъ въ дверное стеклышко какъ разъ въ тотъ моментъ, когда Мышкинъ возвращается изъ своей экскурсіи въ преисподнюю. Тюремный надзиратель бѣжитъ къ старшему. Старшій докладываетъ смотрителю, и пошла суматоха; обыски, шареніе, ноханіе.. Сдѣланный подкопъ засыпанъ; Мышкинъ посаженъ въ карцеръ, а оттуда переведенъ въ лѣвую одиночку. Обитателей номеровъ размѣстили въ иномъ порядкѣ, чѣмъ прежде. Въ лѣвой одиночкѣ Мышкинъ лишень книгъ. Товарищи кое-какъ ухитрились, вырывая по листкамъ изъ книгъ, доставлять ему матеріалъ для чтенія. Но этого недостаточно. Тоска и апатія начинаютъ овладѣвать и имъ. Надежда на свободу исчезла. Онъ сознаетъ все съ большей и большей ясностью безвыходность своего положенія... — „Неужели нѣтъ никакого выхода?“ — спрашиваетъ онъ себя. „Неужели я долженъ медленно умирать и видѣть, какъ умираю? Это ужасно!“ Выходъ долженъ быть найденъ. Усиленно работаетъ ослабѣвшій мозгъ. Усиленно ищетъ онъ этого выхода. — „Неужели только одинъ выходъ — быстрая смерть посредствомъ самоубійства? Такъ бесполезно умереть — гадко. Коли умирать, то сдѣлать свою смерть возможно продуктивной“... Выходъ найденъ. Послѣ многихъ бессонныхъ ночей отысканъ способъ умереть продуктивно. Мышкинъ рѣшился : „Нужно сдѣ-

латъ преступленіе, влекущее за собою смертную казнь, и на судѣ рассказать всѣ ужасы, которые переносить заживо погребенные“. Мышкинъ вдругъ сталъ усердно посѣщать церковь. Всякое воскресенье, всякій праздникъ онъ просится туда... Онъ ждетъ въ церковь Копнина ¹⁾, который почему-то въ послѣднее время не показывается. Какой-то царскій день, Мышкинъ просится въ церковь. Его ведутъ. Сегодня, по его расчетамъ, Копнинъ обязательно долженъ быть въ церкви, и сегодня Мышкинъ приведетъ, наконецъ, въ исполненіе свою заветную мысль. Онъ ждетъ, онъ не ошибся. Въ мундирѣ, съ орденами за разные подвиги душевнѣя людей и высасыванія человѣческой крови, появляется Копнинъ въ церкви. Онъ слушаетъ всю обѣдню, солидно крестится и, какъ фарисей, благодаритъ своего Бога за то, что онъ не такой, какъ эта масса каторжниковъ, наполняющихъ церковь. Передъ многолѣтіемъ, когда погѣ вынесетъ крестъ, Копнинъ подходитъ, чтобы приложиться. Вплотную, слѣдомъ за нимъ, идетъ Мышкинъ, по видимому, желающій тоже облобызать крестъ. Копнинъ перекрестился съ разстановкой и прикладывается губами къ кресту. Онъ приложился и поворачивается, чтобы выходить изъ церкви. Не успѣлъ онъ повернуться лицомъ къ Мышкину, сто-

¹⁾ Новый смотритель тюрьмы.

явшему позади его, какъ „вотъ тебѣ, подлецъ!“ — вскрикиваетъ Мышкинъ, и звонкая пощотина, эхо которой раздается по всей церкви, зарумянила лицо зрителя... Смотритель ошеломленъ; онъ взбѣшенъ. Въ воздухѣ взвизгиваетъ свинцовый набалдашникъ палки, съ которой повсюду ходилъ Копнинъ, и со всего размаха опускается на бритую голову Мышкина. Тотъ падаетъ, теряя сознание, а разсвѣтившійся смотритель продолжаетъ осыпать его ударами, ругаясь непечатными словами на всю церковь. Стоявшіе въ отдаленіи надзиратели кидаются на помощь своему повелителю, и передъ алтаремъ Бога всепрощенія и христіанской любви начинается бойня; надзиратели бьютъ по лицу лежащаго безъ движенія Мышкина. Остервенѣніе ихъ доходитъ до того, что они, буквально, начинаютъ плясать у него на груди, притопывая каблуками... Избитаго, окраивающаго, потерявшаго сознание, несчастнаго волокутъ за ноги на крыльцо и отсюда, надѣвъ кандалы ножные и ручные, тащатъ въ карцеръ... Рѣшилась дать пощотину, Мышкинъ рассчитывалъ на смертную казнь. На судѣ онъ думалъ рассказать мученика Бочарова, Соколова, Донецкаго, Платникова и всѣхъ сидящихъ въ одиночныхъ камерахъ централки. Расчетъ его оказался ошибочнымъ. Не желая затѣвать дѣла въ виду „новыхъ вѣданій“, высшая администрація рѣшилась взглянуть на Мышкина, какъ на помѣшаннаго, а на пощот-

чину Копнину, какъ на острый припадокъ умопомѣшательства. Изъ карцера, скованнаго по рукамъ и ногамъ, Мышкина увезли въ Ново-Борисоглѣбскую центральную тюрьму“ (стр. 52—54).

Сидѣвшій одновременно съ Мышкинымъ въ Ново-Бѣлгородской централкѣ Н. А. Виташевскій („Былое“, 1906, іюль) дополняетъ рассказы Свитыча нѣсколькими характерными подробностями.

„Въ 1880 году, помню, по инициативѣ Мышкина у насъ завязалась переписка дискусіоннаго характера. Мышкину хотѣлось выяснитъ программы возникшихъ послѣ него партій. Мнѣ пришлось выяснять нео-якобинизмъ. Въ памяти моей сохранилась одна фраза изъ его письма приблизительно такого содержанія: „я понимаю власть, милостію Божіей и „волею народа“, но что такое власть, которая будетъ находиться въ рукахъ якобинцевъ?—Власть „по захвату“—это какъ-то странно!“—За точность выраженія не ручаюсь, но за смыслъ—безусловно“ (стр. 119—120).

„Дѣятельная натура Мышкина искала исхода изъ того положенія, въ которое онъ былъ поставленъ. Съ одной стороны, отсутствіе „работы“ (а подъ нею Мышкинъ только и могъ разумѣть революціонную дѣятельность), съ другой продолжительность срока заключенія въ централкѣ (Мышкинъ былъ осужденъ на 10 лѣтъ каторжныхъ работъ), наконецъ, съ третьей—отсутствіе надежды быть переведеннымъ

изъ централки хоть когда-нибудь,—все это побудило Мышкина задуматься надъ мыслью, что надо бѣжать. Онъ остановился на подкопѣ. Чтобы замаскировать свою работу, а, съ другой стороны, чтобы приобрести матеріалъ для приготовленія себѣ вольнаго платья, Мышкинъ попросилъ разрѣшенія занять наклейкой картъ на холстѣ. Ему позволили. Съ тѣхъ поръ полъ его камеры вѣчно былъ застланъ холстомъ съ наклеенными на него географическими картами. Но предпріятіе Мышкина было химеричное: очень скоро обыскъ (а обыски у насъ производятся чуть ли не каждый разъ, когда насъ выводятъ на прогулку) обнаружилъ работу Мышкина надъ проведеніемъ подкопа. Мышкина, конечно, перевели въ другую камеру и стали за нимъ усиленно наблюдать. Были ли примѣнены къ нему какія-нибудь исключительныя строгости, я не помню. Фактъ же заключается въ томъ, что Мышкинъ вознамѣрился такъ или иначе добиться измѣненія своего положенія, рассчитывая въ новой обстановкѣ изыскать средство къ побѣгу. Въ какой-то „высокопосторженственный“ день, когда Копнинъ явился въ церковь въ полной парадной формѣ и при всѣхъ своихъ орденахъ и медаляхъ, въ церкви оказался и Мышкинъ. По окончаніи службы Копнинъ первымъ подошелъ прикладываться къ кресту, за нимъ слѣдомъ потянулся Мышкинъ. И едва успѣлъ Копнинъ, приложившись, вернуться къ Мышкину,

какъ этотъ послѣдній размахнулся и, въ свою очередь, „приложился“ къ фizioноміи Копнина. Это была для Копнина вторая „непріятность по службѣ“: въ Харьковѣ ему отвѣсили пощочину Ястремскій, въ централкѣ—Мышкинъ. Когда мы узнали объ этомъ инцидентѣ, то ахнули. Мы были вполне увѣрены, что Мышкина повѣсятъ. Тревоги наши усугубились, когда мы узнали, что его куда-то увезли. Какова же была наша радость, когда, прѣхавши черезъ небольшой промежутокъ времени въ Харьковъ, мы въ числѣ привезенныхъ изъ Новоборисоглѣбской центральной тюрьмы увидѣли и Мышкина, здоровымъ и невредимымъ. Оказалось, что его не только не судили и не наказали, но перевели въ сущности въ лучшія условія,—въ сосѣднюю централку. Дѣло объясняется именно тѣмъ, что во время всѣхъ этихъ событій на Руси уже царилъ „диктатура сердца“ (стр. 132—3).

По словамъ М. Р. Попова („Былое“ 1906, февраль, стр. 254) Мышкинъ „вынутую землю изъ подкопа выносилъ въ бадью, извѣстной въ арестантскомъ мірѣ подъ именемъ „парашки“. Было тамъ правило, чтобы выходившій на гулянье заключенный выносилъ съ собою и эту бадью съ нечистотами“. Въ этой-то бадѣ Мышкинъ и выносилъ землю! „Переводъ Мышкина“ въ другую централку былъ для всѣхъ неожиданностью, „имѣвшей своимъ послѣдствіемъ то, что онъ за оплеуху, данную имъ

смотрителю, попалъ въ болѣе сносныя условія. Въ централкѣ, гдѣ сидѣли Коваликъ, Войнаральскій и Рогачовъ, и куда теперь попалъ Мышкинъ, давался чай, между тѣмъ какъ въ прежней такая роскошь не допускалась. Насчетъ книгъ, гулянья и пр. въ этой централкѣ тоже условія были болѣе льготныя“¹⁾.

Въ 1880 г. централистовъ рѣшили отправить на Кару. „Состояніе ихъ физическихъ силъ было таково, что, прежде чѣмъ отправить ихъ этапомъ въ далекій путь, начальство должно было продержать ихъ въ Мценской тюрьмѣ полгода, чтобы дать имъ возможность стоять на ногахъ. Мышкинъ и его товарищъ по суду были изъ наиболѣе сохранившихся, и мценскіе узники не замедлили увидѣть въ своей средѣ воспрянувшихъ богатырей революціи, гордо и бодро глядѣвшихъ въ будущее, снова ковавшихъ мечи для дальнѣйшихъ битвъ и схватокъ. Шествіе централистовъ по Сибири (ихъ было 10 человекъ по разнымъ процессамъ), совершавшееся медленнымъ этапомъ и длившееся полгода, на всѣхъ насъ, сибирскихъ ссыльныхъ, производило впечатлѣніе грандіознаго шествія могучей духовной силы, побѣдоносно вышедшей изъ ада мученій и гордо и смѣло идущей навстрѣчу новымъ пыткамъ и мукамъ. Во всѣхъ канунахъ необъятныхъ сибирскихъ пространствъ

¹⁾ См. еще Кеннанъ, I. с., стр. 230—231.

получались письма съ описаніемъ этого торжественнаго марша, возбуждавшаго восторгъ товарищей и удивленіе самой администраціи, встрѣчавшей и сопровождавшей бритыхъ и закованныхъ въ кандалы богатырей съ особымъ почтеніемъ и осторожностью.

— „Централисты ужъ подѣ Томскомъ... подѣ Красноярскомъ... подѣ Иркутскомъ... бодрые... здоровѣе поправляются... всѣ думаютъ о работѣ“...

И сердца наши бились сильнѣе, и намъ становилось совѣстно за наше бездѣйствіе, за наше неумѣніе воспользоваться сравнительно легкими условіями жизни“ (Брешковская, I. с., стр. 14).

„По дорогѣ на Кару Мышкинъ свою революціонную натуру, — натуру, выкованную молотомъ жизни, проявилъ въ Иркутскѣ. Здѣсь умеръ ¹⁾ одинъ изъ централистовъ, Дмоховскій. При его погребеніи Мышкинъ сказалъ въ церкви надъ гробомъ Дмоховскаго рѣчь, которую закончилъ словами: „на почвѣ, удобренной кровью такихъ борцовъ, какъ ты, дорогой товарищъ, расцвѣтетъ дерево русской свободы“. На эти слова Мышкина священникъ, отпѣвавшій покойника, отвѣтилъ...: „врешь, — не расцвѣтетъ!“ (Поповъ, I. с., стр. 254 — 255). По словамъ г-жи Брешковской, „прискорбно, что другая его рѣчь, не менѣе яркая, могучая и краснорѣчивая ²⁾, сказанная имъ въ Иркутскѣ надъ гробомъ умершаго

¹⁾ Въ 1881 г.

²⁾ Чѣмъ рѣчь во время „процесса 193“.

тамъ товарища Дмоховскаго, — погибла для потомства... Объ этой второй рѣчи товарищи, слышавшіе ее, отзываются, какъ о верхѣ краснорѣчія и ораторскаго искусства. Она была произнесена въ церкви Иркутской тюрьмы, сейчасъ послѣ обѣдни, на которой, кромѣ уголовныхъ и политическихъ арестантовъ, присутствовало все тюремное начальство и толпа посѣтителей... Когда окончилась служба, Мышкинъ подошелъ къ гробу, поднялъ руку и сталъ говорить. Несмотря на два года сидѣнья въ одной изъ харьковскихъ централокъ, голосъ его остался такимъ же могучимъ и музыкальнымъ. И здѣсь, какъ и вездѣ, съ первыхъ же звуковъ своихъ онъ чаровалъ слушателей, и они замирали, внимая каждому слову, каждому жесту, каждому взгляду оратора. И тутъ, торжественно-спокойный и грозный, онъ явился обвинителемъ злодѣйскаго правительства и всей его подлой клики. Показывая на трупъ любимаго товарища, не торопясь, съ полной увѣренностью въ своемъ правѣ, Мышкинъ нарисовалъ картину самодержавнаго механизма и, клейма достойными словами служителей его, въ горячихъ словахъ, въ страстныхъ выраженіяхъ разоблачалъ всѣ ужасы... (Несъ замерло... Никто не подумалъ прервать мощную рѣчь человека, такъ властно говорившаго. Пораженный священникъ стоялъ тутъ же и неподвижно внимать... Но вотъ прозвучалъ заключительный возгласъ, и жестомъ ораторъ далъ знать, что рѣчь

окончена. Всѣ вздрогнули. Священникъ заметался и сталъ выкрикивать слова проклятія; опомнившееся начальство въ ужасѣ набросилось на Мышкина и съ помощью солдатъ и надзирателей увлекло его въ тюрьму“. Иное освѣщеніе, со словъ союзниковъ Мышкина, даетъ этому инциденту Кеннанъ (I. с. стр. 231). „За эту рѣчь, произнесенную въ церкви, „передъ святыми образами“, онъ былъ судимъ и осужденъ еще на 15 лѣтъ каторжныхъ работъ. Говоря со мною о Мышкинѣ, его товарищи называли его „врожденнымъ“ ораторомъ, который за всю жизнь произнесъ двѣ рѣчи; одна обошлась ему въ 10 лѣтъ, другая—въ 15 лѣтъ каторги. Мышкинъ самъ жалѣлъ впоследствии, что онъ произнесъ эту вторую рѣчь. Посторонняя публика слушать ее не могла; она была совершенно бесполезна, а личное удовлетвореніе отъ сознанія исполненнаго передъ товарищемъ долга стоило ему слишкомъ дорого; даже еслибы онъ дожилъ до конца срока, онъ вышелъ бы изъ каторги бесполезнымъ для „общаго дѣла“, безсильнымъ старикомъ“.

Мышкинъ на Кару прибылъ въ началѣ 1882 г. Среди карійскихъ политическихъ было тогда большое броженіе, и нѣкоторые изъ нихъ задумали бѣгство посредствомъ подкупа. Когда это не удалось, рѣшили воспользоваться мастерскими. Въ виду исключительной популярности Мышкина ему предложены были первая очередь и право выбрать

собѣ товарища. Онъ остановился на рабочемъ Хрущовѣ, съ которымъ и спрятался на ночь въ мастерскихъ. На ихъ постели, на случай провѣрки, нѣсколько ночей подъ рядъ клали чучела. Тѣмъ же путемъ, вслѣдъ за Мышкинымъ и Хрущовымъ, успѣло убѣжать еще пять человѣкъ (май 1882 г.), но затѣмъ исчезновеніе нѣсколькихъ политическихъ было обнаружено, и за ними начались тщательные поиски по всей Сибири. Мышкинъ успѣлъ добраться въ лодкѣ и на пароходѣ до Владивостока и собрался уѣхать на какомъ-нибудь иностранномъ суднѣ, но его арестовали. Путь ихъ былъ прослѣженъ, были узнаны также фамиліи ихъ фальшивыхъ паспортовъ. О нихъ было дано знать всюду, въ томъ числѣ и владивостокской полиціи. Не подозрѣвая этого, Мышкинъ и Хрущовъ по приѣздѣ во Владивостокъ предъявили свои документы и сейчасъ же были арестованы. Ихъ вернули на Кару. Безпокойнаго Мышкина рѣшили упрятать въ крѣпость. За попытку бѣгства его ждало новое наказаніе ¹⁾.

„По возвращеніи на Кару Мышкинъ принялъ участіе въ общей тюремной борьбѣ и вновь сталъ переживать всѣ ужасы, выпадающіе на долю плѣнника русскаго правительства. Голодовки и бунты сменялись мрачнымъ затишьемъ и вновь возникали съ большою силой и рѣзкостью, дѣлая жизнь за-

¹⁾ См. Дойчъ, I. с., 147—148; Кеннанъ, 217—218; Поповъ, 288—290.

ключенныхъ сплошнымъ нравственнымъ и физическимъ мученьемъ. Но Мышкинъ точно не видѣлъ своихъ страданій. Лишенія, доводившія сидѣвшихъ до истощенія всѣхъ силъ, нагонявшія тоску и хандру на большинство молодыхъ и здоровыхъ, проходили для него незамѣченными. Онъ мучился совсѣмъ другимъ. Его терзала мысль о томъ, что побѣгъ его былъ отчасти причиной тѣхъ ужасовъ, которые творились надъ его товарищами. Эта мысль иногда сквозила въ его письмахъ, частыхъ и длинныхъ, которыя онъ обыкновенно обращалъ къ С. А. Лешернъ, съ которою дружилъ уже въ Домѣ Предварительнаго Заключенія и особенно сблизился на Карѣ. Въ этихъ же письмахъ, по нашей просьбѣ, онъ описывалъ по частямъ свою прошлую жизнь, но охотнѣе всего онъ писалъ свои соображенія относительно разныхъ серьезныхъ очередныхъ вопросовъ, свое отношеніе къ текущимъ дѣламъ. У себя, въ мужской тюрьмѣ онъ почти не затрагивалъ вопроса о послѣдствіяхъ своего побѣга, но все его поведеніе по отношенію къ товарищамъ показывало, что главнымъ желаніемъ его было сколько-нибудь смягчить суровую жизнь, услужить, утѣшить. Онъ молча глядѣлъ на окружающую жизнь, читалъ, писалъ потихоньку и слѣдилъ за минутами, когда могъ хоть чѣмъ-нибудь угодить другимъ. Централка и Кара выработали изъ него аскета, но не мрачнаго, не недоступнаго, а лишь суроваго къ себѣ самому,

отъ себя требовавшаго силы, твердости, великодушія. Эта неподкупная строгость къ себѣ дѣлала его высшимъ существомъ въ глазахъ товарищей, и имя Мышкина произносилось съ особымъ почтеніемъ, даже наиболѣе снисходительными къ себѣ. Время шло, а страданія точили жизнь самыхъ здоровыхъ и сильныхъ тѣломъ и духомъ. Но изъ-подъ пера Мышкина не выходило ни слова жалобы, ни намека на усталость. Онъ зналъ, что къ двумъ каторгамъ за его знаменитыя рѣчи ему прибавятъ третью за побѣгъ, но это к. будто не интересовало его, и всѣ его помыслы были направлены лишь на то, чтобы доразрѣшить себѣ еще нѣкоторые вопросы и въ особенности вопросъ о нѣкоторыхъ приѣмахъ революціонной борьбы, имѣвшихъ особую важность въ его глазахъ. Мы горячо спорили и кто медленно, кто быстро рѣшалъ поставленные имъ вопросы; однако, замѣтно было, что его практическій умъ требовалъ болѣе реальныхъ доказательствъ, могущихъ быть провѣренными самою жизнью. А въ это время кто-то гдѣ-то судилъ Мышкина въ третій разъ, бѣгъ его вѣдома, безъ всякаго участія съ его стороны. Явились жандармы, схватили его и увезли... Не стало Ишполита, не стало его дорогихъ писемъ, не стало и того радостнаго чувства, которое вызывалось обмѣномъ мыслей съ человѣкомъ, одинъ образъ котораго вызывалъ восторгъ, голосъ котораго всегда звучалъ, какъ призывная боевая труба для

тѣхъ, кто хоть одинъ разъ слышалъ его вдохновенную рѣчь“ (Брежневская).

Его привезли съ Кары въ 1883 г. въ Трубецкой бастионъ Петропавловской крѣпости ¹⁾. Затѣмъ, когда цынга и чахотка очистили камеры Алексѣевского рavelина, его перевели туда. Посредствомъ узелковъ на ниткѣ и обожженной спички онъ умудрился даже завести переписку съ М. Р. Поповымъ. Здѣсь, въ рavelинѣ, онъ производилъ на своихъ союзниковъ то же сильное впечатлѣніе, что и на Карѣ. Годы и полная безвыходность положенія не укротили его могучей энергіи.

По словамъ М. Р. Попова, „революціонная натура Мышкина была выкована молотомъ жизни... Его революціонное чувство накоплялось суровой дѣйствительностью его жизни. Впечатлительная организація натуры, при богато одаренномъ умѣ, съ самаго дѣтства могла реагировать только отрицательно на ту обстановку, которая выпала на его долю, какъ на сына кантониста ²⁾. Вотъ почему, когда онъ вступилъ въ ряды борцовъ 70-хъ годовъ, то рядомъ съ его теоретическими обоснованіями ярко выступило накопленное еще въ дѣтствѣ революціонное чувство, и вотъ почему Мышкинъ всегда и прежде всего реагировалъ чувствомъ на окружаю-

¹⁾ См. Поповъ, I. с., стр. 260.

²⁾ Солдата. Кантонистомъ былъ самъ И. Н. Мышкинъ, какъ сынъ солдата.

щее его. Какимъ былъ всегда, такимъ онъ остался и въ рavelинѣ и потомъ въ Шлиссельбургѣ. Въ первыхъ же запискахъ, писанныхъ имъ мнѣ въ рavelинѣ, онъ предлагалъ протестовать противъ жестокаго и незаконнаго обращенія съ нами. Какъ теперь, такъ и тогда было одно средство, къ которому прибѣгали въ борьбѣ съ правительствомъ—это голодовка. Мышкинъ былъ противъ голодовки, какъ средства. „Такой протестъ“, писалъ онъ, „напоминаетъ мнѣ протестъ некрасовскаго Якова вѣрнаго, холопа примѣрнаго: казись, молъ, моими страданіями. Нашимъ палачамъ и особенно здѣсь, въ рavelинѣ, наша тихая и спокойная смерть, которую они, строгимъ соблюденіемъ тайны въ этомъ застѣнкѣ, могутъ съ удобствами выдать за смерть отъ естественныхъ причинъ, будетъ только на руку. Ничъ, я согласенъ и голодать, но вмѣстѣ съ тѣмъ будемъ бросать, чѣмъ попало, въ нашихъ палачей, будемъ кричать, бить стекла—кратко, дѣлать все возможное въ этой обстановкѣ, чтобъ нашъ протестъ сталъ извѣстенъ внѣ стѣнъ этого застѣнка. Пусть насъ перебьютъ. Во всякомъ случаѣ такой протестъ тѣмъ удобенъ, что не останется безъ слѣда для жизни,—перебьютъ насъ или уступятъ намъ, дадутъ намъ книги, свиданія съ товарищами и переписку съ родными“ ¹⁾.

¹⁾ „Взросъ“, 1906, II, 262. Нѣкоторыя подробности о жизни Мышкина въ рavelинѣ есть у Поливанова, „Алексѣевскій рavelинъ“ и „Кончился“, М., 1906, стр. 117, 120, 121.

Равелинцы рассчитывали на то, что ихъ опять отправятъ въ Сибирь, но 1 августа 1884 г. ихъ перевели во вновь отстроенную Шлиссельбургскую крѣпость. И здѣсь, по словамъ г. Попова, „умъ и сердце Мышкина работали въ томъ же направленіи—протестовать во что бы то ни стало“. „Теперь“, говорилъ онъ мнѣ, „не остается у насъ никакихъ надеждъ на увозъ въ Сибирь, въ который я и раньше не вѣрилъ, и въ которомъ теперь должны разочароваться и тѣ, которые до перевода сюда надѣялись на это. Эта тюрьма—наша могила, мы заживо погребены здѣсь, и чѣмъ скорѣе смерть избавитъ насъ отъ такой жизни, тѣмъ лучше для насъ. Завидую я тѣмъ“, говорилъ онъ, „кто былъ приговоренъ къ смертной казни и помилованъ. Да, я завидую вамъ, Родіонычъ! Вы имѣете нравственное право заявить нашимъ палачамъ, что вы отказываетесь отъ милости и требуете, чтобы надъ вами былъ исполненъ приговоръ суда. Такого права я не имѣю, но я ставлю ихъ казнить меня, если останется только это средство избавить себя отъ варварской пытки надо мной“ („Былое“, II, 263).

Пока Мышкинъ сговаривался съ г. Поповымъ объ общемъ протестѣ, Минаковъ рѣшилъ голодать одинъ и оскорбилъ дѣйствіемъ доктора, который приказалъ его насильно кормить. Когда его вели на казнь, онъ крикнулъ: „прощайте, товарищи! Меня ведутъ убивать!“ Никто ему не отвѣтилъ.

Мышкина ужасно мучило то, что на послѣднее прощаніе Минакова никто не отвѣтилъ. „Болѣе всѣхъ и виню себя“, говорилъ Мышкинъ. „Конечно, обвиняется это неожиданностью, незнаніемъ, что Минакова приговорили къ смертной казни, неумѣніемъ сразу пайтись. Но все же другіе болѣе, чѣмъ я, могутъ оправдать себя всѣмъ этимъ, такъ какъ многіе, вѣроятно, совсѣмъ не знали, что значилъ крикъ Минакова, и какъ нужно было понимать его. А я все же зналъ кое-что и долженъ былъ ожидать казни Минакова. А какъ тяжело было бѣдняку Минакову всходить на эшафотъ съ мыслью, что на его послѣднее прощаніе никто изъ насъ, его товарищей, не откликнулся!“ Простучавъ мнѣ это, Мышкинъ бросился къ двери, и я услышалъ: „товарищи! да будетъ всѣмъ намъ стыдно, что мы не отвѣтили на послѣднее прощаніе Минакова. Себѣ я этого никогда не прощу. Какъ тяжело было всходить ему на эшафотъ безъ теплаго сочувственнаго взгляда его товарищей! Представьте только это себѣ, и ваша совѣсть такъ же упрекнетъ васъ, какъ моя совѣсть упрекаетъ меня“. Тотчасъ явился Иродъ ¹⁾ и кричалъ Мышкину: „чего орешь?“—„Почему вы не дали намъ проститься съ Минаковымъ?“ отвѣтилъ Мышкинъ Ироду. — „А вы кто такіе?“ закричалъ вновь Иродъ. „Мы люди“, отвѣтилъ ему Мышкинъ, „а вы—наши палачи!“ (ib. 266—267).

¹⁾ Охранитель крѣпости.

„Послѣ казни Минакова Мышкинъ еще больше былъ занятъ мыслями о томъ, какъ устроить сношенія со всѣми товарищами по заключенію и сплотиваться на общій дружный протестъ. Все бывшее въ нашемъ распоряженіи было использовано въ цѣляхъ этого. Онъ началъ посылать въ корешкахъ книгъ записки, въ той надеждѣ, что, авось, кто-нибудь догадается заглянуть подъ корешокъ и найдеть тамъ записку. Но чрезъ нѣкоторое время я бралъ ту или другую книгу, въ которую онъ вкладывалъ записку, и находилъ записку на мѣстѣ никѣмъ не тронутой. Мышкинъ съ каждымъ днемъ терялъ надежду на возможность общаго протеста, а теперь и совсѣмъ потерялъ. Все чаще и чаще его разговоръ со мной сосредоточивался на томъ, что онъ видитъ единственный исходъ изъ невыносимаго положенія, изъ положенія, по его словамъ, оскорбляющаго человѣческое достоинство, и этотъ исходъ — смерть. Помню, однажды онъ сказалъ мнѣ: „знаете, о чемъ весь день сегодня я думалъ, Родионычъ?“ — „О чемъ?“ спросилъ я. — „Я думалъ, какая ужасная тайна — жизнь человѣка! Казалось бы, ну, какая наша жизнь! Можно ли назвать жизнью наше прозябаніе въ этомъ застѣнкѣ? И, однако, я откровенно говорю вамъ: у меня не хватаетъ духа на самоубійство. И сегодня, послѣ долгихъ размышленій на этотъ счетъ, я пришелъ къ печальному выводу — нѣтъ, я не могу! Не хотѣлось бы пачкаться съ

этимъ ничтожествомъ, нашимъ смотрителемъ, хотя онъ и заправскій нахаль! Да дѣлать нечего, ибо едва ли когда зайдетъ къ намъ кто-либо изъ высокопоставленныхъ палачей. А, между тѣмъ, единственный путь выйти изъ этого невыносимаго для меня положенія — это параграфъ, обещающій намъ смертную казнь за оскорбленіе дѣйствіемъ начальствующаго лица“. Я сталъ все болѣе и болѣе замѣчать, что у Мышкина созрѣваетъ какое то рѣшеніе. Въ продолженіе дня онъ все время нервно шагаль изъ угла въ уголъ своей камеры. Однажды я замѣтилъ, что у него былъ докторъ, съ которымъ произошелъ какой-то рѣзкій разговоръ. Чтобы спросить, въ чемъ дѣло, я окликалъ его нѣсколько разъ, но за шумомъ своихъ шаговъ онъ не слышалъ моего зова, и только вечеромъ, когда мы улеглись, я спросилъ, что произошло у него съ докторомъ. Онъ сказалъ мнѣ, что у него подъ мышкой опухоль, и такъ какъ по болѣзни руки онъ не можетъ брать ницу въ форточку, то заявилъ смотрителю, чтобы ему занесли обѣдъ въ камеру. И вотъ явился докторъ осведомиться о болѣзни. При осмотрѣ докторъ не сумѣлъ построить безличнаго вопроса и своимъ зубомъ проронилъ „ты“. Я сказалъ ему: „вамъ не стыдно, докторъ! Ну, пусть бы сказали это солдаты“, указывая на Ирода, сказалъ я, „онъ же человѣкъ образованный: ужель вы до сихъ поръ не поймете, что ваше обращеніе причиняетъ

мнѣ душевной боли гораздо больше, чѣмъ ваше лѣчение утѣляетъ мою физическую боль?“ Затѣмъ заявилъ ему, чтобы онъ не ходилъ ко мнѣ, если не желаетъ, чтобы я на его оскорбленіе отвѣтилъ оскорбленіемъ“. Подъ Рождество я съ Мышкинымъ всю ночь перестукивались. Это былъ единственный за наше знакомство разговоръ, когда онъ говорилъ мнѣ о своей семьѣ и, главнымъ образомъ, о своей матери. Изъ этого разговора я узналъ, что онъ очень любилъ свою мать, и тутъ же выразилъ свою просьбу, что если онъ умретъ, не увидавшись съ матерью, чтобы я послалъ на имя его брата Гр. Ник. Мышкина письмо матери, въ которомъ бы сообщилъ, что онъ не въ состояніи былъ пережить всѣ оскорбленія, каковымъ подвергало его русское правительство, и что умеръ съ мыслями о ней“ (ib., стр. 268—270, срв. Поливановъ, 171).

Онъ рѣшилъ оскорбить зрителя 25 декабря.

По словамъ г. Попова (ib., стр. 270), „во время ужина... когда открылась камера Мышкина, я услышалъ звонъ тарелки, покотившейся по желѣзнымъ периламъ коридора. Вслѣдъ за этимъ произошла въ камерѣ возня и крикъ Мышкина: „палачи, разбойники!“ Потомъ открылась камера надомной, и туда перенесли Мышкина. Когда дверь закрылась, Мышкинъ простучалъ мнѣ ногою въ потолокъ, что ... не отзывался... на мой зовъ изъ бѣды, чтобы разговоръ со мной не поколебалъ его

рѣшенія сдѣлать то, что онъ сдѣлалъ. „Я бросилъ чашку въ Ирода и сейчасъ связанъ“, — сказалъ Мышкинъ. Связанный Мышкинъ оставался до чая слѣдующаго дня. Въ „чай“ къ нему вошли, развязали и дали чай.“

По словамъ Л. А. Волкенштейнъ („13 лѣтъ въ Шлиссельбургской крѣпости“, СПб., 1906, стр. 24), Мышкина при этомъ столкновении со зрителемъ набили, и онъ кричалъ: „казните меня... не бейте же, казните!“

Г. Панкратовъ („Жизнь въ Шлиссельбургской крѣпости“, М., 1905, стр. 21-22) дополняетъ эту сцену такими характерными подробностями: „отворяется камера Мышкина. Раздается звонъ пустой тарелки, затѣмъ суматоха, шумъ, стукъ и со всѣхъ сторонъ крики. Тюрьма оглашается не человѣческими звуками. Въ камерѣ Мышкина идетъ свалка. Жандалы бросаются на него, какъ сумасшедшіе, забывая, что нарушаютъ тишину (!). — „Бить не надо!“ кричитъ Мышкинъ (такъ слышалось одному изъ ближайшихъ сосѣдей Мышкина). — „Что тамъ дѣлать подлецы!“ раздается изъ другого угла крикъ на весь коридоръ. — „Что тамъ дѣлають?“ — „Подлецы, подлецы!“ Затѣмъ истерическіе женскіе голоса. Стукъ въ дверь. Вся тюрьма превратилась въ какой-то застѣнокъ, гдѣ смѣшались стоны съ отчаянными криками и шумомъ“.

По словамъ г. Попова (l. c., стр. 270—271),

„въ 10 ч. 26 декабря его повели на предварительный допросъ, который производилъ комендантъ Покрошинскій. По возвращеніи Мышкинъ разсказалъ мнѣ, что на допросѣ комендантъ былъ чрезвычайно вѣжливъ съ нимъ, и онъ, Мышкинъ, сказалъ ему, что прибѣгъ къ такому средству, чтобы заставить правительство казнить его, такъ какъ на требованіе лучше казнить, чѣмъ истязать душу и тѣло, не обратили вниманія и не исполнили до сихъ поръ этого требованія. Что если и на этотъ разъ его не казнятъ или не перестанутъ съ нимъ поступать такъ, какъ поступали до сихъ поръ, то онъ будетъ добиваться своей казни всѣми возможными средствами“.

До насъ дошло письменное показаніе Мышкина по этому дѣлу („Былое“, 1905, іюль, 58). „Зовутъ меня Ипполитъ Никитинъ Мышкинъ, ссыльно-каторжный государственный преступникъ, вѣроисповѣданія православнаго, отъ роду имѣю 37 лѣтъ; да-лѣе на спросъ поясняю, что 25 декабря дѣйствительно бросилъ тарелку въ офицера-смотрителя въ 7 ч. вечера; тарелка эта лежала у меня на столѣ. Когда былъ спрошенъ смотрителемъ о причинѣ моего поступка, отвѣтилъ, что хочу смертной казни. Я не сдѣлалъ это съ намѣреніемъ оскорбить смотрителя, но чтобы въ этомъ былъ поводъ къ достиженію смертной казни. Причины, побудившія меня желать смертной казни, согласно требованія выражаться

короче, слѣдующія: 1) изгладить зло, проистекшее помимо моей воли для всѣхъ политическихъ преступниковъ изъ-за моего участія къ побѣгу; 2) содѣйствовать вообще къ гуманному рѣшенію тюремнаго вопроса; 3) насмѣшки надо мною, что я вель себя въ послѣднее время хорошо исключительно подѣ устрашающимъ вліяніемъ смертной казни Минакова; 4) показать рѣзкое противорѣчіе между требованіемъ христіанской нравственности и отношеніемъ къ политическимъ заключеннымъ. Послѣ того, какъ я винулъ тарелку, меня били жандармы даже тогда, когда я связанный лежалъ на полу; при чемъ представляю клочъ волосъ, вырванный изъ бороды. Въ числѣ насмѣшекъ и оскорбленій, слышанныхъ отъ смотрителя, я считаю нужнымъ привести слова: „если тебѣ невыносима жизнь, то вѣшайся, и чортъ тебя дери“. Подробное развитіе указанныхъ выше четырехъ причинъ моего поступка я отлагаю до удобнаго разбирательства, такъ какъ, по словамъ коменданта, это теперь не идетъ къ дѣлу. Говоря о побѣгѣ, я имѣлъ въ виду покушеніе на побѣгъ въ Сибирь. Я ранѣе, еще въ августѣ мѣсяцѣ, просилъ смертной казни, но просьба моя не была уважена. Относительно насмѣшекъ, какъ сказано въ 5-мъ пунктѣ моего показанія, поясняю, что офицеръ-смотритель не дѣлалъ лично, т.-е. глазъ-на-глазъ, никакихъ насмѣшекъ относительно того, что я вель себя въ послѣднее время хорошо исключи-

тельно подь устрашающимъ вліяніемъ смертной казни Минакова; но, кажется, въ концѣ сентября или октября я слышалъ въ этомъ родѣ насмѣшки въ коридорѣ около моей камеры и не могу утвердительно сказать, былъ ли въ числѣ говорившихъ смотритель“.

Поступокъ Мышкина подлежалъ военному суду. Одновременно съ этимъ въ Сенатѣ шло дѣло объ его побѣгѣ, и 23 января 1885 г. онъ былъ приговоренъ еще къ 10 годамъ каторги ¹⁾. На военный судъ Мышкина повели 19 января ²⁾. Послѣ онъ уже не возвращался въ тюрьму.

По словамъ г. Панкратова (I. с., стр. 22), „его судили у насъ въ крѣпости. Впослѣдствіи, много, много лѣтъ спустя, пишущему эти строки удалось узнать отъ одного присутствовавшего на судѣ, что Мышкинъ „хорошо пробралъ судей“ и произнесъ такую сильную рѣчь, что даже жандармы расчувствовались. Не знаю, что разумѣлъ говорившій подь этимъ словомъ, но я видѣлъ, что онъ былъ очень доволенъ рѣчью Мышкина. Вѣроятно, тотъ говорилъ о грубости администраціи, отъ которой и самими жандармамъ было солоно. Отсюда и ихъ сочувствіе къ Мышкину“. 26 января часовъ въ 8 утра

1) См. „Хроника соціалистическаго движенія въ Россіи 1877—1887“. М. 1907, стр. 287.

2) Поповъ, I. с., стр. 271. „Хроника“ (стр. 287) указываетъ 15 января.

М. Р. Поповъ слышалъ залпъ: „Мышкина разстрѣляли!“ Въ той камерѣ, гдѣ сидѣлъ Мышкинъ передъ казнью, на крышкѣ стола онъ сдѣлалъ надпись: „26 января я, Мышкинъ, казнень“... ¹⁾.

Мы можемъ заключить словами г-жи Брешковской: „судьба, выпавшая на долю Мышкина, была не изъ легкихъ. Сдѣлавшись революціонеромъ, отрѣшившись отъ всего стараго строя жизни, онъ нашелъ въ себѣ челоѣка, цѣнившего свое достоинство выше всего на свѣтѣ. Свобода и борьба стали его девизомъ, и онъ не могъ легко выносить унижительныя столкновенія, въ такомъ обилии выпадающія на долю плѣнниковъ правительства. Онъ не терпѣлъ своихъ враговъ, они ненавидѣли своего некорнаго узника, и непрестанная борьба царила между ними и влекла за собой непрестанныя лишенія и притѣсненія на голову скованнаго Прометея“.

И Прометей былъ затравленъ и убитъ.

Невременная и бесполезная гибель такихъ могучихъ, богато-одаренныхъ людей, какъ Мышкинъ, — самое тяжкое государственное преступленіе, въ которомъ значеніи этого слова...

Вл. Каллашъ.

Москва, 22 сентября 1906 г.

1) „Видос“, II, 271. Срв. еще восп. М. Ю. Ашенбреннера (I. с., I, 60): „Мышкинъ и Минаковъ стучали сосѣдямъ, что жить далѣе они не желаютъ, но хотятъ умереть не бесполезно для товарищей и будутъ требовать книгъ, журналовъ, свиданій съ товарищами, переписки съ родными, мастерскихъ“.

Рѣчи подсудимыхъ
процессовъ 50-ти и 193-хъ.

Рѣчь Софіи Илларионовны Бардиной.

Не отрицая факта пропаганды на фабрикахъ Лазарева, я никакъ не могу согласиться съ обвиненіемъ, причисляющимъ меня къ организаціи: я не могла къ ней принадлежать уже по одной той причинѣ, что тогда (въ апрѣлѣ) этой организаціи, какъ видно, еще не существовало. Само обвиненіе колеблется назвать апрѣльскую группу подсудимыхъ организованнымъ тайнымъ обществомъ и говорить только, что это было какое то ядро, какой то зародышъ, изъ остатковъ коего впоследствии выросла организація. Я не знаю, подъ какую вообще статью подвѣдятся зародыши будущихъ организацій, не знаю, составляли ли другіе подсудимые такой зародышъ, или же организованное общество; знаю только совершенно, что я лично дѣйствовала совершенно самостоятельно, не сообразуясь съ какой-либо программой, выработанной какимъ-либо тайнымъ обществомъ. Обвиненіе опирается на фактъ моего знакомства съ нѣкоторыми подсудимыми, принадлежавшими впоследствии къ этой организаціи, но здѣсь уже было прекрасно доказано многими, что фактъ знакомства

не может служить признакомъ принадлежности къ тайному обществу, такъ что мнѣ ничего больше не остается говорить объ этомъ. Обвиненіе напираетъ на совмѣстное будто бы прожительство всѣхъ подсудимыхъ апрѣльской группы, но изъ судебного слѣдствія выяснилось, что всѣ они или имѣли свои собственныя квартиры, или проживали въ то время на фабрикахъ, а, слѣдовательно, не могли одновременно проживать у меня. Въ Сыромятникахъ вмѣстѣ съ другими я также не могла проживать по той простой причинѣ, что въ то самое время жила на фабрикѣ Лазарева, и сама свидѣтельница Дарья Скворцова показала, если Особое Присутствіе потрудится припомнить, что къ ней раньше всѣхъ явились двѣ женщины, Аннушка и Маша, которыя въ то время жили на машинахъ, т.-е. на фабрикахъ. Между тѣмъ, съ московскихъ фабрикъ отпускаютъ рабочихъ только по праздникамъ до 10 часовъ вечера, слѣдовательно, я въ крайнемъ случаѣ могла приходить въ Сыромятники по праздничнымъ днямъ, но не жить тамъ. Обвиненіе считаетъ мою квартиру въ д. Корсакъ однимъ изъ революціонныхъ притоновъ, но я напому Особому Присутствію, что въ такого рода мѣстахъ обыкновенно встрѣчается цѣлый складъ книгъ, шифрованная и нешифрованная переписка, адреса, химическіе реактивы и т. п.; у меня же не найдено ни одной революціонной книги, не взято ни до, ни послѣ

ареста шифрованной переписки и даже абсолютно никакой переписки, ни одного документа, изъ котораго можно бы было заключить о моей принадлежности къ какому-либо тайному обществу. Обвиненіе весьма смѣло утверждаетъ, что въ письмѣ отъ 26-го июля, найденномъ въ Ивановѣ-Вознесенскѣ, упоминается моя фамилія, но обвиненіе, вѣроятно, забыло: тамъ моей фамиліи не находится, а упоминается такая то кличка, которую обвиненіе, не извѣстно почему, приписываетъ мнѣ. Я еще во время судебного слѣдствія имѣла удовольствіе просить обвинительную власть указать мнѣ тѣ основанія, опираясь на которыя, она приписываетъ мнѣ эту кличку, но обвинительная власть не сочла нужнымъ этого сдѣлать, и я остаюсь въ прежнемъ недоумѣніи относительно этого обстоятельства. Въ томъ письмѣ говорится, что „тетка сидитъ въ Городской“, и что „ей кто то послалъ письмо, а она его изорвала“, но, вѣдь, въ Городской сидѣла тогда не одна я— это разъ, во-вторыхъ, авторъ письма могъ ошибиться, ему могли сказать, что искомая имъ личность сидитъ въ Городской, тогда какъ ея могло тамъ и не быть. Такого рода ошибки могли легко случиться. Наконецъ, предположимъ даже, что эта кличка принадлежитъ мнѣ, что меня искали, обо мнѣ спрашивали, но, вѣдь, въ программѣ лицъ, которыя принадлежатъ это письмо, не сказано, что слѣдуетъ заводить сношенія только съ арестован-

ными членами своей организации, а вообще съ заключенными—это разъ; кличка же сама по себѣ ничего не доказываетъ, ибо опять въ той же самой программѣ не говорится, чтобы слѣдовало *исключительно* давать клички членамъ своей организации: онѣ могли даваться и прочимъ знакомымъ. Что это такъ и было — доказываетъ слѣдующій фактъ: въ томъ же, кажется, письмѣ отъ 26 іюля говорится: „Одесская община предлагаетъ принять Санчо въ нашу организацию“, слѣдовательно, личность, извѣстная подъ названіемъ Санчо, носила эту, какъ говорить обвиненіе, кличку ранѣе, чѣмъ она стала членомъ организации — слѣдовательно, какъ простой знакомый. Я думаю, что доказательнѣе этого факта трудно что-нибудь представить въ данномъ случаѣ. Подобныя клички давались даже властямъ, такъ, напр., въ одномъ письмѣ было сказано, что *четвероногіе* дѣлали допросъ о томъ-то. Такимъ образомъ, строя обвиненія на кличкахъ, приходится и лицъ, производившихъ дознаніе, причислить къ преступной организации... Я отказываюсь отъ чести принадлежать къ этой организации не изъ страха наказанія, ибо противъ меня существуютъ болѣе вѣскія обвиненія, которыхъ я и сама не отрицаю, но я защищаюсь теперь потому только, что это мнѣ кажется пристрастнымъ, если не нелогичнымъ, пристрастнымъ и несправедливымъ даже съ юридической точки зрѣнія. Я съ своей точки зрѣнія ни

иъ чемъ не считаю себя виновной и подлежащей наказанію, ибо никакого вреда обществу или народу принести не желала и не принесла, надѣюсь; конечно, меня такъ же, какъ и другихъ подсудимыхъ, обвиняють въ стремленіи разрушить священные основы собственности, семьи, религіи, государства, въ возбужденіи къ бунту и стремленіи водворить анархію въ обществѣ. Все это было бы весьма ужасно, еслибы было справедливо. Но дѣло въ томъ, что всѣ эти обвиненія основаны на одномъ только недоразумѣніи, которое я постараюсь теперь объяснить, если судъ меня выслушаетъ. Собственности я никогда не отрицала. Напротивъ, я осмѣливалась даже думать, что я защищаю собственность, ибо я признаю, что каждый человѣкъ имѣетъ право на собственность, обеспеченную его личнымъ производительнымъ трудомъ, и что каждый человѣкъ долженъ быть полнымъ хозяиномъ своего труда и его продукта. И, скажите послѣ этого, — я ли, имѣя такіе взгляды, подрываю основы собственности, или тотъ фабрикантъ, который, платя рабочему за одну треть его рабочаго дня, двѣ трети беретъ даромъ? Или тотъ спекуляторъ, который, играя на биржѣ, разоряетъ тысячи семействъ, обогащаясь на ихъ счетъ и самъ не производя ничего? Коммунизма, какъ нѣчто обязательное, ни я, никто другой изъ пропагандистовъ также не проповѣдуемъ. Мы только выставляемъ на первый планъ *право рабочаго на*

полный продукт его труда. Затѣмъ, какъ онъ распорядится съ этимъ продуктомъ — обротить ли его въ общую или частную собственность — это уже его дѣло. Мы этихъ вопросовъ предрѣшать теперь не беремся, и не можемъ предрѣшать, принимая во вниманіе, что такой строй можетъ осуществиться только въ далекомъ будущемъ, и что подобныя дѣтали могутъ быть выработаны только практикой. Относительно семьи я также не знаю: подрываетъ ли ее тотъ общественный строй, который заставляетъ женщину бросать семью и идти для скуднаго заработка на фабрику, гдѣ неминуемо развращаются и она, и ея дѣти; тотъ строй, который вынуждаетъ женщину, вслѣдствіе нищеты, бросаться въ проституцію, и который даже санкціонируетъ эту проституцію, какъ явленіе законное и необходимое во всякомъ благоустроенномъ государствѣ; или подрываемъ семью мы, которые стремимся искоренить эту нищету, служащую главнѣйшей причиной всѣхъ общественныхъ бѣдствій, въ томъ числѣ и разрушенія семьи? Относительно религіи я могу сказать только, что я всегда оставалась вѣрна ея духу и существеннымъ ея принципамъ въ томъ ихъ чистомъ видѣ, въ какомъ они проповѣдывались самимъ основателемъ христіанства. Кромѣ того, должна замѣтить, что ни одинъ свидѣтель и не говорилъ, что ему пропагандировали что-либо относительно религіозныхъ вопросовъ, чтобы отрицали Бога и т. п.

Свидѣтельница Дарья Скворцова говоритъ, напри-
мѣръ: „Бога то они на небесахъ признавали, толь-
ко личность Его не признавали“, т.-е. относились
боязливо къ нѣкоторымъ обрядамъ церкви, къ
почитанію иконъ и т. п. Поэтому о религіи я ни-
чего больше говорить не буду. Въ подрываніи го-
сударства я столь же мало виновата. Я вообще
думаю, что усилія единичныхъ личностей подорвать
государства не могутъ. Если государства разруша-
ются, то это обыкновенно происходитъ отъ того, что
они сами въ себѣ носятъ зародыши разрушенія.
Такъ, напримѣръ, древнія государства исчезли съ
лица земли, ибо они были основаны на рабствѣ,—
на такомъ базисѣ, который, какъ давно извѣстно,
не способствуетъ развитію обществъ. Конечно, если
какое-нибудь данное государство держитъ свой на-
родъ въ политическомъ, экономическомъ и умствен-
номъ рабствѣ, если оно массой неоплатныхъ пода-
тей, капиталистической эксплуатаціей рабочаго и
другими ненормальными экономическими и полити-
ческими отношеніями доводитъ его до нищеты,
болѣзней, преступленій,—то, конечно, говорю я,
такое государство само ведетъ себя къ гибели, но
въ этомъ ужъ невиноваты единичныя личности и
группы; а, слѣдовательно, не за что ожесточенно
преслѣдовать и наказывать ихъ. Въ противномъ же
случаѣ, т. е. если государство находится въ совер-
шенно благонадежномъ состояніи, то усилія этихъ

лицъ не могутъ грозить ему ровно никакой опасностью; слѣдовательно, наказывать ихъ опять таки не представляется надобности. Вотъ, почему для меня совершенно непонятна логика обвинительной власти, говорящей, что „конечно, опасности для государства тутъ никакой не можетъ быть“, но что „опасность все-таки существуетъ“!... Мнѣ кажется, что рѣшеніе этой дилеммы можетъ быть только одно. Меня обвиняютъ въ возбужденіи къ бунту. Но къ непосредственному бунту я никогда не возбуждала народъ и не могла возбуждать, ибо полагаю, что революція можетъ быть результатомъ цѣлаго ряда историческихъ условий, а не подстрекательства единичныхъ личностей. Рѣзня сама по себѣ для меня, конечно, совсѣмъ нежелательна. Я вовсе не имѣю тѣхъ кровавыхъ и свирѣпыхъ наклонностей, которыя всякое обвиненіе такъ охотно приписываетъ всѣмъ пропагандистамъ. Еслибы тотъ идеальный общественный строй, о которомъ мы мечтаемъ, могъ быть осуществленъ безъ всякаго насильственного переворота, то, конечно, мы всѣ были бы рады этому отъ души. Я полагаю только, что насильственная революція при извѣстныхъ обстоятельствахъ есть неизбежное зло, которое должно исчезнуть рано или поздно, помимо даже всякихъ усилій отдѣльныхъ лицъ или группъ...—*Председатель сенаторъ Петерсъ.* Эти разсужденія не идутъ къ дѣлу. —*Бардина.* Я желаю только изложить

свой взглядъ на революцію и пропаганду: думаю, что мои взгляды совпадаютъ со взглядами многихъ другихъ подсудимыхъ, и что поэтому мое объясненіе будетъ не бесполезно, если выставить гг. судьямъ пропагандистовъ въ ихъ настоящемъ свѣтѣ. Я, господа, принадлежу къ разряду тѣхъ людей, которые между молодежью извѣстны подъ именемъ мирныхъ пропагандистовъ. Задача ихъ — внести въ сознание народа идеалы лучшаго, справедливейшаго общественного строя, или же уяснить ему тѣ идеалы, которые уже коренятся въ немъ безсознательно; указать ему недостатки настоящаго строя, дабы въ будущемъ не было тѣхъ же ошибокъ, но, когда наступитъ это будущее, мы не опредѣляемъ и не можемъ опредѣлить, ибо конечное его осуществленіе отъ насъ не зависитъ. Я полагаю, что отъ такого рода пропаганды до подстрекательства къ бунту еще весьма далеко. Обвиненіе говоритъ, что мы желаемъ уничтожить классы, и понимаетъ это въ такомъ смыслѣ, что мы хотимъ вырѣзать поголовно всѣхъ помѣщиковъ, дворянъ, чиновниковъ, купцовъ и всѣхъ богатыхъ вообще. Но это опять таки недоразумѣніе. Мы стремимся уничтожить привилегіи, обуславливающія дѣленіе людей на классы—на имущихъ и неимущихъ, но не самыя личности, составляющія эти классы. Я полагаю, что нѣтъ даже финансовой возможности вырѣзать такую массу людей, еслибы у насъ и оказались такія свирѣпыя

наклонности. Мы не хотимъ также основать какое то царство рабочаго сословія, какъ сословія, которое, въ свою очередь, стало бы угнетать другія сословія, какъ то предполагаетъ обвиненіе. Мы стремимся ко всеобщему счастью и равенству постольку, поскольку оно не зависитъ, конечно, отъ личныхъ особенностей, отъ особенностей темперамента, пола, возраста и т. п. Это можетъ показаться утопичнымъ, но, во всякомъ случаѣ, ужъ кроваваго то и безнравственнаго здѣсь ничего нѣтъ. На Западѣ такого рода пропаганда ведется ежедневно и рѣшительно никого не поражаетъ своимъ радикализмомъ, не смущаетъ умы и не волнуетъ общество, — можетъ быть, потому, что тамъ давно привыкли обсуждать всѣ подобные вопросы, главнымъ образомъ, публично... Обвиненіе называетъ насъ политическими революціонерами; но еслибы мы стремились произвести политическій *coup d'état*, то мы не такъ стали бы дѣйствовать: мы не пошли бы въ народъ, который еще нужно готовить да развивать, а стали бы искать и спланивать недовольные элементы между образованными классами. Это было бы цѣлесообразнѣе, но дѣло то именно въ томъ, что мы къ такому *coup d'état* вовсе и не стремимся. Обвиненіе говоритъ еще, что мы хотимъ водворить анархію въ обществѣ. Да, мы дѣйствительно стремимся къ анархическому устройству общества, но дѣло въ томъ, это что слово въ томъ смыслѣ,

въ какомъ его понимаетъ современная литература и я лично, вовсе не означаетъ безпорядка и произвола. Анархія, напротивъ, стремится водворить гармонию и порядокъ во всѣхъ общественныхъ отношеніяхъ. Она не есть произволъ личностей, ибо она признаетъ, что свобода одного лица кончается тамъ, гдѣ начинается свобода другого. Она есть только отрицаніе той утѣсняющей власти, которая подавляетъ всякое свободное развитіе общества. Итакъ, равоправъ всѣ возводимыя на меня преступленія, я нахожу, что я въ сущности ни въ одномъ изъ нихъ не виновата. Но какъ бы то ни было и какова бы ни была моя участь я, господа судьи, не прошу у васъ милосердія и не желаю его. Преслѣдуйте насъ, какъ хотите, но я глубоко убѣждена, что такое широкое движеніе, продолжающееся уже нѣсколько лѣтъ сряду и вызванное, очевидно, самымъ духомъ времени, не можетъ быть остановлено никакими репрессивными мѣрами... — *Предсѣдатель сенаторъ Петерсъ*. Намъ совсѣмъ не нужно знать, въ чемъ вы такъ убѣждены. — *Бардина*. Оно можетъ быть, пожалуй, подавлено на нѣкоторое время, но тѣмъ съ большей силой оно возродится снова, какъ это всегда бываетъ послѣ всякой реакціи подобнаго рода, — и такъ будетъ продолжаться до тѣхъ поръ, пока наши идеи не восторжествуютъ. Я убѣждена еще въ томъ, что наступитъ день, когда даже и наше сонное и лѣнливое общество проснется и, стыд-

но ему станетъ, что оно такъ долго позволяло безнаказанно топтать себя ногами, вырывать у себя своихъ братьевъ, сестеръ и дочерей и губить ихъ за одну только свободную исповѣдь своихъ убѣжденій! И тогда оно отомститъ за нашу гибель... Преслѣдуйте насъ — за вами пока матеріальная сила, господа; но за нами сила нравственная, сила историческаго прогресса, сила идеи, а идеи — увь! на штыки не улавливаются!...

Рѣчь Петра Алексѣевича Алексѣева.

Мы, миллионы людей рабочаго населенія, чуть только станемъ сами ступать на ноги, бываемъ брошены отцами и матерями на произволъ судьбы, не получая никакого воспитанія, за неимѣніемъ школъ и времени, отъ непосильнаго труда и скуднаго за это вознагражденія. Десяти лѣтъ — мальчишками насъ стараются проводить съ хлѣба долой на заработки. Что же насъ тамъ ожидаетъ? Понятно, продаемся капиталисту на сдѣльную работу изъ-за куска чернаго хлѣба, поступаемъ подъ присмотръ взрослыхъ, которые розгами и пинками приучаютъ насъ къ непосильному труду; питаемся кое-чѣмъ, задыхаемся отъ пыли и испорченнаго, зараженнаго разными нечистотами воздуха. Спимъ, гдѣ попало — на полу, безъ всякой постели и подушки въ головахъ, завернутые въ какое-нибудь лохмотье и окруженные со всѣхъ сторонъ безчисленнымъ множествомъ разныхъ паразитовъ... Въ такомъ положеніи нѣкоторые навсегда затупляютъ свою умственную способность, и не развиваются нравственныя понятія, усвоенныя еще въ

дѣтствѣ; остается все то, что только можетъ выразить одна грубо воспитанная, всеми забитая, отъ всякой цивилизаціи изолированная, мускульнымъ трудомъ зарабатывающая хлѣбъ рабочая среда. Вотъ, что намъ, рабочимъ, приходится выстрадать подъ ярмомъ капиталиста въ этотъ дѣтскій періодъ! И какое мы можемъ усвоить понятіе по отношенію къ капиталисту, кромѣ ненависти? Подъ вліяніемъ такихъ жизненныхъ условій съ малолѣтства закаляется у насъ рѣшимость до поры терпѣть, съ затаенной ненавистью въ сердцѣ, весь давящій насъ гнетъ капиталистовъ и безъ возраженій переносить все причиняемыя намъ оскорбленія. Взрослому работнику заработную плату довели до минимума; изъ этого заработка все капиталисты безъ зазрѣнія совѣсти стараются, всевозможными способами, отнимать у рабочихъ трудовую копейку и считаютъ этотъ грабежъ доходомъ. Самые лучшіе, для рабочихъ, изъ московскихъ фабрикантовъ, — и тѣ, сверхъ скуднаго заработка, эксплуатируютъ и тиранятъ рабочихъ слѣдующимъ образомъ. Рабочій отдается капиталисту на задѣльную работу, безпрекословно и съ точностью исполнять все рабочіе дни и работу, для которой поступилъ, не исключая и бесплатныхъ хозяйскихъ чередовъ. Рабочіе склоняются передъ капиталистомъ, когда имъ, по праву или не по праву, пишутъ штрафъ, боясь лишиться куска хлѣба, который достается имъ 17-ти часовымъ дневнымъ трудомъ. Впрочемъ, я не

берусь описывать подробности всехъ злоупотребленій фабрикантовъ, потому что слова мои могутъ показаться неправдоподобными для тѣхъ, которые не хотятъ знать жизни работниковъ и не видѣли московскихъ рабочихъ, живущихъ у знаменитыхъ русскихъ фабрикантовъ: Бабкина, Гучкова, Бутикова, Морозова и другихъ. — *Предсѣдатель* сенаторъ Петерсъ. Это все равно, вы можете этого не говорить. — *Петръ Алексѣевъ*. Да, дѣйствительно все равно, вездѣ одинаково рабочіе доведены до самаго жалкаго состоянія. 17-ти часовой дневной трудъ — и едва можно заработать 40 копеекъ! Это ужасно! При такой дороговизнѣ съѣстныхъ припасовъ приходится выдѣлять изъ этого скуднаго заработка на поддержку семейнаго существованія и уплату казенныхъ податей! Нѣтъ! При настоящихъ условіяхъ жизни работниковъ невозможно удовлетворять самымъ необходимымъ потребностямъ человѣка. Пусть пока они умираютъ голодной, медленной смертью, а мы, скрѣпя сердце, будемъ смотрѣть на нихъ до тѣхъ поръ, пока освободимъ изъ-подъ ярма нашу усталую руку, и свободно можемъ тогда протянуть ее для помощи другимъ! Отчасти все это странно, все это непонятно, темно и отчасти какъ то прискорбно, а въ особенности сидѣть на скамьѣ подсудимыхъ человѣку, который чуть ли не съ самой колыбели всю свою жизнь зарабатывалъ 17-ти часовымъ трудомъ кусокъ чернаго хлѣба. Я нѣсколько знакомъ съ рабочимъ во-

просомъ нашихъ братьевъ-западниковъ. Они во многомъ не походятъ на русскихъ: тамъ не преслѣдуютъ, какъ у насъ, тѣхъ рабочихъ, которые всѣ свои свободныя минуты и много бессонныхъ ночей проводятъ за чтеніемъ книгъ; напротивъ, тамъ этимъ гордятся, а объ насъ отзываются, какъ о народѣ рабскомъ, полудикомъ. Да какъ иначе о насъ отзываться? Развѣ у насъ есть свободное время для какихъ-нибудь занятій? Развѣ у насъ учатъ съ малолѣтства чему-нибудь бѣдняка? Развѣ у насъ есть полезныя и доступныя книги для работника? Гдѣ и чему они могутъ научиться? А загляните въ русскую народную литературу! Ничего не можетъ быть разительнѣе того примѣра, что у насъ издаются для народного чтенія такія книги, какъ „Бова королевичъ“, „Ерусланъ Лазаревичъ“, „Ванька Каинъ“, „Женихъ въ чернилахъ и невѣста во щахъ“ и т. п. Оттого то въ нашемъ рабочемъ народѣ и сложились такія понятія о чтеніи: одно — забавное, а другое — божественное. Я думаю, каждому извѣстно, что у насъ въ Россіи рабочіе все еще не избавлены отъ преслѣдованій за чтеніе книгъ; а, въ особенности, если у него увидятъ книгу, въ которой говорится о его положеніи — тогда ужъ держись! Ему прямо говорятъ: „ты, братъ, не похожъ на рабочаго, ты читаешь книги.“ И страннѣе всего то, что и ироніи незамѣтно въ этихъ словахъ, что въ Россіи походить на рабочаго то же, что походить на животное. Господа!

неужели кто полагаетъ, что мы, работники, ко всему настолько глухи, слѣпы, нѣмы и глупы, что не слышимъ, какъ насъ ругаютъ дураками, лѣнтяями, пьяницами? Что ужъ какъ будто и на самомъ дѣлѣ работники заслуживаютъ слыть въ такихъ порокахъ? Неужели мы не видимъ, какъ вокругъ насъ все богатыютъ и веселятся за нашей спиной? Неужели мы не можемъ сообразить и понять, почему это мы такъ дешево цѣнимся, и куда дѣвается нашъ невыносимый трудъ? Отчего это другіе роскошествуютъ, не трудясь, и откуда берется ихнее богатство? Неужели мы, работники, не чувствуемъ, какъ тяжело повисла на насъ такъ называемая всесловная воинская повинность? Неужели мы не знаемъ, какъ медленно и незаметно рѣшался вопросъ о введеніи сельскихъ школъ для образованія крестьянъ, и не видимъ, какъ сумѣли это поставить? Неужели намъ не грустно и не больно было читать въ газетахъ высказанное мнѣніе о наймѣ рабочаго класса? Тѣ люди, которые такого мнѣнія о рабочемъ народѣ, что онъ не чувствителенъ и ничего не понимаетъ, глубоко ошибаются. Рабочій же народъ, хотя и остается въ первобытномъ положеніи и до настоящаго времени не получаетъ никакого образованія, смотритъ на это, какъ на временное зло, какъ и на самую правительственную власть, временно назначенную силою, и только для одного разнообразія порочающую все съ лица да на изнанку. Да больше и ждать отъ нея нечего! Мы, рабочіе, желали и ждали

отъ правительства, что оно не будетъ дѣлать тягостныхъ для насъ нововведеній, не станетъ поддерживать рутину и обезпечить матеріально крестьянина, вывести его изъ первобытнаго положенія и пойдетъ скорыми шагами впередъ. Но, увы! Если оглянемся назадъ, то получаемъ полное разочарованіе, и если при этомъ вспомнимъ незабвенный, предполагаемый день для русскаго народа, день, въ который онъ съ распростертыми руками, полный чувства радости и надежды обезпечить свою будущую судьбу, благодарилъ царя и правительство, — 19-го февраля... И что же? И это для насъ было только одной мечтой и сномъ!.. Эта крестьянская реформа 19-го февраля 61 года, реформа, „дарованная“, хотя и необходимая, но не вызванная самимъ народомъ, не обезпечиваетъ самыя необходимыя потребности крестьянина. Мы по-прежнему остались безъ куска хлѣба съ клочками никуда негодной земли и перешли въ зависимость къ капиталисту. Именно, если свидѣтель, приказчикъ фабрики Носовыхъ, говорить, что у него за исключеніемъ праздничнаго дня всѣ рабочіе подъ строгимъ надзоромъ, и не явившійся въ назначенный срокъ на работу, не остается безнаказаннымъ, а окружающія ихъ сотни подобныхъ же фабрикъ набиты крестьянскимъ народомъ, живущимъ при такихъ же условіяхъ, — значитъ — *они всѣ крѣпостные*. Если мы, къ сожалѣнію, нерѣдко бываемъ вынуждены просить повышенія пониженной самимъ капи-

талистомъ заработной платы, насъ обвиняютъ въ стачкѣ и ссылаютъ въ Сибірь — значитъ, *мы крѣпостные*! Если мы со стороны самого капиталиста вынуждены оставить фабрику и требовать разсчета, вслѣдствіе перемѣны доброты матеріала и притѣсненія отъ разныхъ штрафовъ, насъ обвиняютъ въ составленіи бунта и прикладомъ солдатскаго ружья принуждаютъ продолжать у него работу, а нѣкоторыхъ, какъ зачинщиковъ, ссылаютъ въ дальніе края, — значитъ, *мы крѣпостные*! Если изъ насъ каждый отдѣльно не можетъ подавать жалобу на капиталиста, и первый же встрѣчный квартальный бьетъ насъ въ зубы кулакомъ и пинками гонитъ вонъ, — значитъ, *мы крѣпостные*! Изъ всего мною вышесказаннаго видно, что русскому рабочему народу остается только надѣяться самимъ на себя и не отъ кого ожидать помощи, кромѣ отъ одной нашей интеллигентной молодежи... *Предсѣдатель* вскакиваетъ и кричитъ: „Молчите! Замолчите!..“ *Петръ Алексѣевъ* (возвысивъ голосъ, продолжаетъ): Она одна братски протянула въ намъ свою руку. Она одна откликнулась, подала свой голосъ на всѣ слышанные крестьянскіе стоны Россійской Имперіи. Она одна до глубины души прочувствовала, что значать и отчего это отовсюду слышны крестьянскіе стоны. Она одна не можетъ холодно смотрѣть на этого изнуреннаго, стонущаго подъ ярмомъ деспотизма, угнетеннаго крестьянина. Она одна, какъ добрый другъ, братски протянула

что они всегда узнают то лицо, которое отправляло книги. Но я все это опускаю, прохожу мимо. Мнѣ, быть можетъ, приходится говорить сегодня въ послѣдній разъ въ своей жизни, и это даетъ мнѣ право надѣяться, что мнѣ будетъ позволено высказать нѣсколько общихъ мыслей по поводу современнаго движенія. У насъ очень распространено мнѣніе, что Россія рѣзко отличается отъ Западной Европы, что мы идемъ и должны идти по иному, своеобразному пути. Въ этомъ мнѣніи много правды, но имъ слишкомъ часто злоупотребляютъ. Не надо забывать, что наука не знаетъ національности, что цивилизація и человѣческія идеи международны. Конечно, идеалы человѣчества перерабатываются сообразно условіямъ исторической жизни народовъ, такъ что, оставаясь по существу общими для всѣхъ народовъ, они, т.-е. идеалы, въ подробностяхъ приспособляются къ условіямъ страны. Но изученіе европейской цивилизаціи показало, что Россіи вовсе не расцѣпить себя изъ семьи европейскихъ народовъ, что, напротивъ, она обязана связать свою судьбу съ судьбою Запада и вмѣстѣ съ нимъ работать для достиженія лучшихъ условій существованія. Экономическія основы народной жизни вездѣ одинаковы. Какъ тамъ, на Западѣ, такъ и въ Россіи существуетъ, съ одной стороны, маленькая группа, назовемъ ее хоть группою привилегированныхъ, съ другой — масса, большинство, обреченные на безысходныя страданія. Не мало ве-

ликихъ умовъ, не мало благородныхъ сердецъ работало надъ разрѣшеніемъ соціального вопроса. Соціализмъ старъ, какъ самъ міръ. Только формы и средства разрѣшенія вопроса въ различные историческіе періоды дѣла не одинаковы. Въ послѣднее время, когда такъ называемый естественный ходъ событій получилъ полное развитіе, когда темныя стороны современной цивилизаціи высказались ясно, ярко, социализмъ сталъ на практическую почву, создавъ свою самостоятельную партію. Съ каждымъ днемъ силы народной партіи растутъ, чѣмъ дальше, тѣмъ страшнѣе становится пропасть, отдѣляющая сытое, праздное меньшинство отъ голоднаго, ограбленнаго большинства. Одна изъ характерныхъ сторонъ современнаго европейскаго рабочаго движенія заключается въ томъ, что народы сознали солидарность своихъ интересовъ, одинаковость своего положенія и подали другъ другу руку для общей борьбы, такъ что новѣйшая постановка соціального вопроса дѣлаетъ человѣчество не на національности, а на притѣсняемыхъ и притѣсняющихъ; мѣриломъ группировки человѣческихъ обществъ является не территория, не языкъ и племенные особенности, а экономическое начало, положенное въ основу народной жизни. Экономическій строй вездѣ одинаковъ. Спрашиваю я васъ, можно ли съ этой точки зрѣнія выдѣлить Россію изъ рабочаго движенія? Нельзя ли требованія европейскихъ народовъ предъявить здѣсь

съ такимъ же правомъ, какъ тамъ? Едва ли кто рѣшится утверждать, что въ общемъ обстановка труда въ Россіи рѣзко отлична отъ обстановки труда на Западѣ. Конечно, у каждой страны свои особенности, но главная жилка экономического вопроса абсолютно вездѣ одинакова, и поэтому то возможна общая постановка социальнаго вопроса для всѣхъ народовъ, не исключая и Россіи. Вотъ, почему мы видимъ, что развитіе социализма, какъ идеи, шло въ Россіи почти параллельно развитію его на Западѣ. Достаточно указать на конецъ 40-хъ годовъ въ Европѣ и у насъ на 60-е годы, наконецъ, на современное положеніе вопроса здѣсь и тамъ. При этомъ прочности постановки социальнаго вопроса въ Россіи помогали историческія судьбы русскаго народа. Я хочу сказать, что элементы народной жизни заключали въ себѣ много сходнаго съ теоретическимъ социализмомъ, поэтому онъ не былъ у насъ чѣмъ-нибудь небывалымъ, несогласнымъ съ условіями русской жизни,—напротивъ, существовало, отчасти существуетъ и теперь мнѣніе, что социализмъ, революціонный на Западѣ,—у насъ консервативенъ. Если тамъ вопросъ долженъ рѣшиться силой, то у насъ онъ можетъ быть рѣшенъ мирнымъ путемъ. И этого взгляда держались вначалѣ не одни отсталые люди. Русская молодежь, выработавъ социалистическія убѣжденія, естественно должна была проводить ихъ въ жизнь. Первые же ея шаги въ этомъ направленіи

мирнаго рѣшенія вопроса были неудачны, всѣ ея попытки встрѣчались, если не прямо враждебно, то, по меньшей мѣрѣ, недовѣрчиво. Недовѣріе это доходило до того, что дѣятели вдругъ куда то исчезали, предпріятія лопались, дѣло приходило въ упадокъ, молодежь призадумалась. Что же дѣлать? Идти къ заветной цѣли мирнымъ путемъ оказывается невозможнымъ; сидѣть, сложа руки и ждать рѣшенія свыше—это не мирится съ искренностью убѣждений и съ величіемъ цѣли. Ужели согласиться съ тѣмъ, что естественный ходъ рѣшить вопросъ, что наша обязанность наблюдать только, изучать народную жизнь, ознакомиться съ законами исторіи;—что лбомъ стѣны не прошибешь, и что поэтому наши стремленія и требованія не должны идти въ разрѣзъ съ настоящими, исторически выработанными условіями государственной жизни? Но, вѣдь, это въ переводѣ значить пожать руку доктору Пантлосу, иными словами значить признать, что все идетъ къ лучшему въ семь наилучшемъ изъ міровъ! Нѣтъ, подобная двусмысленная философія не могла нравиться русской молодежи. Съ одной стороны, прогрессъ социальныхъ ученій на Западѣ, съ другой—домашнія русскія условія переработали социализмъ русской молодежи, социализмъ мирный, государственный, въ революціонный. Она, молодежь, рѣшилась, несмотря на всѣ опасности, идти къ цѣли путемъ революціоннымъ, и современное движеніе, по преимуществу, социально-револю-

ціонное. Оно не есть явленіе случайное, преходящее, оно охватило почти всю молодежь, всѣ живыя ея силы. Оно не могло не коснуться и меня. Я пошел по той же дорогѣ, работал по мѣрѣ силъ и возможности для великой задачи народнаго освобожденія, и работалъ бы до сихъ поръ, еслибы не былъ арестованъ. Но что же такое народное возрожденіе, въ чемъ оно заключается? Оно заключается въ томъ, чтобы народный трудъ не эксплуатировался подъ какимъ бы то ни было видомъ, чтобы народное сознание не затемнялось предрасудками невѣжества, порожденіемъ безысходной нищеты, и чтобы нравственность народа не падала, что неизбежно при убійственной обстановкѣ народной жизни. Достигнуть этого возможно при полнѣйшей самостоятельности и автономіи общинъ, владѣющихъ землею и всѣми орудіями производства сообща, при свободѣ труда и обязанности его для каждаго индивидуума. Вотъ мои стремленія. Средствомъ для ихъ осуществленія, по-моему, служить: внести въ народъ сознание солидарности своихъ интересовъ, осмыслить народное недовольство, соединить разрозненные силы и сообща добиваться болѣе справедливыхъ условій существованія. Что положеніе народа невыносимо, что недовольство его велико, — это фактъ, не подлежащій сомнѣнію. Но надо воспользоваться этимъ фактомъ не для безплодныхъ, единичныхъ вспышекъ и бунтовъ, а для болѣе серьезнаго, прочнаго рѣшенія

вопроса. — Таковы въ общихъ чертахъ мои убѣжденія, и они-то заставляютъ меня сказать нѣсколько словъ по поводу программы, отобранной у меня. Признаюсь, послѣ многочисленныхъ, какъ со стороны обвиненія, такъ и со стороны защиты, указаній на нее, я считаю болѣе цѣлесообразнымъ не касаться этого вопроса, но не могу пройти молчаніемъ одного факта. Прокуроръ, характеризуя настоящее движеніе, назвалъ его политическимъ движеніемъ, но не социалистическимъ, а насъ политическими революціонерами въ противоположность социалистамъ. Онъ не испугался даже сравнить принципы современнаго движенія съ принципами Интернаціонала. Говоря откровенно, я не понимаю, зачѣмъ это ему понадобилось, но изъ этого сравненія для меня ясно одно: или прокуроръ недостаточно знакомъ съ социальными и нравственными науками, или же онъ руководствовался какими-либо посторонними соображеніями, къ существу дѣла не относящимися. Но я не стану распространяться объ этомъ предметѣ, ибо это ввело бы меня въ подробности, быть можетъ, неумѣстныя здѣсь, на судѣ. Однако, я полагаю, что сама программа могла указать прокурору на ошибочность его взгляда, но онъ, повидимому, не захотѣлъ ее понять, какъ слѣдуетъ. Между прочимъ, онъ обратилъ особенное вниманіе на одинъ отдѣлъ этой программы; я хочу говорить именно объ этомъ отдѣлѣ. Но прежде всего я долженъ заявить, что программа эта принадлежитъ

не моему перу, не я ея авторъ. Говорю я это все не для того, чтобы, такъ сказать, сбросить съ своихъ плечъ силу обвиненія. Нѣтъ! Я заявляю свою солидарность съ общимъ ея направлѣніемъ, но мои убѣжденія не позволяютъ мнѣ согласиться съ нѣкоторыми отдѣлами. Таковъ, на примѣръ, отдѣлъ такъ называемой чистой агитаціи. На этотъ же отдѣлъ указывалъ прокуроръ и пытался дать толкованіе, имѣющее цѣлью доказать, что шайки образуются для грабежей. Если не дѣлалъ такого прямого вывода, то, по крайней мѣрѣ, намекалъ на это. Цѣлью этихъ шаекъ въ программѣ ставится добываніе средствъ, но не упоминается, какимъ путемъ шайки добываютъ эти средства, о грабежѣ нѣтъ и помину. Между тѣмъ, въ той же программѣ есть параграфъ, воспрещающій членамъ организаціи, пропагандистамъ, заниматься исключительно добываніемъ средствъ. Вотъ, какой смыслъ имѣетъ этотъ вопросъ. Но, оставляя въ сторонѣ эту часть вопроса, самая возможность проекта о шайкахъ вообще объясняется не характеромъ постановки соціального вопроса въ Россіи, а тѣми преслѣдованіями и гоненіями, которыя воздвигнуты на русскую молодежь. Крайности всегда вызываютъ крайности противоположнаго свойства. Давленію отвѣчаетъ отпоръ — это законъ механики. Трудно, въ самомъ дѣлѣ, оставаться спокойнымъ, когда единственнымъ средствомъ убѣжденія молодежи служить тюрьма, каторга, когда всякая честная по-

пытка убивается грубой силой. Но какъ мало убѣдительно подобныя средства, видно изъ горькой исторіи русской молодежи. Почти каждый день теритъ она по нѣсколько друзей, товарищей, однихъ провожаетъ въ каторгу, другихъ, не вынесшихъ мученій, — въ могилу, но она ни разу не измѣнила своимъ цѣлямъ, своимъ убѣжденіямъ. Изъ пустого рѣбачества, гг. судьи, изъ самолюбія, а тѣмъ паче изъ грязныхъ побужденій рѣдко люди жертвуютъ собой и идутъ на добровольныя страданія. Только тѣ убѣжденія двигаютъ людей на рискованныя дѣла, которыя сдѣлались потребностью натуры. Въ настоящее время молодая сила, не успѣвшая погрязнуть въ тину практической жизни, абсолютно не понимаетъ, какъ можно не работать въ интересахъ народа, какъ можно сидѣть, сложа руки, или опасаться послѣдствій своихъ честныхъ стремленій. Самоотверженность сдѣлалась явленіемъ обыкновеннымъ, создалась, такъ сказать, соціалистическая атмосфера, именно такія условія, которыя предвѣщаютъ успѣхъ современному движенію. Помимо причинъ, указанныхъ выше, т.-е. того, что въ русскомъ народѣ живетъ идея соціализма, равенства, выразившаяся въ общинномъ землевладѣніи, помимо самопожертвованія и преданности своимъ убѣжденіямъ русской молодежи, будущее настоящаго движенія обеспечено еще общими историческими условіями. Исторія развитія элементовъ русской жизни многимъ

разнится отъ исторіи развитія Западной Европы. Тамъ мы видимъ сильно развитую политическую жизнь, множество партій разныхъ оттѣнковъ, борьбу интересовъ различныхъ общественныхъ группъ. Ничего подобнаго въ Россіи не существуетъ, и на это есть своя историческая причина. Образованіе партій тамъ было неизбѣжно: нарождались извѣстные интересы, идеи, которые группировали людей въ одну тѣсную, организованную партію. Борьба началась тамъ съ испоконъ вѣковъ, и борьба шла такимъ путемъ: сперва создавались интересы общественные, сословные, а потомъ они получали уже стройную систему, обращались въ теорію. Каждая изъ европейскихъ партій стояла въ свое время впереди движенія, представляла собою прогрессивную силу, была обладательницей передовой мысли. Ни одна партія не можетъ имѣть будущаго, если она не способна жертвовать личностями для общихъ интересовъ, ни одна партія не можетъ быть живою, сильною партіею, если члены ея не вложили всю душу въ дѣло свое. Помимо этого партія бывала сильна и представляла передовую мысль только до тѣхъ поръ, пока не отдѣляла своихъ интересовъ отъ интересовъ народа. Между тѣмъ, въ Россіи никакой жизни, никакой борьбы наблюдать нельзя. Начало русской исторіи, повидимому, заключало въ себѣ элементы развитія политической жизни. Но вотъ наступила татарщина, все заглохло. Въ этой тишинѣ, во время

этого сна работала одна сила—сила монархическая. Со времени сверженія татарскаго ига всѣ интересы олицетворяются въ государственной власти, всѣ взоры обращены къ ней. Дворянство теряетъ всякое самостоятельное значеніе, члены этого сословія — слуги и холопы царскіе. Буржуазіи нѣтъ. Народная партія и народная свобода, уцѣлѣвшія отъ татарскаго погрома, были уничтожены государственной властью. Великій Новгородъ и Псковъ пали. Партій не могло быть: духовенство не представляло отдѣльной, независимой корпорации—это былъ подчиненный органъ государственной власти. Дворянство не жило своею жизнью, оно не имѣло даже личной собственности: все, и земля, и люди, принадлежитъ царю, отъ его воли зависитъ одарить или лишить всего имущества. Нѣтъ интересовъ дворянства, нѣтъ дворянства, какъ самостоятельнаго, организованнаго сословія. *Председатель сенаторъ Петерсъ* (останавливая Здановича). Это къ дѣлу не относится. *Здановичъ*. Я полагаю, что именно относится. Я хотѣлъ этимъ указаніемъ на историческіе факты установить то положеніе, что въ Россіи немислимо образованіе партій, такъ сказать, привилегированныхъ, сословныхъ. Онѣ упустили удобную историческую минуту. Я хотѣлъ указать на всю законность соціально-революціоннаго движенія и на то въ особенности, что одна народная партія имѣетъ будущее, какъ потому, что представляетъ интересы большинства, такъ и потому, что

она одна стоит на высотѣ развитія передовыхъ идей нашего времени. Она сильна, сильна единствомъ, чистотой своихъ принциповъ, самоотверженностью своихъ членовъ. Побѣда ея несомнѣнна. Первые жертвы, гибель многихъ ея членовъ, еще болѣе придаютъ ей силы и нравственнаго достоинства. Я глубоко вѣрю въ побѣду народа, въ торжество социальной революціи.

Рѣчь Ипполита Никитича Мышкина.

Первоп. Подс. Мышкинъ! Вы обвиняетесь въ томъ, что принимали участіе въ противозаконномъ обществѣ, имѣвшемъ цѣлью въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ ниспроверженіе и измѣненіе порядка государственнаго устройства. Признаете ли вы себя виновнымъ? *Мышкинъ.* Я признаю себя членомъ не сообщества, а социальнореволюціонной партіи, и прошу позволенія объяснить, въ чемъ именно заключается преступленіе, которое я, по собственному моему сознанію, совершилъ противъ русскихъ государственныхъ законовъ. *П.* Объясните. *М.* Я не могу признать себя членомъ тайнаго сообщества, потому что я и товарищи мои, товарищи не только по заключенію, но и по убѣжденіямъ, не представляемъ нѣчто обособленноцѣлое, связанное единствомъ внѣшней, общей для всѣхъ организаціи. Мы составляемъ лишь частицу многочисленной въ настоящее время на Руси социальнореволюціонной партіи, понимая подъ этимъ словомъ всю массу лицъ одинаковыхъ съ нами убѣжденій, — одинако-

выхъ, конечно, только вообще, а не въ частностяхъ, — лицъ, между которыми существуетъ хотя преимущественно только внутренняя связь, однако связь достаточно реальная, обусловливаемая единствомъ цѣлей и большимъ или меньшимъ однообразіемъ средствъ практической дѣятельности. Основная задача социальнo-революціонной партіи — установить на развалинахъ теперешняго государственнo-буржуазнаго порядка такой общественный строй, который, удовлетворяя требованіямъ народа въ томъ видѣ, какъ они выразились въ крупныхъ и мелкихъ движеніяхъ народныхъ и повсемѣстно присущи народному сознанию; — составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ справедливѣйшую форму общественной организаціи. Строй этотъ — земля, состоящая изъ союза независимыхъ производительныхъ общинъ. Осуществленіе оного можетъ быть только путемъ социальной революціи, потому что государственная власть преграждаетъ всѣ мирные пути для достиженія этой цѣли и добровольно никогда не откажется отъ насильственно присвоенныхъ ею себѣ правъ. Въ этомъ намъ ручается весь ходъ исторіи. Возможно ли мечтать о мирномъ пути, когда власть не только не подчиняется голосу народа, но не хочетъ даже и выслушать этого голоса и за всякое стремленіе, несогласное съ видами ея, награждаетъ тюрьмой и каторгой? Возможно ли мирное разрѣшеніе социальныхъ вопросовъ соотвѣтственно народнымъ потребно-

стямъ, когда народъ, не только для осуществленія своихъ желаній, но даже и для выраженія ихъ не имѣетъ другого средства, кромѣ бунта — этого единственнаго органа народной гласности? Едва ли эта мысль нуждается въ подстрочномъ примѣчаніи. *II.* Вы признали себя членомъ извѣстной партіи. Вы объяснили, въ чемъ заключается ваше стремленіе; указали препятствія, о которыхъ вы говорите, не входя въ кругъ обсужденія суда; поэтому я не вижу возможности, ни даже надобности для суда выслушивать все то, что вы говорите. *М.* Весьма важно выяснить, почему мы смотримъ на революцію, какъ на единственно возможный исходъ изъ настоящаго положенія. *II.* То, что относится къ вопросу о вашей виновности, вы уже достаточно выяснили; остальное вы можете сказать впослѣдствіи. *М.* Я полагаю, что для суда весьма важно знать, какъ мы относимся къ революціи, т.-е. предполагаемъ ли мы, что наша партія должна, во что бы то ни стало, немедленно вызвать, создать революцію, или только позаботиться объ успѣшномъ исходѣ ея; предполагается ли немедленное осуществленіе революціи, или въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ: отъ этого будетъ зависѣть опредѣленіе моей виновности съ точки зрѣнія государственныхъ законовъ. *II.* Объ этомъ вы можете говорить. *М.* Я полагаю, что ближайшая наша задача заключается не въ томъ, чтобы вызвать, создать револю-

цію, а въ томъ, чтобы только гарантировать успѣш-
ный исходъ ея, потому что не нужно быть про-
рокомъ, чтобы, при нынѣшнемъ отчаянно-бѣдствен-
номъ положеніи народа, предвидѣть, какъ неиз-
бѣжный результатъ этого положенія, — всеобщее
народное возстаніе. Въ виду неизбежности этого
возстанія нужно только позаботиться, чтобы оно
было возможно болѣе продуктивно для народа, и
главное, предостеречь его отъ всѣхъ фокусовъ, ко-
торыми западно-европейская буржуазія обманывала
тамошнюю народную массу и одна извлекала для
себя выгоды изъ народной крови, пролитой на
баррикадахъ. Ради этой цѣли наша практическая
дѣятельность должна состоять въ сплоченіи, въ
объединеніи революціонныхъ силъ, революціонныхъ
стремленій, въ сліяніи двухъ главныхъ революціон-
ныхъ потоковъ: одного, недавно возникшаго и про-
явившаго уже порядочную силу — въ средѣ интелли-
генціи, и другого, болѣе широкаго, болѣе глубо-
каго, никогда не изсякавшаго потока — на-
родно-революціоннаго. Въ этомъ объединеніи ре-
волюціонныхъ элементовъ путемъ окончательнаго
сформированія социальна-революціонной партіи и
заключалась вся задача движенія 74—75 гг. За-
дача эта если не вполнѣ, то въ значительной сте-
пени выполнена, и знамя социальной революціи
водружено во всѣхъ концахъ русской земли. Прибавлю
къ этому, что въ только что сказанныхъ мною

словахъ я указалъ лишь на центръ нашей
дѣятельности и что въ массѣ участвовавшихъ
въ послѣднемъ движеніи были лица, стоящіе на
различныхъ ступеняхъ революціоннаго развитія, на-
чинаая съ тѣхъ, кто дѣлалъ первые шаги по пути
уясненія причинъ народныхъ страданій, и кончая
отдѣльными личностями, дѣлавшими попытки орга-
низации силъ нашей партіи. При всемъ различіи
взглядовъ по другимъ вопросамъ приверженцы со-
циальной революціи сходятся въ одномъ: что рево-
люція можетъ быть совершена не иначе, какъ са-
мимъ народомъ, при сознаніи имъ, во имя чего она
совершается; другими словами: настоящій государ-
ственный строй долженъ быть ниспровергнутъ только
тогда, когда пожелаетъ этого самъ народъ. Слѣдо-
вательно, если правительство солидарно съ наро-
домъ, оно не можетъ считать насъ злоумышленни-
ками. Можно ли указывать, какъ на заговорщиковъ
и бунтовщиковъ, на тѣхъ, кто говоритъ: „Мы бу-
демъ ходатайствовать передъ народомъ объ удовле-
твореніи настоятельнѣйшихъ нуждъ страны, нуждъ,
сознаваемыхъ хорошо самимъ народомъ: мы пред-
лагаемъ для этого свою посильную помощь и — да
будетъ все такъ, какъ пожелаетъ народъ“. Вѣдь въ
нашемъ распоряженіи нѣтъ ни тюремъ, ни воен-
ныхъ командъ, ни большихъ промышленныхъ пред-
пріятій, закабаляющихъ тысячи рабочаго люда. Слѣ-
довательно, мы не имѣемъ никакихъ средствъ на-

силовать народную волю въ пользу излюбленныхъ нами идей. Мы можемъ дѣйствовать только убѣжденіемъ. Всѣ средства насилія находятся въ распоряженіи и дѣйствительно практикуются нашими противниками. Если же, несмотря на крайне неблагоприятныя для насъ условія, правительство все-таки имѣетъ серьезныя основанія опасаться, что наша дѣятельность увѣнчается успѣхомъ, то, значитъ, мы не ошибаемся, рассчитывая на сочувствіе народа нашимъ идеямъ: но въ такомъ случаѣ мы не преступники, не злоумышленники, а лишь выразители потребностей, сознанныхъ народомъ. Объяснивъ въ краткихъ словахъ цѣль и средства соціально-революціонной партіи, я перехожу къ слѣдующему, не менѣе важному вопросу о причинахъ возникновенія и развитія этой партіи вообще и движенія 1874 г. въ частности. Въ обвинительномъ актѣ все это дѣло представлено такимъ образомъ, что были-де на Руси обломки прежнихъ политическихъ сообществъ, была еще русская эмиграція въ Швейцаріи, явилось нѣсколько энергичныхъ личностей и по слову ихъ: „Да будетъ революціонное движеніе на Руси!“—создалось таковое по всему лицу земли русской. А такъ какъ обломки преступныхъ сообществъ и эмиграція давно существовали и всегда будутъ существовать до окончанія нынѣшняго государственнаго строя, то оказывается, что движеніе, подобное нынѣшнему, было

вызвано и всегда можетъ быть вызвано по произволу 3—4 лицами. Конечно, ни одинъ мыслящій человѣкъ, сколько-нибудь понимающій причины соціальныхъ явленій, не удовлетворится подобнымъ прокурорскимъ объясненіемъ. Для крупнаго соціальнаго явленія должны быть крупныя соціальныя причины. Нужно особенное недомысліе или особенная недобросовѣстность, чтобы называть искусственно созданными революціонныя движенія въ средѣ интеллигенціи... **II.** Прошу не употреблять подобныхъ выраженій. **М.** Я говорю только, что движенія эти не созданы искусственно. Изучая ихъ, мы прежде всего замѣчаемъ тотъ знаменательный фактъ, что всѣ движенія въ интеллигенціи соотвѣтствуютъ параллельнымъ движеніямъ въ народѣ и даже являются простыми отголосками послѣднихъ; такъ что движенія народа и интеллигенціи представляютъ какъ бы два параллельныхъ потока, стремящихся слиться въ общее русло, уничтоживъ раздѣляющую ихъ вѣковую плотину; плотина эта — разнь между интеллигенціей и народомъ, которая сложилась вслѣдствіе вѣковой отчужденности ихъ другъ отъ друга. Первое движеніе интеллигенціи въ началѣ 60-хъ годовъ было отголоскомъ того сильнаго народнаго волненія, которое было во время крестьянской реформы, вслѣдствіе того, что народъ не удовлетворился этимъ мнимымъ своимъ освобожденіемъ. Это движеніе положило фундаментъ соціально-революцион-

ной партіи. Затѣмъ, ко времени исполненія 10-лѣтія крестьянской реформы въ народѣ стали ходить настойчивые слухи объ уменьшеніи и даже объ уничтоженіи выкупныхъ платежей. Слухи эти хотя не вызвали массы бунтовъ, какъ въ 60-хъ годахъ, но все-таки поддерживали волненіе въ народѣ, и отголоскомъ на это волненіе явилось движеніе интеллигенціи, завершившееся такъ называемымъ Нечаевскимъ процессомъ. Наконецъ, въ наши дни обѣднѣніе народа, истощаемаго непомѣрными платежами и поборами, дошло до того, что нужно быть совершенно глухимъ, чтобы не слышать громкаго ропота народа. Этотъ ропотъ и вызвалъ движеніе 73—75 гг., которое было послѣднимъ фазисомъ развитія соціально-революціонной партіи. Эта только что указанная, несомнѣнно существующая связь между революціонными движеніями въ интеллигенціи и въ народѣ легко можетъ ускользнуть отъ вниманія общества по той простой причинѣ, что, благодаря извѣстной, практикуемой въ Россіи системѣ гласности, до свѣдѣнія нашего общества доводится преимущественно только о разныхъ мелочахъ; о болѣе же крупныхъ фактахъ народной жизни систематически умалчивается или не менѣе систематически извращается. Напримѣръ о крестьянскихъ бунтахъ, бывшихъ въ 60-хъ годахъ, общество наше знаетъ только по слухамъ... *П.* Особое Присутствіе вовсе не нуждается въ примѣрахъ. *М.* Если вы-

сказанный мною взглядъ о системѣ русской гласности представляется для Особого Присутствія несомнѣнной истиной, не нуждающейся въ доказательствахъ, то я охотно готовъ воздержаться отъ приведенія примѣровъ, которые подтвердили бы мою мысль. *П.* Для суда это не составляетъ истины. Судъ сумѣетъ самъ различить, что истина; отъ него зависитъ придать мнѣнію подсудимаго то или другое значеніе. *М.* Я это очень хорошо знаю и желаю только полнѣе выяснить тотъ весьма важный вопросъ, что движенія интеллигенціи не созданы искусственно, а составляютъ только отголосокъ народныхъ волненій. Общество наше въ настоящее время знаетъ только, что былъ судъ и происходитъ судъ надъ нѣсколькими представителями революціоннаго движенія въ средѣ интеллигенціи, и ему можетъ показаться, что это движеніе не имѣетъ подъ собой твердой почвы, не имѣетъ твердой связи съ народомъ, потому что отъ общества скрыты другія, болѣе рѣзкія проявленія революціоннаго духа въ самомъ народѣ; а между тѣмъ въ такихъ проявленіяхъ въ 73—75 гг. недостатка не было. Не говоря уже о волненіяхъ между уральскими казаками, о которыхъ наше общество имѣетъ очень скудныя свѣдѣнія, во многихъ другихъ мѣстахъ приходилось прибѣгать къ помощи военныхъ командъ для усмиренія народа; нѣсколько татарскихъ волостей въ Пермской губерніи, раскольники на уральскихъ за-

водахъ, крестьяне въ Казанской губерніи, въ Воронежской, въ Кіевской... *П.* Вы опять приводите примѣры, въ которыхъ, какъ я уже сказалъ, не нуждается Особое Присутствіе; да они и не могутъ быть подтверждены на слѣдствіи. *М.* Иначе мои заявленія будутъ голословны. *П.* Вы входили въ вашей рѣчи въ очень подробный разборъ. Я вамъ сдѣлалъ вопросъ о томъ, признаете ли вы себя виновнымъ въ принадлежности къ противозаконному обществу, указанному въ обвинительномъ актѣ; вы себя признали принадлежащимъ къ другому незаконному обществу, какому—вы сказали. Затѣмъ я не вижу, что можетъ еще остаться для выслушанія суду по этому вопросу. *М.* Г. первоприсутствующій! Я хотѣлъ только выяснитъ, что причина нашего преступленія есть народныя движенія, которыя были въ послѣднее время, что эти движенія существуютъ, и что наше движеніе есть не болѣе, какъ отголосокъ этихъ движеній. *П.* Ваши мнѣнія ни въ какомъ случаѣ не могутъ служить для суда доказательствомъ или такимъ фактомъ, который онъ долженъ былъ бы принять за несомнѣнный выводъ изъ того, что вы говорите. Если желаете говорить, то говорите такъ, чтобы ваша рѣчь въ настоящее время не имѣла защитительнаго характера, потому что до этого еще не дошло дѣло. Говорите такъ, чтобы судъ могъ себя уяснить, признаете ли вы себя виновнымъ въ томъ преступленіи, въ которомъ

обвиняетесь, и что васъ побудило къ этому преступленію; но не касайтесь такихъ фактовъ, которые не могутъ подлежать обсужденію суда. *М.* Если я говорю, что меня побудило къ этому невыносимое положеніе народа, то я долженъ же привести примѣры?! *П.* Это совершенно излишне. Вы сослались на тяжелое положеніе народа и продолжайте дальше. *М.* Я думаю, я имѣю право доказывать правильность моихъ выводовъ. Разумѣется, судъ можетъ относиться къ моимъ мнѣніямъ, какъ ему угодно, но для чего же не дать мнѣ высказать причины, побуждавшія меня, для чего зажимать мнѣ ротъ?... *П.* Вамъ никто не зажимаетъ ротъ. На основаніи закона я обязанъ допускать пренія и доказательства только противъ того, что предъявлено въ обвиненіи; поэтому не могу дозволить вамъ говорить о томъ, что не подлежитъ нашему обсужденію. Я вамъ не препятствую продолжать рѣчь, но прошу ограничиваться только выводами, которые вы признаете нужнымъ сказать суду. *М.* Г. первоприсутствующій! Я хотѣлъ привести эти примѣры только для того, чтобы выяснитъ слѣдующее: мы видимъ теперь, что въ числѣ моихъ товарищей—дѣвушка, намѣревавшаяся читать крестьянамъ лекціи по социальнымъ вопросамъ,—юноша, давшій книгу крестьянскому мальчику,—нѣсколько человѣкъ, разбуждавшихъ о причинахъ народныхъ страданій и высказавшихъ такое мнѣніе, что не худо бы, пожа-

луй, поднять народное возстаніе—всѣ они привлечены къ суду, какъ тяжкіе преступники. А лица, открыто возмущившіяся противъ государств. власти и усмиренные только при помощи штыковъ и розогъ, ссылаются административнымъ порядкомъ. Какъ будто бы у насъ говорить о бунтѣ гораздо преступнѣе, чѣмъ участвовать въ самомъ бунтѣ! Этотъ абсурдъ очень понятенъ: представители другой, болѣе страшной для правительства силы, силы народной, могли бы сказать на судѣ нѣчто болѣе полное, болѣе непріятное для государственной власти и болѣе поучительное для общества, чѣмъ мы. Поэтому-то имъ и зажимаютъ ротъ и не даютъ имъ возможности сказать свое слово передъ обществомъ. Кромѣ бунтовъ, есть еще и другіе, не менѣе значительные факты, доказывающіе усиленіе въ последнее время революціонныхъ стремленій въ народѣ, какъ, напримѣръ, распространеніе революціонныхъ сектъ, гдѣ отрицаніе государственной власти возводится въ догматъ: источникъ этой власти имѣется антихристомъ, а представители этой власти—слугами антихриста; образованіе въ крестьянской средѣ обществъ съ специальною цѣлью уклоненія отъ платежа повинностей безъ всякой религіозной основы, исчезновеніе цѣлыхъ деревень по той же причинѣ, т.-е. какъ результатъ стремленія избавиться отъ невыносимыхъ поборова... **II.** Эти объясненія не относятся къ вопросу о виновности, который я пред-

ложилъ вамъ. Я позволилъ вамъ говорить потому, что вы признали себя виновнымъ въ принадлежности хотя и не къ тому сообществу, въ которомъ обвиняетъ прокуратура, но къ другому, или къ партіи... **М.** Я не сказалъ, что признаю себя виновнымъ, и не могъ сказать этого, потому что, напротивъ, считалъ и считаю своею *обязанностью, долгомъ чести* стоять въ рядахъ социальнореволюціонной партіи. **П.** Ну да, вы признали себя членомъ партіи и достаточно уже разъяснили свое преступленіе. Все остальное, что вы желали бы сказать, вы можете изложить впоследствии. **М.** Но для суда необходимо еще знать причины, вызвавшія данное политическое преступленіе. Объ этихъ-то причинахъ я и желалъ бы сказать еще нѣсколько словъ. Возникновеніе социальнореволюціонной партіи относится къ началу 60-хъ годовъ. Оно совершилось, какъ отголосокъ на народныя страданія и народныя волненія, при участіи известной фракціи русской интеллигенціи, благодаря, главнымъ образомъ, двумъ причинамъ: во-первыхъ, влиянію на интеллигенцію передовой западноевропейской социалистической мысли и крупнѣйшаго практическаго примѣненія этой мысли—образованія Международнаго Общества Рабочихъ; во-вторыхъ, уничтоженію крѣпостного права, потому что послѣ крестьянской реформы въ средѣ неподатныхъ классовъ образовалась цѣлая фракція, испытывавшая на самой себѣ всю силу гнета государственнаго и эконо-

номического строя, готовая откликнуться на зовъ народа и послужившая ядромъ соціально-революціонной партіи. Фракція эта—умственный пролетаріатъ. Кромѣ того, крестьянская реформа оказала три важныя услуги соціально-революціонному дѣлу: 1) съ 19 февраля 1861 г. начинается развитіе капиталистическаго производства съ его неизбѣжнымъ спутникомъ—борьбою между капиталомъ и трудомъ; 2) крестьянская реформа, вмѣстѣ съ другими реформами, послужила для насъ нагляднымъ доказательствомъ истины, которая прежде была намъ извѣстна только изъ книгъ и по чужому опыту,—доказательствомъ полной несостоятельности политическихъ реформъ въ дѣлѣ кореннаго улучшенія народнаго быта. Съ какимъ восторгомъ, съ какимъ ликоваіемъ привѣтствовало русское либеральное общество такъ называемыя великія реформы нынѣшняго царствованія!—и что же мы видимъ въ результатѣ? Народъ доведенъ до отчаянно бѣдственнаго положенія, до небывалыхъ хроническихъ голодовокъ, и не нужно особеннаго политическаго радикализма, чтобы усомниться въ благотѣльности всѣхъ этихъ реформъ для народной массы; 3) крестьянинъ, освобожденный отъ помѣщика, сталъ лицомъ къ лицу съ представителями губернской власти, увидѣлъ, что ему нечего надѣяться на эту власть, нечего ждать отъ нея, увидѣлъ, что онъ жестоко обманывался, вѣря въ цар-

скую правду, ища въ ней опоры противъ своихъ враговъ... II. Вы достаточно уже выяснили свою мысль... М. Я хочу только сказать, что крестьянамъ не трудно было убѣдиться, что превозносимая, препрославленная крестьянская реформа сводится къ одному: къ переводу болѣе 20-ти миллионъ крестьянскаго населенія изъ разряда помѣщичьихъ холоповъ въ разрядъ государственныхъ или, вѣрнѣе сказать, чиновничьихъ рабовъ. Какъ прежде крестьянинъ работалъ всю жизнь на помѣщика, такъ теперь весь его трудъ идетъ въ казну. Какъ прежде помѣщикъ былъ полнымъ властителемъ жизни и собственности крестьянина, такъ теперь чиновникъ... II. Вы говорите о томъ, какъ крестьяне относятся къ реформамъ и къ правительству; вы не можете говорить объ этомъ здѣсь за крестьянъ... М. Мнѣ необходимо выяснитъ эту сторону вопроса въ особенности потому, что только тогда судъ пойметъ, почему и—сынъ крѣпостной крестьянки и солдата—видѣвшій собственными глазами уничтоженіе крѣпостного права,—не только не благословляю правительство, совершившее эту реформу, но стою въ рядахъ отъявленныхъ враговъ его. Когда крестьяне увидали, что ихъ надѣляютъ песками да болотами, да тѣмными клочками земли, на которыхъ немисливо веденіе хозяйства, сколько-нибудь обезпечивающаго бытіе земледѣльца, а между тѣмъ за эти клочки наложили громаднѣйшіе платежи, превышающіе въ нѣ-

сколько разъ доходность надѣловъ; когда крестьяне увидѣли, что это новое нарушеніе права народа на землю совершается не по произволу помѣщиковъ, а съ утвержденія верховной власти, что въ положеніи 19 февраля нѣтъ той статьи, присутствіе которой они предполагали, которая должна была охранять народныя интересы и скрыта, будто бы, духовенствомъ и помѣщиками; когда они увидѣли все это, то не могли не убѣдиться,—что имъ не на кого болѣе надѣяться, какъ на свои собственныя силы. Рядомъ съ этимъ крестьяне, превратившіеся въ орудіе капиталистическаго производства, поняли всю прелесть такъ называемаго *свободнаго* договора между голымъ труженикомъ и сытымъ капиталистомъ, поняли также, что капиталистъ угнетаетъ рабочаго не только вслѣдствіе экономической несостоятельности послѣдняго, но еще и благодаря тому, что въ спорахъ между капиталистомъ и рабочимъ правительство всегда становится на сторону перваго,—поняли это и не могли не отнестись съ еще болѣею ненавистью къ угнетающей ихъ государственной власти...

П. Я не могу дозволить вамъ порицать правительство. **М.** Человѣкъ, совершающій политическое преступленіе, самымъ этимъ фактомъ порицаетъ уже правительство. Я не могу вовсе разяснить моего преступленія и, въ особенности, причинъ его, не касаясь такихъ сторонъ государственной жизни, которыя, съ моей точки зрѣнія, заслуживаютъ порица-

нія. Если мое мнѣніе ошибочно, то оно повредитъ только мнѣ. А если въ немъ есть правда, то тѣмъ менѣе основанийъ зажимать мнѣ ротъ. **П.** Я не зажимаю вамъ ротъ, я говорю только, что не могу допустить порицать правительство. **М.** Мнѣ необходимо указать тѣ элементы, изъ которыхъ соціально-революціонная партія почерпаетъ свои силы. Я сейчасъ кончу это перечисленіе. Послѣ земледѣльцевъ и фабричныхъ рабочихъ умственной пролетаріатъ, какъ по своему экономическому положенію, такъ и по своимъ знаніямъ, извлеченнымъ изъ историческаго опыта нашего и другихъ народовъ, не могъ не стать въ ряды враговъ государственности. Наконецъ, въ эти же ряды стали изъ другихъ классовъ общества личности, которыя по самой натурѣ своей способны дѣйствовать только во имя извѣстнаго, выработаннаго ими идеала, а не для узкихъ эгоистическихъ цѣлей. Вотъ тѣ элементы, изъ которыхъ почерпала и до сихъ поръ почерпаетъ свои силы соціально-революціонная партія. Прочнымъ цементомъ, скрѣплявшимъ всѣ революціонныя элементы, служатъ крайне бѣдственное положеніе народа и совершенное безправіе російскихъ гражданъ. Что народъ находится въ очень бѣдственномъ положеніи... **П.** Вы объ этомъ уже говорили, и нельзя возвращаться опять... **М.** Я не могу не говорить подробно объ этомъ вопросѣ, потому что источникъ всѣхъ революціонныхъ движеній — чрезвычайныя

страданія народа и недовольство его своимъ положеніемъ. Притомъ въ обвинительномъ актѣ почти на каждой страницѣ можно найти указанія, что подсудимые напирали главнымъ образомъ на тяжесть податей, на недостатокъ земли, на общее обѣднѣніе крестьянъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что мнѣ часто приходится возвращаться къ этому предмету, тѣмъ болѣе, что вслѣдствіе перерывовъ, которыми я подвергался со стороны г. первоприсутствующаго, я не могу излагать свои соображенія вполне послѣдовательно, систематично. Повторяю, я считаю этотъ вопросъ самымъ существеннымъ, и потому мнѣ необходимо сказать о немъ еще нѣсколько словъ... *П.* Вы извольте теперь вести вашу рѣчь къ тому, признаете ли вы себя виновнымъ, или нѣтъ. *М.* Я уже сказалъ, что признаю себя членомъ соціально-революціонной партіи.. Въ моей рѣчи я хотѣлъ выяснитъ тѣ причины, которыя повлекли за собой созданіе этой партіи. *П.* Вы уже сказали о причинахъ: намъ больше нечего знать. *М.* Въ такомъ случаѣ я не могу окончить того, что я хотѣлъ еще сказать по главному вопросу. Перехожу къ другимъ, болѣе частнымъ. Изъ обвинительнаго акта видно, что, по увѣренію прокурора, сообщество, въ принадлежности къ которому я обвиняюсь, поставило цѣлью своей дѣятельности борьбу противъ религіи, собственности, семьи и науки, возводило лѣность и невѣжество на сте-

пень идеала и сулило, въ видѣ ближайшаго осуществленія блага, житье на чужой счетъ. Еслибы действительно подтвердилось, что другіе подсудимые подавались подобными цѣлями, то я руками и ногами откестился бы отъ солидарности съ ними и, чтобы очистить себя отъ подобныхъ обвиненій, я выскажу свой взглядъ на задачу соц.-револ. партіи по отношенію къ только что перечисленнымъ мною вопросамъ. Начну съ религіи. Въ идеалѣ общественнаго строя, стремиться къ осуществленію котораго я поставилъ цѣлью своей дѣятельности, нѣтъ мѣста уголовнымъ наказаніямъ за распространеніе какихъ бы то ни было вредныхъ, въ томъ числѣ и религіозныхъ идей, за совращеніе въ ереси, за исполненіе или неисполненіе обрядовъ, предписанныхъ такою-то церковью, и т. п. Словомъ, нѣтъ мѣста насилію надъ мыслью и совѣстью человѣка; каждый можетъ вѣрить или не вѣрить во что ему угодно; каждая община, если только пожелаетъ, будетъ имѣть право строить у себя на свой собственный счетъ сколько угодно церквей и содержать сколько угодно поповъ. Никто помѣшать этому не можетъ, ибо община вполне самостоятельная, вполне независимая устроительница своихъ дѣлъ. Согласно нашему идеалу, не должно быть такой власти, которая принуждала бы подъ страхомъ наказанія лгать, лицемерить... *П.* Васъ и теперь никто не принуждаетъ, лгать, лицемерить. Прошу воздержаться

отъ подобныхъ инсинуацій *М.* По нашимъ законамъ я, подѣ страхомъ уголовнаго наказанія, не могу перейти изъ православія въ другое вѣроисповѣданіе, слѣдовательно, законъ принуждаетъ меня лицемерить. *П.* Вы не можете порицать законовъ, и, вообще, каковы бы ни были законы, они не подлежатъ нашему обсужденію. *М.* Я констатирую только извѣстный фактъ. Я говорю, что въ желанномъ намъ строѣ не должно быть такой силы, которая заставляла бы людей насильно, подѣ конвоемъ жандармовъ, шествовать въ христіанскій или иной рай. *П.* (возвысивъ голосъ). Я не могу дозволить такихъ выраженій. *М.* Словомъ, по отношенію къ религіи я желаю одного—полнѣйшей вѣротерпимости и глубоко убѣжденъ, что свобода слова въ соединеніи съ правильнымъ воспитаніемъ и образованіемъ непременно приведутъ къ торжеству истины, т.-е. къ торжеству научной мысли надъ мыслью теологической, и тогда... *П.* Намъ нѣтъ дѣла до вашихъ убѣжденій. *М.* А за что же я сижу, какъ не за убѣжденія? *П.* Не за убѣжденія, а за дѣйствія. *М.* За дѣйствія, которыя служатъ только выраженіемъ моихъ убѣжденій. Перехожу къ другому обвиненію, взводимому на всѣхъ насъ прокуратурой, въ томъ, что мы возводили невѣжество на степень идеала. Это очевидная клевета, и мнѣ не стоитъ ни малѣйшаго труда опровергнуть ее. Приведу хоть одно соображеніе. Кого скорѣе можно считать ревнителемъ не-

вѣщества: тѣхъ ли, кто съ рискомъ для себя, печатаетъ и распространяетъ хоть бы такія книги, какъ сочиненія Лассаля, или тѣхъ, кто преслѣдуетъ, истребляетъ подобныя книги? *П.* Вы произносите защитительную рѣчь, для которой теперь не время. *М.* Я хочу только возразить на тѣ обвиненія, которыя возведены прокуроромъ на всѣхъ подсудимыхъ огуломъ, а въ томъ числѣ и на меня. *П.* Это вы уснѣете сдѣлать въ свое время, а не теперь. *М.* Я прошу указать мнѣ моментъ, когда я буду имѣть право говорить объ этомъ. *П.* Я не обязанъ указывать, что будетъ зависѣть отъ усмотрѣнія суда. На тѣхъ, первою, обращается къ Манинскому съ вопросомъ, признаетъ ли онъ себя виновнымъ въ томъ, что составлялъ, печаталъ и распространялъ въ разныхъ мѣстности сочиненія, возбуждающія въ бунту или иному неповиновенію власти верховной, съ цѣлью распространенія ихъ. *М.* Я признаю, что, въ качествѣ содержателя типографіи, я считалъ своею обязанностью, по мѣрѣ силъ своихъ, содѣйствовать печатанію книгъ, запрещенныхъ правительствомъ, и прошу позволенія теперь же объяснить причины, побудившія меня къ этому. Мысль о необходимости печатанія книгъ антиправительственнаго содержанія созрѣвала во мнѣ постепенно, и я рѣшился, наконецъ, осуществить ее только тогда, когда окончательно убѣдился, что у насъ на Руси печать находится въ безотраднѣ-жалкомъ положеніи, вовсе не

соотвѣтствующемъ потребностямъ какъ современнаго образованнаго общества, такъ и въ особенности потребностямъ народа; когда я убѣдился, что у насъ каждый правдивый, неподкрашенный рассказъ изъ жизни трудящагося люда, каждая честно написанная книга, объясняющая дѣйствительныя причины народныхъ страданій, каждая дѣльная статья, указывающая страшныя язвы на русскомъ государственномъ и общественномъ организмѣ,—все это безпощадно преслѣдуется, истребляется, сожигается...

П. Вы произносите защитительную рѣчь. **М.** Могу ли я говорить о причинахъ преступленій? **П.** Объ этомъ вы можете говорить послѣ... Затѣмъ... (смотря въ обвинительный актъ). Вы обвиняетесь еще въ томъ... **М.** Я не буду отвѣчать ни на какіе ваши вопросы, прежде чѣмъ успѣю дать необходимыя разъясненія по первымъ двумъ обвиненіямъ.

П. Такъ садитесь. Мышкинъ сѣлъ. Затѣмъ былъ допрошенъ свидѣтель Гольдманъ. **Мыш.** Хотя я на основаніи 729 ст. Уст. угол. суд. имѣю право требовать, чтобы мнѣ было сообщено обо всемъ, бывшемъ на судѣ по первымъ 11 группамъ, но такъ какъ я увѣренъ, что подобное требованіе, несмотря на всю его законность, не будетъ уважено, то я считаю излишнимъ обращаться съ нимъ къ суду. Но я прошу, по крайней мѣрѣ, сообщить мнѣ о тѣхъ наиболѣе важныхъ частяхъ суд. слѣдствія, которыя имѣютъ непосредственное отношеніе ко мнѣ,

какъ къ одному изъ членовъ предполагаемаго общества. Напр., всѣ подсудимые, слѣдовательно, въ томъ числѣ и я, обвиняются въ готовности къ совершенію всякихъ преступленій ради пріобрѣтенія денегъ. Я желаю знать, подтвердило ли судебное слѣдствіе тѣ факты, на основаніи которыхъ прокуроръ создалъ это обвиненіе. Такъ, подтвердило ли слѣдствіе, что нѣкоторые подсудимые „предлагали Идалии Польгеймъ сдѣлаться любовницей какого-то старика, курскаго помѣщика, съ тѣмъ, чтобы обобрать его, отравить, а деньги доставить на пользу кружка“? Если я получу отвѣтъ на этотъ вопросъ, то затѣмъ укажу еще нѣсколько подобныхъ же мѣстъ обвинительнаго акта, относительно которыхъ мнѣ необходимо знать, подтверждены ли они суд. слѣдствіемъ.

Перв. Во время всего слѣдствія по первымъ 11-ти группамъ ваше имя ни разу не упоминалось; слѣдовательно, оно вовсе не относится до насъ. **М.** До меня относятся всѣ тѣ факты, на которыхъ построены общіе прокурорскіе выводы, напр., я уже указалъ на обвиненіе въ готовности совершить преступленіе ради денегъ. Такъ какъ въ обвинительномъ актѣ не сказано, что оно относится только до такихъ-то лицъ, а возводится вообще на всѣхъ, то, очевидно, что сдѣлано это только вслѣдствіе предположенія солидарности между всѣми нами; поэтому каждый изъ насъ имѣетъ право знать всѣ части слѣдствія, которыя относятся до подобныхъ

общих обвинений. На требовании объяснения, подтвердило ли судебное следствие как упомянутую мною фактъ, так и другие подобные же факты, я настаиваю потому, что, какъ известно мнѣ частнымъ образомъ, уже доказана судебн. слѣдствиемъ лживость ихъ, а, слѣдовательно, и лживость прокурорскихъ выводовъ. *П.* (возвысивъ голосъ). Прошу не употреблять подобныхъ оскорбительныхъ выражений. *М.* Для выясненія вопроса о правѣ моемъ на полученіе требуемыхъ мною свидѣній я желаю, чтобы прокуроръ объяснилъ, относится ли обвиненіе въ готовности на всякія преступленія въ числѣ прочихъ подсудимыхъ и ко мнѣ или нѣтъ. *П.* Подобнаго объясненія прокуроръ теперь не можетъ дать. Когда вы услышите обвинительную рѣчь, тогда и представите свои соображенія. *М.* Но, не располагая данными всего слѣдствия, я лишень буду возможности опровергнуть общіе прокурорскіе выводы, хотя бы они были совершенно неосновательны. *П.* Вы будете слышать слѣдствие по этой группѣ и узнаете все, что относится до васъ. *М.* Но я не узнаю ничего, относящагося до тѣхъ обвиненій, о которыхъ я упомянулъ и которыя возводятся вообще на всѣхъ подсудимыхъ. *П.* Вы еще не знаете, что будетъ выяснено здѣсь на суд. слѣдствіи. *М.* Обвиненіе меня въ принадлежности къ сообществу основано не на какой-либо опредѣленной группѣ свидѣтельскихъ показаній;

обвинительномъ актѣ вовсе не указаны даже улики, изобличающія меня въ этомъ преступленіи, значить, обвиненіе это основано исключительно на предположеніи нравственной связи между всѣми подсудимыми, — предположеніи, извлеченномъ, вѣроятно, прокуроромъ изъ всего слѣдственного производства. Поэтому и я, какъ сторона, равноправная по закону съ прокуроромъ, имѣю право на ознакомленіе со всѣми данными, подтверждающими, по мнѣнію прокурора, связь между нами, и въ особенности съ тѣми данными, на которыхъ, повторяю, основано обвиненіе всѣхъ насъ огуломъ въ различныхъ преступленіяхъ. *П.* Еще разъ говорю, что, находя слѣдствие по предыдущимъ группамъ не относящимся до насъ, я не считаю нужнымъ сообщить вамъ о немъ. *М.* Въ такомъ случаѣ я желаю теперь возразить на нѣкоторыя изъ прокурорскихъ обвиненій. Такъ, между прочимъ, въ обвинительномъ актѣ сказано, что мы смотримъ на науку, какъ на средство эксплуатировать народъ, и склоняемъ учащуюся молодежь покидать школы. Я открыто признаюсь, что принадлежу къ числу тѣхъ, которые не видятъ для революціонера необходимости оканчивать курсъ въ государственныхъ школахъ. Такъ какъ этотъ взглядъ навлекъ на насъ уже не мало нареканій со стороны известной части общества, то я считаю необходимымъ объяснить, путемъ какихъ соображеній я пришелъ къ этому взгляду. Я предположилъ, что,

еслибы Россія въ настоящее время находилась подъ татарскимъ игомъ, и во всѣхъ большихъ городахъ на деньги, собранныя въ видѣ дани съ русскаго народа, существовали бы школы подъ вѣдѣніемъ татарскихъ баскаковъ, въ этихъ школахъ читались бы лекціи о великихъ добродѣтеляхъ татарскихъ хановъ, объ ихъ блестящихъ военныхъ подвигахъ, объ историческомъ правѣ татаръ господствовать надъ русскимъ народомъ и собирать съ него дань... II. Этотъ примѣръ не идетъ къ дѣлу. М. Г. первоприсутствующій! Я обладаю такимъ складомъ ума, что могу усваивать извѣстное положеніе и доказывать справедливость его преимущественно только путемъ аналогій, сравненій. Поэтому прошу позволить мнѣ окончить начатое сравненіе, какъ вполнѣ уясняющее мою мысль. Итакъ, еслибы въ предположенныхъ мною школахъ исторія излагалась такимъ образомъ, чтобы доказать неспособность русскаго народа къ самостоятельной жизни, и все обученіе было бы направлено лишь къ тому, чтобы создать изъ русскихъ юношей вѣрныхъ, покорныхъ слугъ татарскихъ хановъ, то спрашивается—была ли бы необходимость оканчивать курсъ въ подобныхъ школахъ для той части русской молодежи, которая желала бы посвятить всѣ свои силы дѣлу воодушевленія русскаго народа къ дружной, единодушной борьбѣ противъ отъявленныхъ враговъ его?—Конечно, нѣтъ! Точно также я ду-

маю, что и въ настоящее время нѣтъ надобности для революціонера въ окончаніи курса въ существующихъ государственныхъ школахъ, потому что...—удерживаюсь отъ окончанія этой фразы изъ опасенія быть остановленнымъ г. первоприсутствующимъ. Затѣмъ въ обвинительномъ актѣ говорится, что сущность революціоннаго ученія заключается въ томъ, что „лишеніе ближняго его собственности и уничтоженіе власти, которая сему препятствуетъ, есть формула осуществленія если не всеобщаго, то нашего личнаго (пропагандистовъ) блага на землѣ“. Я, признаюсь, незнакомъ съ такимъ революціоннымъ ученіемъ. Ученіе, котораго я придерживаюсь, гласитъ, напротивъ, что обезпеченіе трудящемуся человеку права полного пользованія продуктомъ его труда и уничтоженіе власти, которая сему препятствуетъ, безусловно необходимы для осуществленія на землѣ блага трудящихся классовъ. Можно ли серьезно называть охранительницею собственности ту самую государственную власть, которая насильственно присвоиваетъ себѣ право налагать на народъ какую угодно контрибуцію, взыскивать эту произвольно наложенную дань при помощи военныхъ командъ,—отнимаетъ послѣдній кусокъ хлѣба у крестьянина“. Первоприсутствующій прерываетъ Мышкина, и между ними завязывается споръ, подобный приведенному выше: первоприсутствующій кричитъ, что не можетъ допустить порицанія пра-

вительства, а Мышкинъ доказываетъ право политическаго преступника на выраженіе такого порицанія, потому что иначе причина преступленія не можетъ быть выяснена. Только недовольство правительствомъ, говоритъ онъ, и вообще существующимъ строемъ создаетъ революціонеровъ. Кончается тѣмъ, что Мышкинъ принужденъ былъ отказаться отъ разбора наиболѣе существенныхъ общихъ прокурорскихъ выводовъ, изложенныхъ на первыхъ страницахъ обвинительнаго акта. „Значитъ“,—прибавилъ Мышкинъ,—„прокуроръ можетъ говорить и писать, что ему угодно, а мы все должны молчать“, затѣмъ онъ продолжалъ:—„Перехожу къ другому предмету. Прошу заявить о тѣхъ незаконныхъ, насильственныхъ мѣрахъ, которыя были приняты противъ меня во время предварительнаго ареста. Послѣ перваго же допроса я, за нежеланіе отвѣчать на нѣкорые изъ предложенныхъ мнѣ вопросовъ, былъ закованъ сначала въ ножные кандалы, а спустя нѣкоторое время еще въ наручники. Одновременно съ этимъ я былъ лишенъ права пользоваться не только чаемъ, но даже просто кипяченою водою“... *П.* Ваше заявленіе совершенно голословно. *М.* О заковкѣ въ кандалы имѣется протоколъ въ дѣлѣ. До какой мелочности доходитъ мстительность властей по отношенію къ политическому преступнику, въ которомъ они видятъ своего личнаго врага, лучше всего доказываетъ слѣдующій,

правда, мелкій, но очень характерный фактъ. Когда я унизился до ничтожной просьбы о дозволеніи носить подъ кандалами чулки, потому что на ногахъ образовались язвы отъ кандаловъ, то даже на эту ничтожную просьбу я получилъ отказъ. Затѣмъ во все время содержанія меня подъ стражею, мнѣ ни разу не позволили повидаться съ матерью. *П.* Судъ не можетъ провѣрить ваши показанія, какъ совершенно голословныя. *М.* Я обращался въ Особое Присутствіе съ просьбою объ истребованіи, откуда слѣдуетъ, справокъ объ обстоятельствахъ, сопровождавшихъ заковку меня въ кандалы, но Особое Присутствіе не нашло мою просьбу заслуживающей уваженія. Что же касается до запрещенія мнѣ видѣться съ матерью, то провѣрить эти слова очень легко,—стоитъ только спросить у Желеховскаго мое прошеніе по этому предмету и его отвѣтъ. *П.* Дѣйствія прокуратуры не подлежатъ разсмотрѣнію суда: она имѣетъ свое начальство. Особое Присутствіе не можетъ входить въ разсмотрѣніе подобныхъ обстоятельствъ. *М.* Насильственные мѣры, подобныя указаннымъ мною, не могутъ не оказывать вліянія на характеръ объясненій подсудимаго, а, слѣдовательно, и на то представленіе, которое составляютъ о немъ предварительно судьи; поэтому... *П.* Вы не можете знать, какое мнѣніе мы имѣемъ о васъ. *М.* Но я думаю, что это представленіе основывается главнымъ обра-

зомъ на документахъ предварительнаго слѣдствія, и потому для судей не лишнее знать, какія пытки пускаются въ ходъ съ цѣлью вымучиванія отъ подсудимыхъ желаемыхъ для властей показаній, хотя нерѣдко безуспѣшно. *II.* Эти мѣры были приняты противъ васъ на дознаніи; Особому Присутствію не подлежитъ разсмотрѣніе дѣйствій лицъ, принимавшихъ эти мѣры. *М.* Итакъ, насъ могутъ пытать, мучить, а мы не только не можемъ искать правды — конечно, я не на столько наивенъ, чтобы ожидать правды отъ суда и различныхъ властей, но насъ лишаютъ даже возможности довести до свѣдѣнія общества, что на Руси обращаются съ политическими преступниками хуже, чѣмъ турки съ христианами. *II.* О какихъ такихъ пыткахъ говорите вы? *М.* Да, я, смѣло могу сказать, что насъ подвергаютъ пыткамъ. Я указалъ на кандалы, но это пустяки въ сравненіи съ другими мѣрами, которыя принимались для вымучиванія отъ насъ показаній. Напримѣръ, я въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ лишенъ былъ права чтенія какихъ бы то ни было книгъ, даже духовнаго содержанія, даже Евангелія, и жандармскій офицеръ откровенно говорилъ мнѣ, что какъ только я дамъ требуемыя показанія относительно предполагаемыхъ моихъ соучастниковъ, то мнѣ немедленно позволятъ имѣть книги, журналы, газеты. *II.* Ваше заявленіе опять-таки голословное. *М.* Я подавалъ нѣсколько жалобъ на это беззаконіе,

но онѣ почему-то не приложены къ дѣлу, а спрятаны подъ зеленое сукно. Сидѣть въ одиночномъ заключеніи безъ всякихъ книгъ — это очень тяжелая, очень сильная пытка. Въ виду такихъ мѣръ, можно ли удивляться, что въ нашей средѣ оказался такой громадный процентъ смертности и сумасшествія. Да, многіе, очень многіе изъ нашихъ товарищей сошли уже въ могилу, не даждавшись суда. *II.* Теперь не время и незачѣмъ заявлять объ этомъ. *М.* Неужели мы цѣною продолжительной каторги, которая ждетъ насъ, не купили себѣ даже права заявить на судѣ о тѣхъ насиліяхъ, — насиліяхъ физическихъ и нравственныхъ, — которымъ подвергали насъ? На каждомъ словѣ объ этомъ намъ зажимаютъ ротъ. *II.* Тѣмъ не менѣе вы высказали все, что хотѣли. *М.* Нѣтъ, это еще не все, а если позволите, я кончу. *II.* Нѣтъ, теперь этого не могу позволить. *М.* Въ такомъ случаѣ, послѣ всѣхъ многочисленныхъ перерывовъ, которыхъ я удостоился со стороны первоприсутствующаго, мнѣ остается сдѣлать одно, вѣроятно, послѣднее заявленіе. Теперь я окончательно убѣдился въ справедливости мнѣнія моихъ товарищей, заранѣе отказавшихся отъ всякихъ объясненій на судѣ, того мнѣнія, что, несмотря на отсутствіе гласности, намъ не дадутъ возможности выяснить истинный характеръ дѣла. Теперь для всѣхъ очевидно, что здѣсь не можетъ раздаваться правдивая рѣчь, что здѣсь на каждомъ

откровенномъ словѣ зажимають ротъ подсудимому. Теперь я могу, я имѣю полное право сказать, что это не судъ, а простая комедія, или нѣчто худшее, болѣе отвратительное, позорное, болѣе позорное...“ При словахъ „пустая комедія“ Петерсъ закричалъ: — „уведите его“... Жандармскій офицеръ бросился на Мышкина, но подсудимый Рабиновичъ, загородивъ собою дорогу и придерживая дверцу, ведущую на „голгофу“*), не пускалъ офицера; послѣдній послѣ нѣсколькихъ усилій оттолкнулъ Рабиновича и другого подсудимаго, Стопане, старавшагося также остановить его, и обхвативши одною рукою самого Мышкина, чтобы вывести его, другою сталъ зажимать ему ротъ. — Послѣднее однакожь не удалось: Мышкинъ продолжалъ все громче и громче начатую имъ фразу... „болѣе позорное, чѣмъ домъ терпимости: тамъ женщина изъ-за нужды торгуетъ своимъ тѣломъ, а здѣсь сенаторы изъ подлости, изъ холопства, изъ-за чиновъ и крупныхъ окладовъ торгуютъ чужой жизнью, истиной и справедливостью, торгуютъ всѣмъ, что есть наиболѣе дорогого для человѣчества“. Когда Мышкинъ говорилъ это, на помощь офицеру бросилось еще нѣсколько жандар-

*) „На голгофу“ были отдѣлены пять подсудимыхъ: Коваликъ, Войнаральскій, Рогачевъ, Мышкинъ и Костуринъ, которыхъ вообще содержали подъ стражей, на особомъ половѣніи, подъ присмотромъ особо приставленныхъ къ нимъ жандармовъ.

мовъ, и завязалась борьба. Жандармы смяли Рабиновича, преграждавшаго имъ дорогу, схватили Мышкина и вытащили его изъ залы. Подсудимый Стопане приблизился къ рѣшеткѣ, отдѣляющей его отъ судей, и громко закричалъ: „Это не судъ! Мерзавцы! Я васъ презираю, негодяи, холопы!“ — Жандармъ схватилъ его за грудь, потомъ толкнулъ въ шею, другіе подхватили и потащили. Тоже послѣдовало и съ Рабиновичемъ. Эта сцена безобразнаго насилія вызвала громкіе крики негодованія со стороны подсудимыхъ и публики. Публика инстинктивно вскочила со своихъ мѣстъ. Страшный шумъ заглушилъ конецъ фразы Мышкина. Вообще во время этой башни-бузукской расправы съ подсудимыми въ залѣ господствовало величайшее смятеніе. Нѣсколько женщинъ изъ числа подсудимыхъ и публики упало въ обморокъ, съ одной случился истерическій припадокъ. Раздавались стоны, истерическій хохотъ, крики: „Боже мой, что это дѣлають, варвары! бьютъ, колютъ подсудимыхъ! Палачи, живодеры проклятые!“ Защитники, пристава, публика, жандармы — все это задвигалось, заволновалось. Такъ какъ публика не обнаружила особой готовности очистить залу, то явилось множество полицейскихъ, и подъ ихъ напоромъ публика была выпровождена изъ залы суда. Часть защитниковъ старалась привести въ чувство женщинъ, упавшихъ въ обморокъ. Рассказываютъ, что туда же сунулся жандармскій офицеръ. — „Что

вамъ нужно?" — спрашиваетъ его одинъ изъ защитниковъ. — „Можетъ быть, понадобятся мои услуги?" — „Уйдите, пожалуйста, развѣ вы не видите, что одинъ вашъ видъ приводитъ людей въ бѣшенство?" — отвѣтилъ адвокатъ: — офицеръ махнулъ рукой и ушелъ, послѣдовавъ умному совѣту. Во время расправы первоприсутствующаго съ подсудимыми, прокуроръ и секретарь вскочили со своихъ мѣстъ и, видимо смущенные, оставались все время на ногахъ. Первоприсутствующій ушелъ и, растерявшись, позабылъ объявить засѣданіе закрытымъ. Приставъ отъ его имени объявилъ засѣданіе закрытымъ. Говорятъ, будто защитники возразили, что имъ нужно слышать это изъ устъ самого предсѣдателя. Поэтому они были приглашены въ особую комнату, гдѣ первоприсутствующій объявилъ имъ о закрытіи засѣданія. Защитники требовали составленія протокола о кулачной расправѣ, но первоприсутствующій не счелъ нужнымъ удовлетворить ихъ просьбу и даже упрекнулъ адвокатовъ въ подстрекательствѣ. Желеховскій воскликнулъ по этому поводу — „Это чистая революція“.
